

[Polaris]

ЭСКАДРИЛЬЯ

ВСЕМИРНОЙ КОММУНЫ

Советская героическая фантастика
1920-х гг.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

I

Salamandra P.V.V.

ЭСКАДРИЛЬЯ ВСЕМИРНОЙ КОММУНЫ

**Советская героическая
фантастика 1920-х гг.**

Составление и комментарии
М. Фоменко

Salamandra P.V.V.

Эскадрилья всемирной коммуны: Советская героическая фантастика 1920-х гг. Сост. и комм. М. Фоменко. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2013. – 197 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. I).

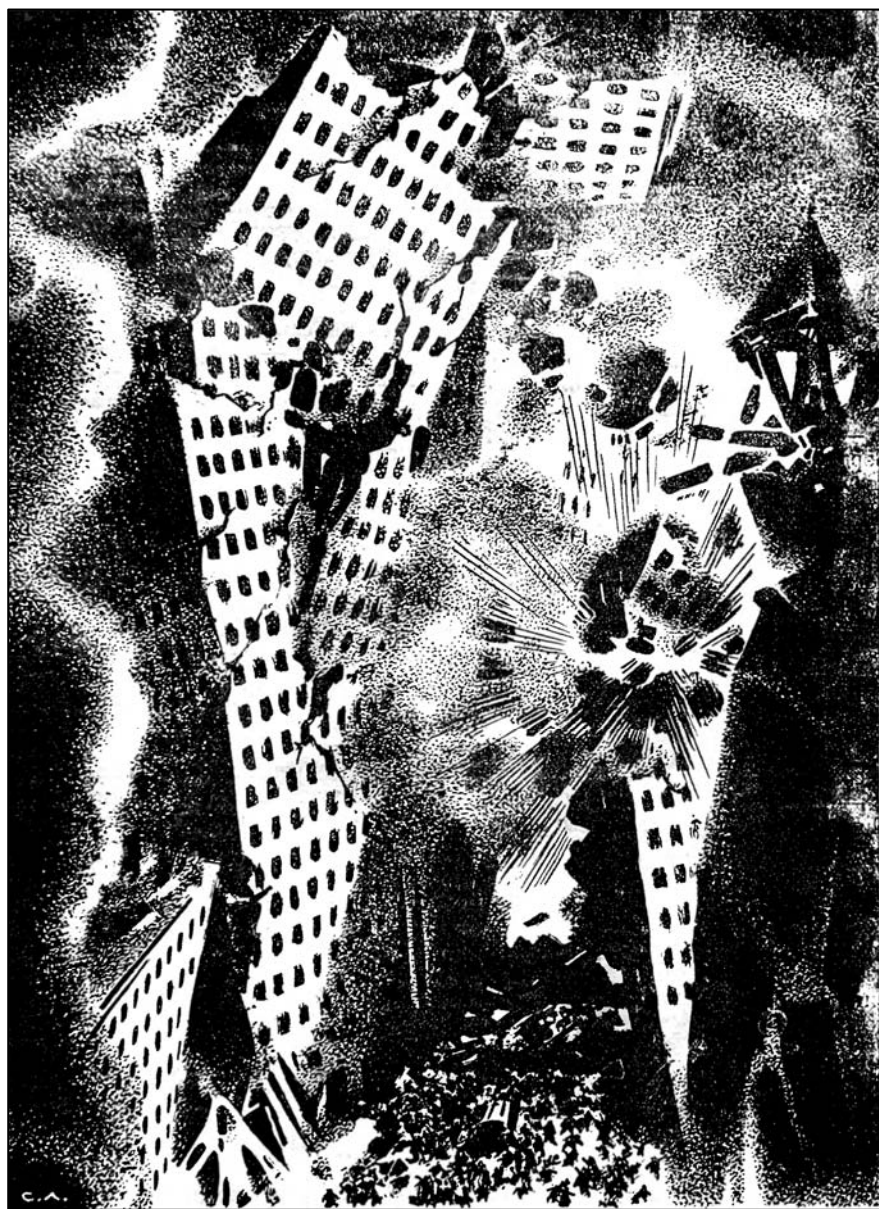
В сборник вошли романы, повести и рассказы советских фантастов 1920-х гг. – «Гибель Главного Города» Е. Зозули, «Эскадрилья всемирной коммуны» С. Буданцева, «Таинственный взрыв» Н. Шпанова, «Огненные дни» А. Горелова, «Гибель Британии» С. Григорьева и «Стальной замок» автора, скрывшегося под псевдонимом П. Н. Г.

Объединяет их тема борьбы коммунистического интернационала и зловных, жестоких толстосумов, «последнего и решительного» боя мировой Коммуны и мирового Капитала.

В этих произведениях отразились и другие распространенные темы эпохи: фантастические изобретения, завоевание воздуха, вездесущие шпионы и диверсанты, глобальные катастрофы и авантурные приключения «красных Пинкертонов».

© Авторы

© Salamandra P.V.V., примечания, состав, оформление, 2013

**ЭСКАДРИЛЬЯ
ВСЕМИРНОЙ
КОММУНЫ**

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В предлагаемый читателю сборник вошли романы, повести и рассказы советских фантастов 1920-х гг. – «Гибель Главного Города» Е. Зозули, «Эскадрилья всемирной коммуны» С. Буданцева, «Огненные дни» А. Горелова, «Таинственный взрыв» Н. Шпанова, «Гибель Британии» С. Григорьева и «Стальной замок» автора, скрывшегося под псевдонимом П. Н. Г.

Объединяет их тема борьбы коммунистического интернационала и зловных, жестоких толстосумов, «последнего и решительного» боя мировой Коммуны и мирового Капитала.

Это героическая фантастика, но индивидуальных героев в ней нет – здесь действуют ожившие схемы, толпы, массы, армии, страны и континенты.

В произведениях, включенных в книгу, отразились и другие распространенные темы эпохи: небывалые изобретения, вездесущие шпионы и диверсанты, глобальные катастрофы и авантюрные приключения «красных Пинкертонов».

Роднит их и мотив завоевания воздуха – лозунг «Крепи воздушный флот» был в ту пору как нельзя актуален. Аэротанки, воздушные бои и налеты, фантастические летательные аппараты так и мелькают на забытых страницах этих рассказов и повестей. Они были написаны почти столетие назад, но не утратили своей увлекательности и при всей агрессивности и кровожадности, свойственным советской героической фантастике, сохранили наивную прелесть идей и изложения.

Ефим Зозуля

ГИБЕЛЬ ГЛАВНОГО ГОРОДА

ГИБЕЛЬ ГЛАВНОГО ГОРОДА

Глава первая

В это утро редкие вялые толпы собирались на площадях и перекрестках улиц. Люди, невымытые, невыспавшиеся, растрепаннные, наскоро одетые, выбегали из домов, тревожно и нерешительно бродили вдоль улиц и встречали друг друга унылыми стонами-восклицаниями:

— Они пришли!

— Да. Они здесь!

Кто-то, закрыв глаза и прижав к груди руки, рассказывал:

— Они здесь. Я живу на окраине и слышал звуки труб. Они ликовали. Всю ночь играла музыка.

— А наша армия? Где наша армия?

— Она не в силах бороться с ними. По стратегической диаграмме Главного Генерала, опубликованной вчера, мы ослаблены на две и шесть десятых. Борьба была бы безумием. Солдаты заперлись в казармах. Они говорят, что их предали.

— Позор! Позор!

— Гибель!

— Всю ночь играла музыка!

— Сегодня они войдут в город.

— Смотрите! Смотрите!

Один из жителей Главного Города — невзрачный, по-видимому, больной — присел и поднял обе руки, устремив на небо испуганный и растерянный взгляд.

Высоко над Главным Городом кружился аэроплан.

Каждые несколько минут от него отделялась небольшая темная масса и по неровной наклонной линии падала вниз.

— Спасайтесь! — кричали отовсюду. — Спасайтесь! Спасайтесь!

Унылые фигуры, согнувшись и схватившись за голову, бежали по улицам и скрывались в домах.

Но вскоре опять выходили.

Оказалось, что враг-победитель бросал с аэропланов цветы... Самые настоящие, огромные связки гвоздик и роз...

— О, гнусные, жестокие люди!

— Разбойники!

— Звери!

— Подлые, грязные души!

Каждый, даже самый мирный житель Главного Города ругал победителей самым желчным образом. Цветы — вместо недавних снарядов. Цветы, бросаемые побежденным, униженным и растоптанным, — это была злая, бесконечно-обидная насмешка.

Никто не брал этих цветов. Двух подростков, поднявших цветы из любопытства, толпа избилла и сбросила с моста в реку.

Главный Город впервые сознал свой позор.

Магазины были закрыты. Трамвай остановлен.

Многие носили траур.

А в разных частях города, на улицах, балконах, площадях и крышах валялись чужие цветы, обидно пестрели чужой дразнящей радостью, вызывая в жителях Главного Города стоны обиды и отчаяния.

Глава вторая

Ожидали, что неприятельские войска с триумфом вступят в город и пройдут по главным улицам, покоря женщин и вызывая последнее отчаяние в душах мужчин.

Но ни один отряд не вступал. Неприятель расположился далеко за городом, только в некоторых отдаленных окраинах слышна была музыка, игра многих, как выяснилось потом, более пятидесяти соединенных оркестров.

По ночам над Главным Городом сияли огненные надписи неприятельских словесных прожекторов. На темном фоне ночного неба над Главным Городом появлялись огненные стихи неприятельских поэтов. В них говорилось о силе победителей, об их культурности и милосердии. Вслед за стихами сверкали уверения, что жители Главного Города не будут обижены, что порядок жизни не будет нарушен, и только одно условие президент должен будет подписать. «Одно условие» было подчеркнуто.

Затем; на небе печатались рекламы неприятельских торговых фирм — про мыло, какао, часы и ботинки. Все небо до рассвета было покрыто этими рекламами. Жители плакали в домах. Подходили к окнам, смотрели на небо, читали рекламу про новую гнутую мебель или гигиенические наусники и — плакали.

Следующий день прошел спокойно. Музыка за городом смолкла.

Перестали сыпаться и цветы. Только ночью опять назойливо и нагло пестрели на небе светящиеся объявления — бесконечные, бесконечные — уже более мелких и второстепенных фирм.

Глава третья

Президент Главного Города созвал наиболее деятельных членов парламента, представителей прессы и Главного Генерала и объявил им, что Главный Город погибает.

Все это знали: о гибели Главного Города писали много еще задолго до победы неприятеля, но президента выслушали почтительно, — он был безмерно уважаем и не был повинен в поражении.

Многие из членов парламента подумывали даже о необходимости выражения сочувствия ему, как страдальцу и мученику.

— Главный Город погиб, граждане, — сказал президент. — Мы еще не знаем условий мира, но они будут ужасны. Призываю вас к спокойствию и мужественному терпению.

В его словах были: вескость и то, что вызывает успокоение.

— Надо напечатать воззвание, — предложил один из членов парламента.

— Да. Да. Непременно. Воззвание. Надо выбрать комиссию.

Комиссия была выбрана и воззвание составлено.

«Граждане Главного Города! — говорилось в нем. — Призываю вас к спокойствию. Ни одна бестактность не должна быть совершена по отношению к победившим. Не будем отвечать ни на одно оскорбление. Не обращайтесь внимания на цветы, рекламы и музыку наших врагов. Будьте терпеливы. Да поможет вам Разум, единственный царь земли, покоритесь его единственной законной власти».

Воззвание не помогло. Ночью в разных частях города была слышна стрельба. Стреляли из ружей и пушек по объявлениям, назойливо заволакивавшим небо.

На одной из окраин образовался большой партизанский отряд, самовольно отправившийся воевать с победившим врагом.

Безумцев постигла жестокая участь: их обезоружили, разъединили, насильно вымыли, переодели и заставляли слушать музыку, есть роскошную пищу и развлекаться в обществе прекрасных женщин.

Многие покончили самоубийством, многие посажены в дома для умалишенных, а большая часть, опозоренная, высмеянная, не выдержавшая искуса, вернулась в Главный Город.

Глава четвертая

На пятый день торжества победы враг прислал парламентаров.

Они прибыли без оружия и конвоя в открытом автомобиле и остановились у дома президента. Было их три человека: старик, женщина и высокий, сухой, прищуренный человек средних лет, на вид самый твердый и деловой из них.

Оказалось, однако, что главой делегации была женщина — среднего роста, костлявая, с приятной улыбкой и бесцветными глазами.

Она объявила президенту Главного Города, что ее народ не желает побежденным злом, не хочет ни насилий, ни мести, — он требует только одного: согласия на то, чтобы над Главным Городом выстроить новый город, над его площадями и улицами — новые площади и улицы, над его домами и мостами — новые дома и мосты.

Президент поднялся с кресла, взмахнул руками и — неудержимо заплакал.

Неприятельские парламентары отошли от него и повернулись к стене. Женщина была возбуждена и, точно в недоумении, поводила плечами.

Когда президент перестал плакать, она подошла к нему и сказала — без участия, но и без жестокости:

— Не понимаю, почему вы волнуетесь, господин президент, может быть, вы нас не поняли — ни один житель Главного Города, ни одно здание в нем не пострадают. Мы будем строить свой город над Главным Городом. О нашей технике вы, надеюсь, слыхали. Конечно, некоторые неудобства мы вам причиним: перед вашими окнами будут стоять стальные брусья — основания для наших домов и улиц. Но ведь это пустяки. Затем, у вас, разумеется, будет темнее, чем сейчас, возможно даже, что в некоторых районах будет совсем темно, — что ж, будете пользоваться электричеством.

Ничего не поделаешь. Воля моего народа священна, я не уполномочена менять ее.

Президент Главного Города молчал.

Враги были кратки, корректны и деловиты. Они не были сентиментальны. Кроме того, — отчетливо знали, чего хотят, и знали, что никакая сила на земле не помешает им осуществить свои желания.

— Почему вы это делаете? — спросил президент и шумно вздохнул.

Он сразу почувствовал, что вопрос его больше следствие усталости, чем государственного ума.

— Да! — поправился он. — Это я так спросил. А скажите, что вы будете делать в Верхнем Городе?

— Мы будем жить там, — ответил вместо женщины старик и насмешливо кашлянул.

— Странно.

— Тут нет ничего странного, — сказала женщина.

— Вы хотите нас погубить, — вздохнул президент. Нельзя сказать, чтобы и эта его реплика произвела большое впечатление на неприятельских парламентаров.

— Нет, господа, лучше убейте меня! Убейте! — трагически воскликнул президент и сделал жест отчаяния.

Парламентары поморщились: их страна, богатая промышленной техникой, была бедна пафосом, и пафос президента был им открыто неприятен.

— Убейте меня! Я не вынесу этого неслыханного позора! Жить внизу, во мраке, под вами, вечно встречаться с вами, смешаться с вами... О!

— Позвольте, — перебила его женщина, — жители Главного Города не будут нас видеть и не будут встречаться с нами. Только первые десять лет, покуда не закончатся работы внизу, — а затем вы нас не будете видеть.

— Как так?

— Вход в Верхний Город жителям Главного Города будет строжайше воспрещен.

— Убейте меня! Убейте! Я не хочу разговаривать с вами! Да будет проклята культура, если она может быть так жестока! — опять взволновался президент. — Убейте меня! Раз-

рушьте Главный Город, превратите его сначала в развалины, а потом стройте свой новый город. Я сегодня же организую восстание. Уходите. Переговоры я считаю излишними.

— Напрасно, — равнодушно ответила женщина. — Восстание — вещь дикая. Да и бесполезная. Мы очень сильны. Но должна вам сказать, что путь культуры — путь вернейший.

— Как вы смеете говорить о культуре? — все с тем же пафосом, какого было немало в Главном Городе, вскричал президент.

— Мы именно о ней говорим. Мы говорим о подлинной культуре. Неужели вы думаете, что мы пощадили бы вас, если б не забота о сохранении вашей культуры, если б не уважение к идее преемственности культуры? Мы считаем вас отжившим народом, но культуру вашу ценим, и свой город мы построим над вашим только потому, что хотим иметь и сохранить ваши здания, ваши прекрасные музеи, ваши библиотеки и ваши храмы. Только потому. Мы хотим иметь вашу старую, прекрасную культуру у себя, так сказать, в погребе, и выдерживать ее, как вино...

Глава пятая

Президент Главного Города обратился к победителям с просьбой освободить небо от коммерческих объявлений, хотя бы на одну ночь, чтобы иметь возможность оповестить население об условиях мира и решении победителей выстроить над Главным Городом новый город.

Неприятельский штаб ответил, что нет особенной надобности в использовании для этого непременно неба, — можно это сделать путем печатных воззваний, но если уж президенту хочется использовать непременно небо, принадлежащее победителям, то можно вступить в переговоры с пуб-

ликаторами, взявшими небо в аренду, и возместить им в соответствующем размере убытки.

Обсуждение этого вопроса в парламенте впервые обнаружило примиренческое течение центра. Один из ораторов умеренных групп произнес обширную речь, в которой доказывал, что, со своей точки зрения, точки зрения победителя, неприятель прав и поступать иначе, чем поступает, он не может. Вступать на путь вечных пререканий и явно бесплодной борьбы поэтому неразумно. Необходимо, — по возможности не откладывая, — выработать общие условия соглашения, а борьбу начать тогда, когда будут благоприятные обстоятельства.

Речь этого оратора вызвала сильное негодование. Ему был даже брошен упрек в продажности и в измене Главному Городу, а трех представителей крайних групп пришлось насильно вывести из зала заседаний.

— Не получили ли вы подряда на несколько улиц для Верхнего Города? — в исступлении крикнул один из выводимых злополучному оратору.

Президент Главного Города, осунувшийся, не спавший несколько суток, по поводу последнего упрека заявил парламенту, что никакие подряды гражданам Главного Города неприятелем даваться не будут, — это известно уже из устава постройки Верхнего Города, — и потому упрек представителя крайних групп не только незаслуженно оскорбителен, но и совершенно неоснователен.

Затем президент предложил прекратить бесполезные прения и выбрать комиссию для переговоров с арендаторами неба, для освобождения его от рекламы на одну ночь.

Комиссию выбрали.

К вечеру вопрос был решен: правительству Главного Города уступалась половина небесного свода для сообщения населению важнейших сведений.

Объявление написал сам президент. Оно было одобрено парламентом и вечером запестрело прямыми, суровыми и зловещими красными буквами на синем, таинственно-равнодушном небесном своде:

«Граждане, — говорилось в нем, — мужайтесь! В последний раз вы смотрите на вольное, на ваше небо! Отныне оно принадлежит не вам. Не для вас будут мерцать звезды и не для вас будет сиять солнце! Наш великий, чудесный и милый Главный Город будет огромным, темным, мертвенно-электрическим склепом! Над ним будет выстроен новый город, и нам будет строжайше воспрещен вход в него. Десять лет будет строиться Верхний Город, и с каждым днем все меньше и меньше будет над нами вольного неба. Таково, дорогие граждане, страшное решение победителей. Терпите! Мужайтесь! Да поможет вам разум и единственная мудрость на земле — мудрость надежды. Не может быть, чтобы Главный Город погиб так ужасно и неотвратимо.

Это — испытание слепой судьбы. Да помогут вам надежда, бодрость и вера в счастливое изменение обстоятельств».

Дальше следовал сухой текст параграфов мирного договора.

Глава шестая

Это была неповторимая по тревожности ночь. Еще до опубликования объявления президента в Главном Городе начали распространяться слухи, что неприятелем в десяти верстах от города построены и наведены на Главный Город какие-то огромные металлические трубы.

В вечерних газетах высказывались тревожные предположения, что это — сооружения для того, чтобы смыть объявление президента, если оно будет составлено в неприятном для победителей духе, — машины для устройства искусственного дождя или затемнения неба.

Но экстренные выпуски полуночных газет опровергли это предположение: оказалось, что машины и трубы устанавливались неприятельской «Ассоциацией Действенной Философии» для производства всеслышного машинного

систематического хохота над неудачами и ошибочными действиями правительства, политических партий и населения Главного Города.

Газета, первой сообщившая о настоящей цели установления машин и труб, сопроводила заметку советом — плотно закрывать на ночь двери и окна и по возможности не выходить на улицы, чтобы не слышать обидного, но — увы! — неотвратимого хохота.

Бульварные листки, выходявшие по два-три выпуска в час, успели перепечатать это сообщение и снабдить его воинственными комментариями и угрозами, что граждане Главного Города не потерпят подобного издевательства, что нужно немедленно мобилизовать все барабаны, имеющиеся в Главном Городе, все звонки, колокола, гудки и прочие инструменты, могущие создать сильный шум, а если их окажется недостаточно, то не останавливаться и перед орудийной канонадой.

В два часа ночи раздались первые раскаты ужасного машинного хохота.

Ни с чем не сравнимый гнет его звуков заставил сердца всех живых существ, населявших Главный Город, забиться и сжаться.

Машинный хохот действовал двояко: смешил и удручал.

Никто не спал в эту ночь.

По улицам слонялись с диким хохотом подростки, взрослые, женщины, старики. Многие рыдали. Многие, поддаваясь заразительности машинного хохота, смеялись и плакали одновременно.

Были попытки и противодействовать работе этих поистине адских машин. Где-то барабанили, кричали, где-то что-то взрывали, все время была слышна стрельба, но вскоре ясно стало, что если хохот будет продолжителен, результаты его будут катастрофичны.

К президенту Главного Города обратилась депутация от ученых, гуманистических обществ и университетов с просьбой немедленно вступить в переговоры с «Ассоциацией Действенной Философии» и приложить все усилия к тому, что-

бы прекратить деморализующий, бесчеловечный, неслыханный хохот.

Депутация представила президенту несколько докладов о непосредственных результатах чудовищной пытки всего за три часа.

Даже по неполным сведениям, в пятимиллионном Главном Городе уже оказались десятки психических заболеваний, около восьмидесяти самоубийств и огромное, не поддающееся подсчету, количество серьезных душевных потрясений.

Президент Главного Города принял депутацию, сидя у открытого окна. Он сидел совершенно спокойно, усталым взором вглядываясь в смутные контуры домов и крыш. Даже наиболее резкие раскаты хохота, отчетливо напоминавшие хохот здорового, широкогрудого, умного и мстительного мужчины, не заставляли его морщиться.

Он спокойно выслушал взволнованных делегатов и, покорно исполняя просьбу, отдал письменно необходимые распоряжения.

Глава седьмая

К председателю «Ассоциации Действенной Философии» отправились на правительственном самолете двое: всемирно известный писатель Клод, гуманистическим идеям которого удивлялся весь культурный мир, и ученый Главацкий, которому гений и сорокалетний неустанный труд дали возможность освободить человечество от мора чахотки.

Не могло быть сомнений в том, что два этих человека окажут должное влияние на ученых победившей страны и заставят прекратить угнетающую форму философской проповеди.

В неприятельском лагере делегатов встретили, как и можно было ожидать, с почетом. Всего через полчаса они были

приняты президиумом «Ассоциации», и ходатайство их было заслушано с величайшим вниманием.

Однако в удовлетворении ходатайства им было отказано.

Председатель «Ассоциации Действенной Философии», сморщенный старичок, в круглых золотых очках, почтительно согнувшись и сложив руки на животе, заявил знаменитым делегатам Главного Города:

— Я был бы счастлив, если б мог сделать для вас приятное. Но, к сожалению, мы считаем невозможным упустить столь благоприятный момент для борьбы с устарелой, бесплодной и, по нашим воззрениям, вредной эпидемией оптимизма, которой был охвачен Главный Город и жертвой которого он, как видите, пал. Конечно, прискорбно слышать о потрясениях и заболеваниях, сведения о которых содержатся в ваших докладах, но мы глубоко убеждены, что морально перерожденных, оздоровленных и даже духовно воскресших лиц в Главном Городе окажется в результате значительно больше. Мы считаем нужным продолжать нашу проповедь хохотом еще девять часов. Небезынтересно отметить, что у его королевского величества до нас пытался получить разрешение на смех синдикат сатирических клубов и журналов, но нам вовремя удалось доказать научность и полноту единственно нашей формы проповеди, и Академия Наук предоставила монополию нам. У синдиката имелось намерение перемежать здоровый научный хохот со свистом, что является мерой довольно сомнительной, и еще некоторыми ироническими завываниями и улюлюканием, целесообразность которых требует, конечно, самой строгой проверки и вряд ли может быть признана удовлетворительной с точки зрения науки.

Глава восьмая

С этой памятной ночи прошло две недели.

Внешне почти ничего в Главном Городе не изменилось, если не считать несколько возросшего количества пожаров. В числе их причин в пожарных бюллетенях отмечались поджоги библиотек и архивов, что было связано с кризисом мировоззрения у многих государственных деятелей и частных граждан.

Победители почти ничем не напоминали о себе. Углубление и укрепление своей победы они проводили путем официальных переговоров, изданием декретов и уставов.

Партизанские выступления отдельных отрядов прекратились.

С своей стороны победители перестали забрасывать Главный Город цветами, а музыки не слышно уже было давно. Только светящиеся объявления по вечерам заволакивали небо, но к ним жители Главного Города успели привыкнуть.

Магазины были открыты. Городское движение возобновилось в полной мере. Газеты и журналы выходили регулярно.

Начавшийся было массовый отъезд из Главного Города состоятельных граждан был прекращен запретительным неприятельским декретом, но и это не повергло общество в особенное уныние.

Дух апатии и равнодушия вообще с каждым днем все больше и больше охватывал население.

Кинематографические съемочные автоматы, имевшиеся на многих улицах Главного Города, непрерывно снимавшие прохожих для изучения их «Обществом Любви к Человеку», сейчас давали на снимках большой процент фигур с вялой поступью, рассеянным и угнетенным выражением лиц и нервными движениями. В знак траура и протеста члены «Общества Любви к Человеку» носили на левой руке черную повязку.

В городе участились самоубийства. В газетах, в отделе объявлений, печатались предсмертные письма, признания и афоризмы самоубийц. Один старый почтенный голубятник отравил кокаином всех своих голубей, — больше десяти тысяч, — выкрасил всех в черную краску и выпустил в город. Сам он отравился в тот же день, а бедные птицы обалдело носились по городу несколько часов и замертво падали на крыши и мостовые, с жалобным воркованием.

Нравственность заметно пала. Тираж газет, занимающихся разоблачениями, значительно повысился. Большой успех имели расплодившиеся в огромном количестве юмористические листки, злобно и грубо высмеивавшие все, что вчера еще было дорого Главному Городу, во что все верили и чему поклонялись.

Лидеры партий, руководители общественных течений и групп занялись сведением личных счетов и взаимной травлей. Наблюдались всеобщая озлобленная растерянность и духовная опустошенность. Даже серьезные и правительственные газеты начали уделять много места личной полемике, не свободной от злобных обвинений, мстительных выпадов и желания обидеть, унижить, а не выяснить правду.

В сильнейшей степени развились наркотические клубы, азартные игры, разврат, потребление вин и сластей и, наконец, участились убийства и авантюры. Из последних наиболее характерным является процесс одного адвоката, который выдавал себя за агента победителей и тайно продавал жителям Главного Города за большие деньги подложные документы на право проживания в еще невыстроенном Верхнем Городе.

Все театры были открыты и переполнены равнодушными зрителями, ищущими забвения. Значительно участились концерты и балы. Но веселья на них не ощущалось.

«Общество Любви к Человеку» устраивало пышные карнавальные шествия для борьбы с унынием. На огромных автомобилях, украшенных цветами и пестрыми декорациями, кривлялись клоуны, пели певцы и показывали фокусы акробаты.

Глава девятая

Особым декретом победителей правительство Главного Города было смещено, а парламент распущен.

Вместо того и другого победители предложили Главному Городу выбрать «Правительство Покорности» из шести человек.

1. *Министр Тишины.* Его задача — сведение шума Главного Города к минимуму, чтобы не тревожить обитателей будущего Верхнего Города.

2. *Министр Вежливости.* На его обязанности — оградить кадры рабочих и инструкторов, строящих Верхний Город, от агитации, эксплуатации чувства жалости, а также от оскорблений, насмешек и причинения всяческих неприятностей.

3. *Министр Ответственности.* Он отвечает за благонадежность жителей Главного Города, гарантирует путем создания строго научной системы абсолютную физическую и психологическую невозможность покушений снизу на благополучие и спокойствие Верхнего Города.

4. *Министр Количества.* Обязанность — нормировка и, если нужно, сокращение прироста населения, чтобы перегруженность Главного Города не отразилась как-нибудь на благополучии Верхнего Города.

5. *Министр Иллюзий.* Обязанности — грандиозными декорациями создавать иллюзию неба, где это представится возможным.

6. *Министр Надежд.* Последний должен развивать в жителях Главного Города дух мудрой надежды на улучшение обстоятельств в будущем.

Декрет заканчивался двумя примечаниями.

В первом сообщалось, что образовавшаяся в Главном Городе Партия Покорных обратилась к победителям с предложением переименовать Главный Город в Темный Город. На это его королевское величество изволил ответить, что переименование преждевременно, но просил выразить бла-

гонамеренной части населения, проявившей столь яркий акт мудрой покорности, благодарность.

В другом примечании Главному Городу разрешалось удовлетворить свою естественную потребность в негодовании в течение пяти дней. На эти дни победители уводят из окрестностей Главного Города все войска, чтобы ничем не помешать свободному проявлению чувств граждан Главного Города. Кроме того, правительство, армия и население победившей страны на все пять дней, предназначенных для негодования, объявляют себя в состоянии высшей терпимости ко всему, что о них будет высказано в какой угодно форме.

Шестой и седьмой дни предназначены для выборов в «Правительство Покорности», а к двенадцати часам восьмого дня все должно быть в точности выполнено и «Правительство Покорности» сформировано, — или Главный Город будет беспощадно сметен с лица земли в несколько часов.

Глава десятая

Вскоре, по требованию победителей, началась энергичная работа по коренной дезинфекции Главного Города, который должен был быть абсолютно опрятным и здоровым, ибо должен был служить основанием для Верхнего Города.

Гражданам Главного Города сделали прививки против всех болезней. Бюро продуктов по настоянию властей вменило в обязанность всеобщее ежедневное потребление брома. Без аптечной квитанции и доказательства, что дневная порция брома принята, — не выдавались продукты первой необходимости.

Главный Город представлял собою зрелище невиданное: люди всех классов, положений и состояний были одинако-

во чисто и опрятно одеты, причесаны и вымыты, а жилища их стали образцом чистоты и порядка.

Репрессии приходилось применять в самом незначительном масштабе.

«Правительство Покорности» проявляло максимум энергии.

При Министерстве Вежливости организовались кадры инструкторов, агентов и полисменов. Они исправно несли свои обязанности, охраняя рабочих, закладывавших уже стальные и бетонные основания для Верхнего Города.

Главный Город зажил беспокойной, спешной, трудовой жизнью.

Стоял несмолкаемый грохот от лязга железа и стали, стука молотков, скрипа резательных машин, металлического скрежета лебедок и гудков рабочих автомобилей.

Почти на всех улицах рыли ямы, мерили, устанавливали леса, а во многих районах на крышах зданий было так желюдно, как на площадях и улицах.

Глава одиннадцатая

Прошло много времени.

Верхний Город рос не по дням, а по часам. Западная часть была уже почти готова. В ней поселились люди. Ежедневно на грузовых самолетах вывозили сор. Вился дым из труб. Уже сжигали покойников в крематориях. Дети шли в школы. Были казармы и тюрьмы. Был дом для умалишенных. На широкой площади, расположенной над великолепным парком Главного Города, высился красивый и стильный дворец короля.

В Главном Городе стало уже почти совсем темно. Квартиры незастроенных домов сдавались по очень высоким ценам, но вскоре и эти дома застраивались.

Одно время в обществе и печати много говорили об искуснейшей декорации одного художника, удачно заменявшей для целых двух улиц и одной площади небо. Министрство Иллюзий выдало художнику медаль.

Вход в Верхний Город для жителей Нижнего Города был строжайше воспрещен. Этот пункт был одним из основных в своде законов: за нарушение его сажали в специальные «Тюрьмы для любопытных», в которых был жестокий режим.

Министры «Правительства Покорности» успели несколько раз смениться.

В Главном Городе было несколько восстаний, которые были жестоко подавлены. Два раза небольшие районы восстания были оцеплены стальным кольцом машин и войск и безжалостно залиты цементом.

Образовавшиеся огромные цементовые кубы, в которых было похоронено много жизней, назывались «Кубами незрелых мечтаний».

«Ассоциация Действенной Философии» оба раза, после победы над восставшими, боролась с идеями оптимизма проповедью машинного хохота.

В периоды же покорности и реакции «Ассоциация Действенной Философии» объявляла жителям темного Главного Города оглушительным криком исполинских граммофонов:

- Мы вас любим!!! Мы вас любим!
- Человек любит покорность ближних!!
- Смысл жизни в страданиях и самосовершенствовании!!

А однажды машины «Ассоциации» оглушительно кричали целый день:

- Познай самого себя!! Познай самого себя!!!

Из всех министров «Правительства Покорности» за все время не оставил своего поста только один — Министр Надежд.

Он был стар и весел.

— Граждане! — проповедовал он каждое воскресенье, — дорогие граждане! Надейтесь! Будет время, когда изменят-

ся тяжелые обстоятельства! Мы снова увидим солнце и небо! Верьте! Самое главное, верьте и надейтесь!

Вскоре Верхний Город окончательно сформировался. Это был большой, оживленный, деловой и значительный город. Было в нем и много общественных течений, общественной борьбы партий. Были и партии равенства, справедливости, были и борцы за освобождение Нижнего Города. Они произносили горячие речи. У них были свои собственные органы печати, клубы.

Внизу, в Главном Городе, тоже были мечтатели, борцы за справедливость и равенство.

А, в общем, и те, и другие жили беспокойно и нетревожно, часто мучаясь и редко радуясь, но всегда или почти всегда надеясь, — как вообще живут люди на свете.

Глава двенадцатая

Ужас пришел неожиданно. В душный летний полдень на одной из окраин Главного Города взорвался завод. Опасность в пожарном отношении Главного Города была предупреждена, и пожары, обыкновенно, прекращались в несколько минут.

Но на этот раз было иначе.

Пожарных встретили выстрелами. Стреляли раненые взрывом рабочие. К ним присоединились уцелевшие. Сотни пуль летели во все стороны из горящего здания.

Дух мятежа метнулся по Главному Городу. Откуда-то появились оружие, бомбы, орудия взрывов, взрывчатые вещества.

По улицам забегали люди с отчаянными криками:

— Вооружайтесь! Вооружайтесь! К оружию!

Тревожные звонки и гудки слышались на всех улицах.

Величайшая тревога объяла город. Пожар охватил несколько домов, и площадь его все расширялась. Весь район был окутан черным едким дымом. Дым стлался по улицам, не имея другого выхода. Многие задыхались в дыму.

Отчаянные крики и стоны неслись отовсюду. Их заглушали звуки все новых и новых взрывов.

Кто поджигал дома? Кто взрывал мосты?

Неизвестно. Черные фигуры людей, как черти, метались в огне.

Они пробежали согнувшись и исчезали.

Многие бежали по улицам с криками радости. Многие плакали от радости. Кто-то, захлебываясь в крике, командовал:

— Взрывайте мосты! Взрывайте дома! Жгите! Побольше жгите!!

Оглушительный взрыв потряс оба города. Из сотен тысяч грудей вырвались ликующие вопли.

Это взорвали парк, над которым высился дворец короля. Белый дворец покривился и рухнул. С каким треском ломались деревья парка! Как гнулись и свертывались железные решетки мостов и заборов! Исполинские столбы огня, камней и пыли сменяли друг друга.

В Главном Городе потухло электричество. Тьма и мятеж превратили его в черный клокочущий хаос.

Смятение перебросилось и в Верхний Город.

Сотни тысяч пуль и снарядов посыпались сверху. Стреляли во тьму из всей щелей, из всех пробоин. Но новые взрывы взметали на воздух дома и улицы вместе со стреляющими.

Огонь, удушливый дым, тучи пыли, стекло, расплавленный металл и тела людей, тысячи тел кружились в вихревом и безумном столпотворении.

На площади, при свете факелов, под треск выстрелов и грохот обвалов, Министр Надежд обратился с призывом к толпе.

— Граждане! Бедные, обезумевшие граждане! Остановитесь! Остановитесь, пока не поздно! Вас ждет смерть! Тому ли я учил вас столько лет?! На что вы променяли дух муд-

рой надежды?! На темный и слепой бунт?! Остановитесь! Остановитесь, несчастные! Пожалейте себя и наш великий Главный Город! Остановитесь, пока не поздно!

Бедняга! Он был убит камнями, а его министерство взорвано вместе со зданиями Верхнего Города.

«Ассоциация Действенной Философии» пыталась что-то проповедовать при помощи машин своих, но они были отброшены столбом огня, а председатель, совсем уже старый и ветхий, еле успел спастись на одноместном аэроплане.

— Дураки, — кричал он, одиноко качаясь в голубом безоблачном небе. — Вам никогда не победить! Мир держится на разумном насилии, а не на диком самонадеянном бунте! Слепые восставшие черви! Презренные оптимистические телята! На что вы надеетесь!

Он задышался на вольном воздухе, точно в петле, плевал вниз, где рушились дома и клочкотал огонь, и умер от страха, злобы и горя.

Машина долго носила по воздуху его сморщенный и легкий труп.

Тысячи других аэропланов вылетали из Верхнего Города. На них спасались дети и женщины. Плач и крики наполняли воздух.

А внизу все чаще и чаще грохотали обвалы и взрывы. Яркий свет проникал в Главный Город. На многих улицах уже видно было небо.

— Да здравствует солнце! — кричали в радостном иступлении тысячи угоревших людей. — Да здравствует небо! Ура-а-а...

В ответ сыпались снаряды, с могильным шипением лился горячий цемент, сыпался удушливый, все проедающий, смертоносный порошок.

Люди гибли без числа, а живые отвечали новыми оглушительными взрывами, пожарами и метким огнем обреченных.

На каждой улице происходил бой. Бились в квартирах, на крышах, под развалинами и под открытым небом.

— Взрывайте мосты! — кричали отовсюду. — Взрывайте Верхний Город! Жгите! Побольше взрывайте и жгите!

— Граждане! Граждане! Бегите из района рынков! Зовите всех! Сейчас обрушится вокзал Верхнего Города! Спасайтесь, граждане!

— Урра-а-а! Урра-а-а!

Вскоре вокзал обрушился. Страшный грохот не мог заглушить радостных воплей людей. Длинные цепи вагонов с оглушительным треском падали вместе с обломками зданий, вместе с мостами, перронами и рельсами.

Огневой вихрь, смерч из огня, железа и камней взвился к небу.

— Урра-а-а-а!

Большие отряды восставших взобрались по развалинам в Верхний Город. Он был наполовину пуст. Тысячи аэропланов спасали жителей. Им вдогонку посылались проклятья, огонь и пули.

Войска рассеялись. Все казармы были взорваны. Всюду бушевал огонь, качались и падали здания.

— Довольно! — кричали снизу. — Довольно! Мы гибнем. Остановитесь! Довольно!

Целые улицы заживо погребенных, с трудом пробиваясь сквозь горы развалин, умоляли о пощаде.

Но новые обвалы вновь хоронили их, убивали, сметали с лица земли.

Весь день и всю ночь шло великое разрушение, а к утру одинокие и усталые взрывы довершили гибель Главного Города.

Так просто и стихийно погиб он. Сложны и многообразны пути гнета — нет предела в них человеческой фантазии — а путь к свободе прост, но горек. Верхнего Города не стало.

Было одно только море тлеющих и горящих развалин, чудовищные груды домов, дворцов, площадей, мостов и улиц, а среди искривленного хаоса железа, камней и дерева — редкие толпы черных, оборванных и окровавленных людей.

Многие из них были ранены, многие умирали, многие плясали, потеряв рассудок, но и раненые, и умирающие, и безумные радостно и громко пели песни в честь яркого восходящего и ослепительно-равнодушного солнца.

Сергей Буданцев

**ЭСКАДРИЛЬЯ ВСЕМИРНОЙ
КОММУНЫ**

Повесть

С. БУДАНЦЕВ

ЭСКАДРИЛЬЯ ВСЕМИРНОЙ
КОММУНЫ

■

• • •
БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

№ 59

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“
МОСПОЛИГРАФА * МОСКВА

Начало и конец мировой войны

Причины второй мировой войны 1934-36 годов достаточно были обследованы и предсказаны еще в 20-х годах. Мне остается только напомнить повод.

Сараевское убийство кажется грандиозной эпопеей в сравнении с неудачной операцией Луи Арсэна принцу Филиппу Румынскому. Злокачественным местом, откуда шли кровавые противоречия того времени, оказалась Трансильвания, насильственно отторгнутая от Венгрии.

Убийство Фердинанда Австрийского и фарсовое происшествие с Филиппом были в подоплеке причин и следствий исторических событий равноценны.

Указанный принц Филипп, пожелав омолодиться, отправился в Будапешт к знаменитому биологу и хирургу Луи Арсэну, бельгийскому эмигранту, ассимилировавшемуся в Венгрии. Операция оказалась неудачной: громовой, хрипловатый бас импозантного принца превратился в сиплый дискант, крашенные усы и борода Филиппа вылезли, он помолодел лет на пятьдесят сразу, без надежды созреть и вновь проделать тот цикл удовольствий, ради которого он лег под губительный ланцет. Быть может, дальнейшая работа хирурга и возвратила бы его горестному пациенту желанную мужественность, но это требовало времени и новых страданий; словом, неудачная операция, лишившая навсегда продолжения боковую линию румынского престолонаследия, была истолкована, как враждебный акт, как свирепая интрига агрессивных венгров, тон взаимных нот повысился на несколько октав, как голос коронованного кастрата, и война началась.

Этот полузабытый эпизод, выкинутый из школьных учебников, здесь вспоминается к слову.

Еще были живы предания и даже участники первой Европейской войны; красный флаг СССР алел на востоке; не шепот Циммервальда, а грозный голос Коминтерна гремел над миром; отрывистый язык его воззваний к восстающим

народам навсегда останется памятником тех героических времен.

Советская Россия втянута в войну не была, но ее границы тщательно охранялись воздушным флотом, и лишь революция сначала в Италии, а затем в Германии осенью 1936 года направила военную силу России на помощь пролетариату.

Разумеется, воздушный флот, несколько месяцев до падения окраинных государств России, Эстонии и Латвии, играл важнейшую роль в сношениях мировой революции, пламя которой загоралось неудержимо.

Серия восстаний замкнута была в Европе Англией, на Дальнем Западе и Востоке — Японией; это произошло в 1938 году.

Жестокая гражданская война, разыгравшаяся неодновременно повсеместно, велась по инициативе и силами банды, правда все время таявшей, интернациональной буржуазии. Великодушие пролетариата, его жар и неопытность, с одной стороны, его обремененность текущей сложностью работы, разновременность революций — с другой, позволили огромному черному интернационалу сосредоточиться и укрепиться на острове Мадагаскаре, где на западном берегу был основан город Фохтбург, по имени военного диктатора реакционеров. Фельдмаршал Фохт звали диктатора. Его гражданским помощником и главой кабинета был уже дряхлеющий, но все еще оживленный и неутомимый Муссолини.

Социальный строй этого своеобразного государства представляется нам олигархией в чистом виде. Массы туземцев мадагасгов и негров-банту были превращены в рабов.

Два года фельдмаршал Фохт, с помощью своего морского министра Футо-Яма, пиратствовал на море. Владея значительным морским флотом, он успел стянуть колоссальные запасы индустриального сырья и оборудования на Мадагаскар. Открытие полезных ископаемых позволило поставить некоторые виды обороны острова почти идеально. С моря были созданы минные заграждения сплошной завесой; сильнейшие зенитные орудия представляли серьез-

нейшие препятствия для самого совершенного воздухофлота.

Голос благоразумия поднимался в эти годы созидания крепости контр-революции со страниц московской прессы, но его не слышали: столицей мира стал Лондон, а там слушали только бодрый гул молотков переходного к социализму периода.

Осиное гнездо

Стоит ли говорить, что ни одного русского не было на Мадагаскаре. Так называемые нэпманы не проявили никакой резвости в преодолении строгих границ первой Советской Республики. Эмиграция Курфюрстендамма, Константинополя и Белграда ринулась в Россию при первом взрыве войны, а во время итальянского восстания последний граф Бобринский умер от разрыва сердца в Ницце.

Эпидемия самоубийств среди тех, кого печальная известность лишала права убежища в революционных странах, dokonчила жалкие остатки старых врагов российского пролетариата.

Мадагаскар жил как осиное гнездо, наполненное выдержанной злобой и совершенно изолированное от мира. Радио-связь с Европой была запрещена, постройка радиостанций дозволялась только до пределов очень ограниченной мощности, превышение ее каралось по статье 874 Уголовного Кодекса, как государственная измена.

Фохт, Муссолини, Артур Рокфеллер-младший — вожаки общественного мнения, тянули пресловутую «пропаганду выжидания» в надежде, что чудовище революции сожрет самое себя. Помочь этому они не могли: ни блокада, ни интервенция не предвиделись в будущем. Пример же русской эмиграции не научил ничему.

Однако, смешно было бы думать, что из девяти тысяч мировых капиталистов на Мадагаскаре большинство было тупицами, бездарностями и невеждами.

Техника и промышленность, основанные на системе истине изумительной эксплуатации туземцев, доказывали как раз обратное. Сильнейшие выжили.

Слабейшие, в первую очередь сентиментальные дурачки и дурочки, поторговав пирожками, рисом, собственным телом и лохмотьями, вымидали от тропических болезней и сифилиса. На медленное угасание очага реакций рассчитывал и красный Лондон и... ошибся.

Одна только отрасль индустрии, войны и обороны не процветала на Мадагаскаре: постройка воздухоплавательных аппаратов. Фельдмаршал Фохт произнес на заседании Совета Девяти 14-го января 1941 г. следующее:

— Я настаиваю на категорическом воспрещении аэропланостроения; слишком частые случаи бегства из нашей крепости культуры в разнузданный мир революции и мятежа заставляют меня требовать этого от правительства. Мое военное ведомство, держащее в повиновении 12.000 ветеранов гражданской войны, все туземные батальоны и 50.000 рабочих Военного Завода присоединяются ко мне.

Последняя фраза превратила речь Фохта во внушительное приказание.

Действительно, стоило даже офицеру-пилоту подняться на воздух, как он чувствовал, что вариться в бульоне ненависти внизу он не может, и он держал курс на север к туманной Африке, откуда до крамольной и милостивой Европы так близко...

— Революционная стихия — это воздух, — сказал как-то Муссолини в интимном кружке баронессы Гиршман.

Это повторялось как откровение во всех светских гостиных.

Фельдмаршал наградил целым состоянием инженера Битерфорда, который изобрел полоторатонные воздушные мины из сильнейшего, им уже усовершенствованного пикринола. Эти мины, разрывавшиеся на высоте до восьми и даже десяти километров, создавали целую систему воздушных

почти цилиндрических ям и ураганных течений, а также явления воздушной детонации, в которых погибло несколько десертиров Мадагаскара, пытавшихся скрыться в красную Африку.

Лаборант профессора теле-механики Канэ, — Раймонд Пуассон, усовершенствовал посылку без проводов сильных волн электрической энергии. Эти волны, при соприкосновении с дюр-алюминием, из которого строились все воздухоплавательные аппараты, давали сильную искру, очень опасную, как для самого аппарата и мотора, а, главным образом, для взрывчатых веществ, хранившихся на воздушных кораблях.

Мадагаскар казался неприступным.

Нужно сказать, что в специальных кругах Лондона и Гринвича (Центральный Британский аэродром) все это стало известным от воздушных перебежчиков. И в вольной лаборатории русского красвоенлета Алексея Уралова шла интенсивная работа по обеспечению и обезопасению аэропланов от волн Пуассона и по усовершенствованию стабилизаторов, дающих максимальную устойчивость самолету.

Кое-кто из членов Совнаркома Всемирной Коммуны тоже стал задумываться над участью Мадагаскара и его населения. Это возникло не без напоминаний Уралова, которому, как председателю Е. В. К. (Европейский Воздухоплавательный Комитет), часто приходилось бывать на заседаниях Правительства и разных высокоавторитетных комиссий.

Алексей Степанович Уралов был участником гражданской войны в России. В 1926 году он окончил Академию Воздушного Флота имени Н. Е. Жуковского.

В 1929 году вышла его знаменитая книга — «Стратегия и тактические особенности воздушного боя», сразу поставившая имя нашего летчика на ряду с именами Клаузевица и Бернгарди. Книга была переведена на все языки и сделалась настольной у всякого генштабиста и военного летчика.

Во время Европейской гражданской войны товарищ Уралов был начальником объединенных сил России, Гер-

мании и Италии и практически усовершенствовал свои теоретические домыслы.

Еще в 1939 году товарищ Уралов протестовал против беспрепятственной эвакуации мировой буржуазии на остров Мадагаскар и предлагал прекратить пиратские подвиги своего старого врага, фельдмаршала Фохта. Но назначение на ответственный мирный пост председателя Е. В. К. отвлекло энергию т. Уралова в другом направлении. Однако, когда появились первые перебежчики-авиаторы из лагеря Фохта, товарищ Уралов написал в парижской газете «Humanité»:

«Мы позволили укрепиться на отдаленной окраине черной своре контр-революционеров. Они не теряют времени даром. Вооруженные опытом техники, имея таких изобретателей, как Канэ, Пуассон, Битерфорд, имена которых известны каждому читающему рабочему, Фохт и Муссолини создали из Мадагаскара неприступную крепость. Ради успехов мощной и разнообразной промышленности там царит бешеная эксплуатация черных рабов. Сотни тысяч их томятся под сапогом грубого солдафона. А чем еще могут удивить нас неутомимые насильники Мадагаскара, какую каверзу придумают они для своего бесплодного, но все же опасного мщения и злобы?

Нет, этот южно-африканский Карфаген должен быть разрушен».

Вокруг статьи завязалась оживленная дискуссия, выяснившая, к сожалению, что никто серьезного значения работ мадагаскарских лабораторий решительно не придавал, и товарищ Уралов остался в меньшинстве. Потом перебежчики перестали появляться вовсе, после известного декрета Совета Девяти, и Мадагаскар был забыт.

Убанунга-Га, беглец с Мадагаскара

Года полтора спустя, через две недели после грандиозного пожара, уничтожившего несколько крупнейших гринвичских эллингов, Алексей Уралов, только что вернувшийся из Лондона, сидел вечером в своем кабинете, додиктовывая в графофон последние завтрашние распоряжения комендатуре гринвичского аэродрома.

Доложили о посетителе, и в комнату вошел негр. По одному взгляду на его мешковатый, не по росту костюм, Уралов увидал новичка в Европе и стало быть живую весть из Фохтбурга.

— Простите, товарищ Уралов, — сказал посетитель на ломаном английском языке. — Меня направили к вам товарищи, раньше меня сумевшие спастись из Фохтова ада. Мое имя Убанунга-Га, я с величайшим трудом пробрался к вам, к вам — в свободную Европу, — пояснил он.

Убанунга-Га был взволнован.

— Какие новости привезли вы нам? — спросил Уралов.

— О, ужасающие, — лихорадочно вскричал негр. — Я приехал сообщить о величайшей опасности, которая грозит коммунистическому миру. На Европу молятся мои братья — негры-банту, поработанные, как им кажется, навеки...

— Ну, это еще неизвестно, — возразил Уралов, — однако, сообщите мне все по порядку.

Преодолев волнение, посетитель начал свой длинный, несколько несвязный и все же потрясающий рассказ.

— В последнее время я работал в лаборатории профессора тропической медицины Джемсона. Эта лаборатория находится под непосредственным покровительством Артура Рокфеллера, министра вооружений и медика по образованию. Лаборатория производила массовые опыты по разведению личинок наиболее ядовитой разновидности мухи-цеце. Опыты удались превосходно.

Получившиеся экземпляры, очень крупные, одним укусом убивают молодого быка. Я, как достаточно обученный

и вошедший в полное доверие негр, участвовал в опыте, производившемся в присутствии самого рыжего Артура. Когда после недолгой агонии бычок подох, министр захлопал в ладоши и сказал Джемсону: «Браво, дорогой профессор. Право, это стоит теле-механики Канэ и Пуассона; мы еще не достигли возможности истреблять аэропланы в Каплэнде и транс-африканские самолеты. Но ваше насекомое уморит весь скот в Африке, причем никто и не будет подзревать, в чем дело». Дорогой товарищ Уралов, вы живете, окруженный самыми совершенными машинами не хуже нашего Фохта, у которого, говорят, даже есть радиоприемник европейских депеш. Можете ли вы понять, что такое лошадь и корова в нашей отсталой стране? Оживающий материк превратится в дикую пустыню. Как преданный слуга вне подозрений, я был послан с первой партией личинок к устью реки Лимпопо. О, я хитрый негр, а с нами был только один белый офицер. Я никогда не забуду, как наш моторный бот, небольшой, но устроенный по принципу австралийской пироги и не боящийся бурь Мозамбикского пролива, ночью вышел вслед за тралером, расчищавшим нам путь по водному кордону, так называется наша минная завеса. Кроме офицера, был еще один белый механик, все остальные были чернокожие. Это было сделано для того, чтобы при высадке на нашу экспедицию не обратили внимания береговые власти Советской Африки. Я стал объяснять нашей команде, с каким грузом и с какой целью мы покидаем остров. Мой народ — благородный угнетенный народ. Команда была возмущена. Но мы боялись остаться без механика. К счастью, распропагандировать его оказалось делом тоже нетрудным, он и без того хотел удрать в Лоренцо Маркес, а оттуда до Мадрида, откуда он родом. Мы утопили офицера в устье реки Лимпопо и направились в Порт-Наталь. Когда Капский Центральный Исполнительный Комитет узнал о нашем поступке, а я немедленно показал опыт с молодым быком и нашей мухой, то тамошнее население забеспокоилось. Нельзя было медлить ни минуты. Была произведена мобилизация для усиления береговой стражи. Но ведь старый пират Фохт

справлялся и не с такими силами. Он может пойти на все. У него есть очень сильные броненосцы и подводный флот. Капская республика безоружна. Меня направили с мандатами в Лондон, и сюда я приехал с председателем Капского Ц. И. К., еще не успев зайти в Вестминстер, я направился к вам.

— Я очень благодарен вам за доверие, товарищ Убанунга-Га, — сказал Уралов. — Надеюсь оправдать его. Вы правы, нельзя терять ни минуты.

И, подойдя к телефону, он распорядился:

— Прошу подать мой аппарат В-1-4. Пилот Андерсен, механик Су-Фу. Мы едем в Лондон, дорогой товарищ, — сказал Уралов, вешая трубку.

Лондонская пресса живо приняла беглецов из стана контрреволюции. Их биографии, их интервью распространялись Континентальным Агентством и Трансокеанским Радиоосведомителем. Толстогубые, улыбающиеся лица сияли со всех газет под лентами лозунгов:

«Мы должны спасти Красную Африку от палача Фохта».

«Пролетарий, вынь из ножен последний раз свой карающий меч».

«Пора покончить с взбесившимися паразитами».

Статья за подписью Уралова в «Британском Коммунисте» кончалась еще энергичнее:

«Мы предупреждали в свое время коммунистов всего мира об опасности зачумленного острова. Разнузданная фантазия белых деспотов, ошалевших под тропическим солнцем, так поощряющим рабовладение, ищет кровавого воплощения. Повторим старое восклицание: “К стенке”».

Острых фельетонистов вечерних газет пленила следующая подробность одного интервью с Убанунга-Га для китайской газеты:

«Наши доблестные хозяева вовсе не заботятся о будущем поколении. Одно из старейших на острове промышленных предприятий, фактическим главой которого состоит сам Муссолини, — а это показывает доходность дельца, — является фабрика резиновых изделий “Новый Рамзес”. За

четыре года родилось только пять белых младенцев, зато мулаты появляются на свет в несметном количестве.

На фабрике работают пятьсот человек по двенадцати часов в сутки, а ведь на острове белых и желтых потребителей продукции всего только несколько десятков тысяч человек.

Вы представляете такое расширение внутреннего рынка, ибо экспорта ведь у нас нет».

Старик Гассье, знаменитый парижский карикатурист и ветеран революции, еще раз пробовал свой незатупившийся карандаш на знакомой физиономии Муссолини в столь смелой карикатуре, что всегда чопорные английские газеты не решились ее перепечатать.

Но парижане хохотали два дня.

Поход

Уралов не читал в те дни газет. Он горячо выступал и в Вестминстере (здание Правительства), и в рабочих кварталах Лондона, и на гринвичском аэродроме, агитируя за скорейшее выступление против зарвавшейся контр-революции. Его голос разносился по всем радио-приемникам мира. Его квартира в Гринвиче превратилась в склад сочувственных радио-депеш со всех концов мира. Америка выслала двести сорок крупнейших самолетов типа В 9-4, Япония и Китай запрашивали, сколько дирижаблей требуется для обслуживания тыла экспедиции.

Германско-французское объединенное морское ведомство уже отправило дредноуты и субмарины, впервые за четыре года вышедшие в столь дальний рейс, в Порт-Наталь.

В России Главвоздухфлот должен был прекратить прием добровольцев в Ураловскую экспедицию, опасаясь в конце концов за регулярную работу собственного воздушного транспорта.

Зная о существовании пикриноловых воздушных мин Битерфорда, Уралов добивался приспособления самолетов в сторону наибольшей устойчивости.

Десятки изобретателей и конструкторов работали на всех авио-заводах Британии и Франции. Попасть в воздушный цилиндр Битерфорда представляло крупную неприятность даже для моделей В-4, устойчивость которых в «мирной» обстановке ураганов над Южной Америкой была идеальна.

Ямы Битерфорда были опасны в особенности малым аэропланам (на пятнадцать пассажиров) разведывательной службы и «стрекозам» службы связи.

Эти последние, впрочем, к великому сожалению Уралова, не могли принять участия в предстоящем сражении, так как не представлялось возможным установить на них тяжелые электро-отводы и телеаккумуляторы, предназначенные против волн Пуассона, без лишения стрекоз необходимой быстроходности в семьсот-восемьсот километров.

14 мая 1944 года, в шесть часов по лондонскому времени, Эскадрилья Всемирной Коммуны снялась с гринвичского аэродрома. Впереди шли пятьдесят два разведчика А 1-1, за ними штабной самолет Уралова В-4 bis, окруженный отрядом из сорока американских аппаратов и двенадцати «стрекоз».

Главная масса истребителей с интервалом шла в десять километров, вся эскадрилья замыкалась японо-китайским Дирижабельным обозом. Пятьсот семьдесят машин волновали воздух.

Даже выдавшие виды на праздниках Мировой Революции (7-го ноября) обычно невозмутимые лондонцы и те с бою занимали места в пассажирских аэропланах, впиваясь биноклями в дюр-алюминиевые ступки мощи мира.

Дирижабль правительства неподвижно стоял над Вестминстером, и члены Всемирного Совнаркома, не отрываясь, смотрели на восток, где шла флотилия, багровая в закатных лучах.

Пятнадцать тысяч храбрейших солдат революции уходили на юг. Тысячи пудов интритола, дымовых гранат, сон-

ного газа, ядовитейших металлоидов посылал разгневанный пролетариат Мадагаскару.

Когда поравнялись с Лондоном, огромные рупоры судовых радио-фонов, отражая мощные звуки оркестра Британской Коммунистической Республики, загремели Интернационалом. И каюты самолетов в ответ загремели, на другой волне, разноязычным «ура» мировому городу, столице планеты. Это великое приветствие было электрически сфонографировано, чтобы еще раз грозно прозвучать над ненавистным островом паразитов.

Ветераны 1918-21 г., русские красноармейцы, товарищи Уралова, смахивали слезу, мешавшую смотреть на туманный гигантский город.

Бедный Убанунга-Га рыдал.

— Ну, растрогался горячий человек, — сказал Уралов по-русски и, повернувшись к штабным, заметил, перейдя на английский язык:

— Пора за работу, товарищи.

Тревога на Черном Острове

Капштадтский аэродром оказался, как и следовало ожидать, не в состоянии принять дорогих гостей, длительное пребывание в Капштадте оказалось решительно невозможным. Это обстоятельство окончательно убедило Уралова не медлить с началом военных действий, тем более, что группа парламентариев на восьми разведывательных аэропланах, радио-телеграфировавших ультиматум Уралова на слабые станции Мадагаскара, подверглась оскорблениям и угрозам пикриномом и даже обстрелом, к счастью не причинившим вреда.

22-го мая, в то время, когда Фохтбург, главный город контр-революции, только еще просыпался, Уралов, снесшись по радио с германско-французскими дредноутами, уже

подходившими к Порт-Наталю, отдал приказание эскадрилье готовиться к походу. Стрекозы были отправлены в недостижимую для Пуассоновых волн зону следить за Мозамбикским проливом, ибо Уралов опасался действия подводных лодок Футо-Яма, морского министра мадагаскарского правительства. Начальники летных отрядов и некоторые командиры наиболее крупных самолетов, приглашенные Ураловым на военный совет, получили последние распоряжения на случай всяких несчастных происшествий. Настроение было бодрое. Эскадрилья рвалась в бой.

В том же порядке выходили из Лондона, взяв высоту девять тысяч метров, эскадрилья пошла курсом Nord-Ost-Ost со скоростью, не превышающей триста километров, в расчете к десяти часам вечера прибыть к Фохтбургу. Масляно шипели насосы, глотая разряженный холодного поднебесья и нагнетая его в каюты. Уралов послал разведку вперед и дал распоряжение в Порт-Наталь держать прибывшие морские электро-суда, по старой терминологии, «под парами».

Фельдмаршал Фохт сегодня, впервые за два года, так взбесился. Он избил хлыстом несчастного слугу мадагасса за слишком слабый утренний кофе. Но утренний кофе был только пустым поводом. Для гнева диктатора имелись большие основания: сегодня до завтрака ему принесли пачку перехваченных зашифрованных радио-грамм, адресованных из Капштадта в Порт-Наталь. Одна из депеш была подписана знаменитой и хорошо известной Фохту фамилией Уралова, которую он имел удовольствие уже прочитать раз на вчерашнем оскорбительном ультиматуме.

Личная радио-станция диктатора, единственная на острове, которая могла сношаться с внешним миром — эти свои сношения вела в строжайшей тайне. Радиостанция ловила главным образом ежедневную советскую прессу, шедшую из Парижа и Лондона в Южную Америку.

С этой прессой знакомился только Совет Девяти, пользуясь ею для политических выводов.

Предательство Убанунга-Га стало известным Совету, но хранилось в тайне.

К чрезвычайному неудовольствию фельдмаршала, весть о последних событиях и об ультиматуме Уралова уже стала просачиваться в население.

К тому же старая лиса, Муссолини, покинув пост премьер-министра и министра внутренних дел в самую ответственную минуту, скрылся очевидно на свой завод «Новый Рамзес».

Фохт опасался, как бы знаменитый демагог не вздумал, вспомнив, что тридцать лет тому назад и он был социалистом, поднять восстание северо-восточных окраин Мадагаскара.

Но участь Муссолини была иная. Его так ненавидели мадагасцы на «Нов. Рамзесе», что появление его без стражи привело к открытому местному бунту, и Муссолини был арестован. К слову сказать, неизвестно — погиб ли он при разрушении завода эскадрилей или от руки мстителя?..

Последняя речь диктатора на утреннем заседании Совета Десяти гласила:

«Весь Совдеповский мир ополчился на нас. Мы, люди, принужденные ограничить свою собственную свободу и болтовню внутри нашей страны, в укрепленном лагере, укрепленная цитадель культуры, и нам ли за чечевичную похлебку призрачного демократизма уступать все еще оставшуюся возможность победить. Поэтому никаких распубликований об истинных размерах опасности я не допущу.

Наша возможность победить — не возможность открытого боя, я один из первых в свое время прекратил всякую мысль об открытом выступлении. Господин Рокфеллер создал дезертиров из нашего лагеря, запугавших Лондон. Темперамент господина Рокфеллера — враг его и оказался врагом нашим. Но было бы поздно предаваться lamentациям по поводу преждевременной попытки выступить не во всеоружии на континенте. Надо защищаться. Мне утром принесли перехваченные радио. Они, по-видимому, — так как мы их не могли расшифровать, — значат то, что вражеский воздушный флот вылетел из Капштадта и будет ночью сюда.

Предлагаю вам, господин военный министр, привести все зенитные батареи, все укрепления Фохтбурга в полную

боевую готовность и отдать соответствующие распоряжения по периферии. Я не ожидаю десанта, ибо сухопутный бой, при своей кровопролитности, при вероятном нашем численном превосходстве, не даст красным никаких преимуществ, и они на него не пойдут».

Дождавшись окончания речи диктатора, Рокфеллер пытался защищаться, говоря, что его намерением вовсе не было предать интересы Мадагаскара, ибо личинки мухи-цеце были отправлены в Африку с согласия Совета Девяти и если бы не измена негров, то эта попытка не получила бы огласки. Его никто не слушал, и ему стоило большого труда уклониться от опалы и от назначения комендантом захолустного Юго-Восточного укрепленного района.

Морской министр, японец Футо-Яма, распорядился опустить все подводные лодки на предельную глубину под прикрытием береговых батарей, в направлении к Порт-Наталю, откуда ожидалась морская эскадра противника.

Машины Пуассона уже через час после заседания Совета гудели, накапливая свою губительную энергию. С семи часов вечера громадные прожекторы на сотни верст бороздили небо.

Мирное население, оставшееся по приказу Фохта даже без правительственного бюллетеня, напуганное военными приготовлениями, со своей обычной в таких случаях паникой и беспорядочностью, уходило в горы. Гудками автомобилей оглашались джунгли, стенаниями и воплями — внутренность лимузинов.

Последний бой

Уже за четыреста километров передовые самолеты эскадрильи Всемирной Коммуны заметили огромное зарево прожекторов над Фохтбургом.

А через час слышались резкие толчки в стены корабля Уралова.

Уралов подошел к счетчику на стене. Расходование электрической энергии прекратилось, стрелка счетчика скакнула назад после четвертого толчка.

— А, вот в чем дело. Начали действовать Пуассоновские волны.

Уралов взял микрофон и соединился со своей радиостанцией.

— На какую волну работает радио-станция генерала Фохта? — Так. — А волны Пуассона не мешают? — Так. Настройте мой радифон, я хочу разговаривать с Фохтбургом.

В этот момент вошли Убанунга-Га, Пороховницын, начоперот эскадрильи, начштаб Рэне Ирондель и другие. Каюта наполнилась тревожными лицами и голосами.

— Пуассон не так безвреден. Мы потеряли четырех разведчиков, взорванных собственными бомбами, вспыхнувшими от Пуассоновых искр.

Уралов нахмурился.

— Значит, не у всех налажены аккумуляторы и электроотводы?

Ирондель бросился к себе в каюту и оттуда в третий раз приказал проверить упомянутые Ураловым аппараты на всех самолетах.

Эскадрилья брала высоту одиннадцати тысяч метров. Толчки теперь не прекращались. Волны Пуассона оказались значительно сильнее, чем таковые же волны, известные в Европе.

Зарево прожекторов приближалось, как пламя планетарного пожара.

Было девять часов сорок минут вечера, до Фохтбурга не больше пятидесяти километров.

Другой историк опишет стратегическую схему боя на основании известных мемуаров Иронделя, Пороховницына и официальных приказов, зафиксированных механическими регистраторами самолетов эскадрильи. Нам остается восстановить живую картину этого исторического сражения.

О, нужен гений Плутарха и Тацита, чтобы живо передать те героические движения души, которые тогда руководили вождями и рядовыми сподвижниками эскадрильи. И эта задача нам не по силам. Но кто из наших читателей сам умственным взором не восстановит картины смятения, воцарившегося в тот момент, когда вдруг трубка личного радиодинамо фельдмаршала Фохта заговорила, покрывая гул заседания Военного Совета в подземной зале дворца диктатора.

— Алло. Меня слушают? Говорит Уралов. Алло. Ответьте.

Смертельной бледностью покрылись лица.

— Кто соединил меня с Ураловым? — крикнул, опомнившись первым, Фохт.

Но рассуждать было поздно, и фельдмаршал подошел к радиодинамо.

— Слушает фельдмаршал Фохт.

— Слушайте, фельдмаршал Фохт. Именем Всемирной Коммуны предлагаю вам сдать и предотвратить ненужное кровопролитие.

— Нет, — ответил Фохт.

В ту же минуту сотрясающий землю гул послышался в зале.

Это начали работать зенитные минометы Битерфорда, бросая в небо полутонные взрывчатые сигары.

— Высота двенадцать тысяч метров, — спокойно заявил радиодинамо, намекая на свою недостижимость для Битерфордовых мин.

— Пуассон, — крикнул, забывшись, Фохт. — Какого дьявола вы сидите со своими машинами?

А громовой голос радиодинамо насмешливо ответил:

— Уралов просит передать господину Пуассону благодарность от воздушного флота Коммуны за щедрое снабжение электричеством. Мы уже вынуждены отдавать энергию в атмосферу. Ждите дождя.

Лицо фельдмаршала Фохта исказилось.

— Скажите, — тихо обратился Фохт к присутствующим, — возможно ли переполнение их аккумуляторов или черт знает еще чего, чтобы, наконец, волны стали действовать?

— Очевидно, нет, — ответил присутствовавший в зале профессор Канэ. — У них, по-видимому, есть какие-то трансформаторы электро-энергии, нам неизвестные, а емкость атмосферы безгранична, — с бессознательной иронией закончил печальный ответ ученый.

В комнату вошел морской министр Футо-Яма:

— Что делать, ваше высокопревосходительство, — закричал он, — наши минные заграждения рвутся, морской кордон прорван, побережье обнажено. Пуассон слишком усиливает работу и изолировка мин не выдерживает.

— Остановите этого дурака Пуассона, — хрипло сказал фельдмаршал.—Его идиотские волны действуют только во вред нам, а не противнику.

Но волны Пуассона были тут не при чем.

Это старик Пороховницын пересел на разведывательный аппарат и с группой таких же смельчаков-командиров, снизившись под угрожающим огнем зенитных минометов Битерфорда, в вихре воздушных течений, при напряженной работе стабилизаторов, едва удерживавших самолеты от падения, летал над взбуренным морем.

Прожекторы бросали вниз с аэропланов снопы света.

Это давало полную возможность прицела для вражеских орудий, но зато авиаторы с полной ясностью наблюдали морское дно сверху.

Наконец, линия минных заграждений была открыта, и сотни тонн сильнейших детонаторов полетели в глубину моря. Ни Пороховницын, ни другие летчики на других аппаратах не слышали гула этого взрыва в бешеной канонаде с острова, они, увидав только еще более закипевшую воду, взяли прежнюю безопасную высоту.

Враг был дезорганизован.

Отдав свое безумное распоряжение прекратить работу машин Пуассона, становившуюся опасной для эскадрильи, фельдмаршал Фохт обрек себя на верную гибель.

Радиофон в подземном зале непрерывно сообщал парализованному Военному Совету Мадагаскара об угрожающих действиях красного врага.

— Сдаетесь? — спрашивал радиофон.

— Нет, — все еще отвечал Фохт.

— Так слушайте прекращение канонады на восточном побережье. Я посылаю туда двести тонн интритола. Щадите людей.

К рассвету от этих посылок уже молчали две трети орудий Мадагаскара. Батареи казались развороченным материальным кладбищем. Резкие металлоеды выводили навсегда пушки из строя.

— Сдаетесь? — спрашивал неумолимый радиофон.

— Нет, — кричал диктатор.

— Я действую без потерь, — слышался голос Уралова. — Я еще щажу город и мирное население: мадагассов и негров. Но всякому терпению бывает конец. Слушайте.

Замолкла стрельба ближайших батарей. Действовали только укрепления Фохтбурга. Уралов в самом деле щадил город..

Вдруг радиофон запел мощными звуками Интернационала. Это было воспроизведение проводов из Лондона.

Схватившись за голову, фельдмаршал Фохт, думая, что разрушительное действие интритоловых снарядов сейчас начнет действовать над его дворцом и столицей, подбежал к Рокфеллеру.

— Сдавайтесь, — сказал он ему на ухо, преодолевая мощный оркестр. — Мы были героями, а я...

И он вышел.

Через пять минут в воцарившейся тишине Рокфеллер громко возглашал в черную пасть радиофона:

— Пощадите город. Правительство Мадагаскара сообщает, что фельдмаршал Фохт застрелился, мы сдаемся.

— Кто говорит? Господин Муссолини?

— Господин Муссолини скрылся и по полученным сообщениям убит туземцами. Говорит министр вооружений Рокфеллер.

Аккумуляторы эскадрильи по приказанию Уралова отдали всю энергию в воздух. Молнии прорезали атмосферу. Стуцались тучи. Спасительный ливень пошел над городом, над островами, окисляя яд.

Радно-граммы эскадрильи вызывали советские суда из Порт-Наталя, сообщая, что минный кордон Футо-Яма уничтожен, а подводные лодки выходили на поверхность моря по приказу Уралова и строились под красным флагом.

Николай Шпанов

ТАИНСТВЕННЫЙ ВЗРЫВ

Фантастический авио-рассказ

ТАИНСТВЕННЫЙ ВЗРЫВ

В ночь на 4 марта 1924 года на окраине города Ковно, в расположении военных складов, раздался оглушительный взрыв, не оставивший ни одного целого стекла в городе и превративший в груды скрученных, обгорелых обломков всю огромную площадь склада. Последовавший за взрывом пожар несколько дней и ночей наполнял город удушливым дымом и копотью.

Установить непосредственную причину взрыва не удалось, так как все, что было на территории складов, в том числе и люди, было уничтожено.

Через два месяца, когда в конце работ по очистке территории взрыва, в самом его центре были найдены обезображенные остатки металлической рамы большого самолета, — решили, что ковенские склады погибли от большевистского самолета, летевшего с преступным намерением к восточному оплоту европейского порядка — столице Речи Посполитой...

Польша подняла невероятный шум..

Заверения Советского правительства в том, что ни один из его самолетов не вылетал в эту ночь за пределы СССР, что вообще в ночь на четвертое марта производились только учебные полеты на Московском аэродроме, ни к чему

не привели. Польша требовала защиты у великих держав, и все помнят события, следовавшие за этими днями.

Только много позже в мои руки совершенно случайно попал один документ, ценность которого определяют сами читатели.

Документ этот всего только потрепанная тетрадка дневника офицера 2-го польского авиационного полка ночного бомбометания Станислава Зброжек-Кржечжевского.

Весь, или почти весь, дневник стоит того, чтобы его обработать, но это мы сделаем в другой раз, а сейчас приведем только переводы той его части, которая относится к интересующим нас дням.

Автор дневника не обладал писательскими талантами, поэтому и его дневник не отличался литературными достоинствами. Однако, в целях сохранения большей исторической точности, мы приводим его без изменений.

15 февраля. Этот балбес Вацлав опять клялся, что когда он пришел меня будить, я запустил в него сапогом. Это каждый раз, когда я просплюсь, он рассказывает мне такую чепуху.

Кончилось тем, что из-за осла-денщика я опоздал в штаб дивизии и должен был встретить кислую рожу дивизионного адъютанта.

Глупо было, конечно, надираться после получения накануне столь сугубого предписания:

*«Спешно. Совершенно секретно.
Капитану 2-го авиационного полка
ночного бомбометания Зброжек-Кржечжевскому.*

Предписываю Вам к 9 часам, 15 сего марта, явиться в штаб 2-й воздушной дивизии, где и поступите в распоряжение начальника названной дивизии. Того же 15 марта, Вам надлежит подать мне рапорт о предоставлении Вам месячного отпуска по болезни. Командировка носит совер-

шенно секретный характер и содержание ее не должно быть известно никому из чинов вверенного мне полка.

Командир полка, летчик-наблюдатель, генерального штаба полковник

Люзотинский

Адъютант, военный летчик, поручик

Кропачек».

В половине десятого я созерцал кривую рожу дивизионного адъютанта Пжонтковского. Ничего не может быть хуже такого выскочки вроде Пжонтковского: хам всегда останется хамом, какой мундир на него ни напяль.

Через несколько минут я стоял уже перед огромным столом начальника дивизии, полковника Корфа, заваленным всяким бумажным мусором.

— Садитесь, капитан. Наш разговор немного затянется. Вы, конечно, догадываетесь, что в сущности вашим отпуском вам едва ли удастся воспользоваться по собственному усмотрению. Вашим временем буду впредь распоряжаться я. Распоряжением господина военного министра лично мне поручено подготовить одну экспедицию, высоко ответственного и совершенно секретного характера. На вашу долю выпала честь быть техническим исполнителем этой экспедиции. Письменных инструкций, в целях сохранения тайны, вы не получите никаких, так что постарайтесь запомнить все, что я вам сейчас сообщу.

На секретном секторе главного аэродрома в ваше распоряжение будет предоставлено два самолета Блерио 147; это совершенно новые аппараты, полученные из Франции специально для данной экспедиции. Аппараты вполне надежные. Да вы сами их увидите завтра же. Один из самолетов предоставляется вам для тренировки. Второй нужно сохранить совершенно свежим до самой экспедиции. На нем вы полетите. Пока я позволю себе не открывать вам конечной цели полета, а ограничиться ознакомлением вас

с маршрутом. Вот прошу вас, капитан, к карте. В назначенный мною день вы должны будете вылететь из Варшавы в район Лиды. Там для вас будет подготовлена отличная площадка и все необходимое для дальнейшего полета. С главного аэродрома вы вылетите перед рассветом с тем, чтобы открытым прибытием в Лиду не возбуждать вредного любопытства пограничных жителей. Главные пункты дальнейшего вашего полета — вот по этой же железнодорожной линии. Вот здесь вы видите: Вилейка, Полоцк, Невель, Великие Луки. Здесь курс резко на зюйд-ост и снова вдоль железной дороги на Ржев, Волоколамск и Москву. Обрато вы летите через Смоленск и Ковно, и оттуда до аэродрома 4-го полка нашей первой дивизии. Вот здесь вот, видите? — Я вижу, вы немного удивлены, капитан. Но это так нужно. Следует уйти не тем путем, каким пришли и, кроме того, пустить зверя по ложному следу, на Литву. Весь полет, разумеется, без посадки. Я вижу, дорогой Зброжек, вы как будто сомневаетесь в моих умственных способностях. Нет, нет, я вполне нормален. Вот погодите, завтра мы с вами вместе поедем на аэродром и взглянем на этих красавцев Блерио. Тогда вы сами убедитесь в том, что все обстоит совершенно благополучно. Дальность полета 3.000 километров. Шесть моторов совершенно обеспечивают надежность полета, и при таком радиусе у вас остается свободная нагрузка в 3000 килограмм. Правда не плохо. Вы видите, эти каналы французы понимают дело!

Самое интересное, капитан, что ваш полет делается совершенно безопасным от противника. Понимаете вы: безо-па-сным. На моторах установлены изумительные глушители: — по словам нашего механика, принимавшего аппараты во Франции, шум моторов поглощен совершенно. Итак, вы видите, вас не могут услышать, подходящая же ночь прикроет вас еще и шапкой-невидимкой.

Теперь несколько слов об экипаже. С вами полетит один пилот — ваш помощник. Его предоставляю выбрать вам самому из числа наиболее надежных офицеров любой части нашей дивизии. Кроме того, на борту будет находиться один навигатор — очень опытный и знающий молодой че-

ловец, только что вернувшийся из Франции, и один механик, принимавший аппараты во Франции — парень тоже отлично знающий дело и вполне надежный. Однако, цель полета будете знать только вы, капитан. Маршрут будет известен, конечно, еще и навигатору. Словом поляка и солдата, я обязываю вас самым безусловным молчанием. Ни одна живая душа не должна знать ни полслова. Своим же словом я заверяю вас, что, по возвращении из перелета, ваша заслуга не будет забыта министром и, по всей вероятности, самим господином президентом. Сегодня же министр поручил мне передать вам о том, что им подписан приказ о производстве вас в чин подполковника. От казначея моего штаба вы можете немедленно получить пособие на лечение в отпуску в размере трехмесячного содержания подполковника.

Ну-с, итак, милый Зброжек, до свидания, завтра в 7 часов утра на главном аэродроме.

Через какой-нибудь час я катил уже из штаба с новыми документами и приятно пахнувшей пачкой новеньких кредиток.

17 февраля. Вчера я провел весь день на аэродроме. Старик Корф не соврал. Эти Блерио действительно чудные машины. Это бипланы 28 метров в размахе, с довольно толстыми крыльями. Два пилотских места расположены рядом.

Нечего говорить о том, что бортовое оборудование выполнено блестяще. Шесть Испано по 450 сил снабжены усовершенствованными глушителями, на вид довольно компактными и простыми. Бортовой механик имеет в полете доступ к четырем моторам из шести. Это уже утешительно.

В общем осмотр машины вселил в меня уверенность в том, что проект Корфа вовсе не абсурден, как показалось мне сначала. Интересно только знать, какого еще дьявола придумали эти жидконогие французики, что не пожалели для нас пары таких прекрасных птичек, каких еще нет на вооружении даже и в их собственных авио-частях.

А, впрочем, мое дело не рассуждать, а исполнять приказания, особенно когда дело касается того, чтобы насолить этим красным баши-бузукам.

Я не был в Москве с того самого января 1918 года, когда, оставив там в руках какого-то лохматого типа в кожаной тужурке свои новенькие корнетские погоны, отбыл в здешние края. Зато теперь я сделаю визит красной Московии, не спрашивая разрешения товарища Чичерина...

Сегодня я приехал на аэродром к девяти часам. Механик Краспинский, который по приказанию Корфа должен будет лететь со мной, действительно весьма знающий парень. Но он мне вовсе не внушает доверия, как спутник в столь рискованном предприятии. Уж очень у него штатские замашки и ультра-демократические суждения...

Совсем другое дело прикомандированный ко мне аэронавигатор. Хотя он и владеет в совершенстве польским языком, но мне кажется не поляком, жившим во Франции, а французом, жившим в Польше. Да и фамилия у него подходящая к такой догадке — Лемонье. Он не только производит впечатление весьма понимающего свое дело специалиста, но, по-видимому, вполне отдает себе отчет в политике, как это подобает порядочному человеку и доброму офицеру польской армии.

27 февраля. Собственно говоря, сегодня я сел писать из-за того, что на аэродроме у нас произошел забавный случай. Двое солдат из секретной части команды, обслуживающей ангары, были застигнуты в то время, когда исследовали мои аппараты с несколько большим вниманием, чем то положено им по инструкции. Кончилось тем, что при более тщательном расследовании у них на квартире были найдены эскизы поставленных у меня глушителей и несколько шифрованных записок, которых пока не удалось расшифровать. Эти теплые ребята оказались рабочими одной из пограничных фабрик, лишь недавно попавшими на военную службу. Для нас совершенно ясно, что если это не большевистские шпионы, то одни из так называемых «соз-

нательных». Во всяком случае, дефензива* сделает свое дело, и надо думать, что до отлета я узнаю более точно, в чем дело.

1 марта. Я опять пропустил несколько дней в записях, но, по-видимому, теперь так уж и пойдет до самого отлета, и придется более подробное описание отложить до возвращения из экспедиции.

Когда я вернулся с аэродрома, мой Вацлав с какой-то уж очень многозначительной миной сообщил мне, что те два солдата, которые были арестованы во время осмотра моего самолета, сегодня ночью казнены. Сначала я набил морду этому скоту, а затем пытался добиться от него, откуда он мог узнать о расстреле, когда приказ о нем был совершенно секретным и даже не был известен офицерам. Я ничего не добился, но теперь он уже сидит там, где следует и, по всей вероятности, там сумеют получить от него нужные сведения...

Кончится тем, что у нас не останется ни одного надежного солдата. Поляки перестают быть поляками. Все больше и больше этих идиотов из-за непонимания наших настоящих интересов попадает в сети коммунистов. Ну, да ничего. Когда надо будет, мы с ними поговорим по своему...

На завтра назначен перелет в Лиду, а в ночь с третьего на четвертое марта мы полетим к месту назначения...

Сегодня же Корф, еще раз обязав меня словом, посвятил в цель полета. Дело оказывается в том, что в настоящее время в Москве, в Большом Кремлевском дворце, заседает Конгресс Коммунистического Интернационала в связи с событиями в Малой Азии, Северной Африке и Франции. Вопрос поставлен так, что если к пятому марта Конгресс опубликует результаты своих работ, то почти неизбежно можно ждать совершенно небывалых для Европы потрясений. Политический взрыв, который подготавливают коммунисты, по мнению лучших европейских политиков, должен оказать исключительное влияние на события

* Польская «охранка» (Прим. авт.).

и может быть чреват серьезными последствиями для существующего в Европе порядка.

Моя задача будет заключаться в том, чтобы уничтожить этот большевистский улей и лишить международные рабочие организации и коммунистические партии их головы. Короче говоря, я должен сбросить на Большой Кремлевский дворец 3000 кило шнейдерита в пяти аэро-бомбах, доставленных для этого из парижской лаборатории взрывчатых веществ. По словам Корфа, действие этих бомб превышает почти в два раза действие тех бомб, которые имеются в наших авиационных частях.

Не стану скрывать, что неприятный холодок подрал меня по всем позвонкам, когда я подумал о своей судьбе в случае посадки с таким багажом в пределах СССР. Но Корф почти тотчас, как будто читая у меня в голове, заявил:

— Что касается вопроса о возможной посадке к тылу за пограничной линией, то она почти исключена. Вы, полагаю, сами убедились в этом, познакомившись со своим самолетом. Но, конечно, не исключены какие-нибудь возможности, и вам, полковник, надо быть готовым ко всему. Мои инструкции на сей случай таковы: если вынужденная посадка совершится в пределах СССР, то ее вообще не должно быть... Вы меня понимаете, полковник, 3.000 кило шнейдерита — вполне достаточный запас для того, чтобы избежать следов присутствия незваного воздушного гостя. Я вижу, вам не по себе, господин Зброжек. Напрасно. Не думайте, что я зверь. Вы будете в полете снабжены парашютом лучшего образца. Что касается остального экипажа, то тут уж ничего не поделаешь. Вам придется принять меры к тому, чтобы и он не оставил после себя следов, которые могли бы повести к нежелательным осложнениям. Короче говоря, ни у кого, кроме вас, парашютов не будет. Что касается вашей судьбы после такой посадки, то о ней вам придется позаботиться самому. Полагаю, что тот мундир, который вы носите, лучше всего подскажет вам, что нужно будет делать. Должен предупредить, что все документы наши будут выправлены на имя офицера литовской службы. Та же будет на вас и форма. В случае

чего, литовскому министерству иностранных дел мы предоставляем доказывать, что оно не верблюд, а вам, дорогой полковник, на этот раз придется доказывать именно то, что оно верблюд, т. е., что вы являетесь агентом именно литовского правительства. На самый крайний случай, я вам советую захватить с собой револьвер, но постарайтесь, чтобы ни у кого из членов этой воздушной экспедиции не было оружия во избежание каких-нибудь неожиданных осложнений. Во всяком случае, у вас в револьвере будет патронов вдвое больше, чем с вами полетит людей, а внешний вид у них тоже будет литовский.

— А теперь, господин полковник, позвольте еще раз пожать вашу руку и пожелать как следует отдохнуть перед тяжелым полетом. Утром я вас встречу к Лиде и буду сам присутствовать при нашем старте в негостеприимную, красную Москву.

Тем же вечером. Быть может, эта моя запись будет и последняя. Во всяком случае, продолжать дневник мне придется теперь только после возвращения. Следовательно, весь вопрос в том, вернусь ли я. Надо думать, что вернусь. Все сделано для того, чтобы избежать каких-нибудь неприятных случайностей.

С одной стороны, меня весьма удовлетворяет то обстоятельство, что я смогу действительно посолить большевикам как, что они это почувствуют. С другой стороны, я немного начинаю нервничать, как от всей обстановки полета, так еще и из-за того, что я должен буду, в случае неудачи, сам уничтожить весь экипаж, спасаясь один. Строго говоря, мне неприятно это делать только по отношению к поручику Лещинскому. Хитрец Лемонье сам знает, на что он идет, а этот долговязый механик Краспинский, пожалуй, и не в счет. Я все больше убеждаюсь, в том, что он не только не нашего лагеря, но и просто подозрительный тип...»

Здесь в дневнике подполковника Зброжек следует длительный перерыв. Следующая запись не имеет перед собой числа. По-видимому, она сделана уже много позже собы-

тий в ней описанных, так как описание носит довольно спокойный характер воспоминаний.

«Я полковник, но зато я и совершенная развалина. Вся голова моя покрыта сединой. С левой стороны мундира у меня блестит большой военный крест и командорский крест почетного легиона, но зато с той же стороны у меня, вместо ноги, болтается какая-то сложная система металлических пластинок на кожаном футляре, заменившем мою бывшую капитанскую ногу. У меня отличная пенсия, но зато у меня и ясное сознание того, что не сегодня-завтра и крестики, и полковничьи погоны, и отличная пенсия — все это полетит к дзядьбловой матери, отнятое рукой какого-нибудь денщика Вацлава: — тот, памятный мне, Конгресс Коминтерна в Большом Кремлевском дворце все-таки сделал свое дело...

Однако, я должен еще рассказать о том, как я совершил свой московский рейд, ставший последним полетом одного из лучших польских летчиков — вашего покорного слуги.

Как видно из моей последней записи в этом дневнике, 3-го марта, утром я прилетел из Варшавы в Лиду. Корф сдержал слово и ждал меня на подготовленной для моей посадки площадке.

Добрая половина дня ушла па возню около самолета и моторов. До сумерек Корф отправил всех нас спать. Когда мы приехали из лидской гостиницы, где нас наполовину съели клопы, на аэродроме все было уже готово к старту, самолет заправлен. Под его брюхом мягко поблескивали темной поверхностью своих тел те самые гостинцы, которые я должен был сбросить над кремлевским дворцом.

Когда механик Краспинский увидел под самолетом бомбы, он как-то неприятно дернулся и спросил меня, зачем они нужны. Я без особенных церемоний сказал, что если бы это его касалось, то, по всей вероятности, я бы сообщил ему это и без его дурацких вопросов. Тогда он осведомился только, боевые они шли учебные, и когда я подтвердил последнее, он выразил настойчивое желание лично осмотреть, как укреплены бомбы в бомбодержателе, так как он

не доверял здешним механикам, недостаточно хорошо знающим эти новые французские бомбосбрасыватели.

Краспинский полез под самолет и лично проверил бомбодержатель каждой бомбы и действие рычагов с моего места...

Мне сильно не нравилась рожа Краспинского, особенно его сосредоточенные, пристальные глаза, сверлившие меня с настойчивостью, говорившей о чем-то большем, чем простая предосторожность хорошего служаки. Как бы там ни было, но он полез под самолет и лично проверил бомбодержатель каждой бомбы и действие рычагов с моего места. Через десять минут он доложил мне, что все в порядке и можно садиться в машину.

Через десять минут я рулил уже к старту против ветра. Перед тем, как дать газ, я в последний раз проверил все управление, проверил переговорные аппараты со всеми чинами экипажа. Лемонье спокойно заправлял маршрутную карту в автоматический порткарт, поворачивавший карту соответственно скорости движения самолета. Наконец, он

установил карандаш навиграфа на кружок с надписью «Лида» и сообщил мне, что он готов.

Лещинский хмуру укладывал в бортовую сумочку распакетованные плитки шоколада. Я понимал, почему он хмурится: ему, офицеру и своему товарищу и помощнику, я отказался сообщить маршрут полета. Он был этим крайне задет и не старался скрыть своего недовольства.

Наши пилотские места были расположены рядом и таким образом, что каждому из нас было хорошо видно каждое движение карандаша навиграфа, установленного перед навигатором, сидящим несколько впереди нас, в удобной застекленной кабинке. В случае надобности, любой из пилотов мог перейти на место навигатора. Место механика было расположено сзади, таким образом, что с него было видно четыре мотора из шести и легко было выйти для ремонта моторов в полете.

Я не мог не обратить внимания на то, что Краспинский как-то сразу успокоился после того, как он осмотрел бомбодержатели, и почти весело проверил набор подручного инструмента, укрепленного в специальных кожаных конвертах по бортам его кабинки.

Но вот я прибавляю газа. Корф, стоящий в стороне от самолетов, нервно ковыряет ножнами сабли утоптаный снег.

Полный газ. Я чувствую, что машина уже рвется из рук удерживающих ее мотористов.

Я поднимаю свою бесконечно-огромную в толстой меховой перчатке руку и вижу, как она бросает слабую тень от лучей заходящего за моей спиной солнца.

Бурный вихрь холодного воздуха слегка задувает из-за высокого козырька. Аэродром бежит... Рукоятка немного от себя — чувствую, что хвост оторвался от земли. Рукоятка на себя — аэродром уходит все больше и больше. До свиданья, польская земля. А может быть, прощай.

Зимние сумерки охватывают все плотнее и плотнее. Солнца больше уже нет. Осталась где-то сзади светлая розовая полоска на горизонте.

Впереди, в кабинке Лемонье, мягким синим светом загораются лампочки над приборами и картой.

Я включаю освещение нашей кабинки. Продолговатые ампулы бросают ровный свет только на приборы. Тахометр показывает, что скорость резко упала, как только я взял правильный курс, значит ветер теперь прямо в лоб.

Слегка трогаю своей неуклюжей рукавицей сектора. Както неприятно, что на повышение числа оборотов моторы не реагируют повышающимся ревом. Глушители делают свое дело, за работой моторов можно следить теперь только по приборам.

— Краспинский, как дела с моторами?

— Все отлично, господин полковник. Все, как один, — 1700.

— Лемонье, проверьте направление.

— Есть.

Через минуту голос Лемонье жужжит в трубку:

— Не отходите от условленных курсов, навиграф работает идеально. Сноса пока почти нет, так как ветер почти прямо в лоб.

— Как ты себя чувствуешь, Бронислав?

Сердитый голос Лещинского бросает в ответ:

— Иди до дзябла.

Я вглядываюсь искоса в его силуэт рядом с собой, но не вижу ничего, кроме неуклюжей головы с топорщащимися вперед выпуклыми очками.

Мы не спеша набираем высоту. Мой альтиметр показывает уже около двух тысяч. Пока довольно. Перед переходом через границу надо набрать 3.500 — эта высота предписана. При подходе к Ржеву надо набрать 4.000 — и так до Москвы.

Я отыскиваю левой рукой свой «хвост» — шнур со штепселем от моего термо-комбинезона. Куда он задевался? Ага, вот он, подлый. Втыкаю его в гнездо на борту. Прежде всего начинаю чувствовать тепло на подошвах ног и на коленях.

— Всем включить грелки.

— Есть.

— Есть.

— Есть.

Бронислав отвечал последним. Жаль, что перед самым полетом он надулся.

— Бронислав, постарайся уснуть. Через два часа я тебе передам управление, а сам сосну. Только вот что: проверь, пожалуйста, теперь же прицельные приборы.

Я всматриваюсь за борт. Землю видно хорошо, несмотря на то, что нет луны. Небо затянуло облаками. Звезд не видно совершенно. Это хорошо. Чем темнее, тем лучше.

Снежный покров земли дает возможность кое-что различить, хотя совершенно скрадывает впечатление движения.

Передо мною сплошная черная пелена. Как ни напрягай зрение вперед, ничего не видно. Точно какая-то огромная бархатная завеса идет передо мною и не хочет ни на один метр пропустить мой взор вперед. Только с движением самолета движется эта завеса и уступает пространство. Впереди черно, справа черно, слева черно.

Только далеко внизу слабо светится снежная земля с редкими пятнами леса. Как какие-то болячки, выползают эти пятна, нарушая однотонный, ровный пейзаж.

Ночь так темна, что даже заезженных дорог не видно. Только когда дорога перерезает лес, видна на его черном фоне узкая светлая ленточка.

Едва чернеет внизу линия железной дороги и то временами.

Мертво и пусто кругом. В жужжащем вихре полета кажется, что я несусь один в безбрежном океане ночи, и этому океану никогда не будет конца.

Редко-редко внизу мелькнет два-три огонька станции и темным пятнышком выделится деревушка с несколькими слепыми окнами-фонариками.

Вот железная дорога совершенно исчезает где-то вправо. Делается совсем тоскливо.

— Лемонье, проверьте.

— Все верно. Через десяток минут должна быть Вилейка.

Ага, это уже лучше. Все-таки люди. Однако, надо обходить этих людей стороной. И боюсь я потерять из вида человеческое жилье и, вместе с тем, боюсь попасться чело-

веку на глаза. Пожалуй, второе хуже первого. Вот влево от меня медленно проходит разбросавшаяся кучка огней. Это, вероятно, освещенный вокзал.

Обойдя Вилейку, мы снова выходим на линию железной дороги.

Слежу за едва ползущей перед Лемонье картой. Вот карандаш навиграфа начинает сползать влево с жирной, красной курсовой черты. Значит ветер меняется. Беру соответственно влево. Вижу, как карандаш возвращается на красную черту и снова чертит по ней немного волнистую, спасительную линию. Да, Ле-Приер не дурак. Дорого бы дали в прошлую кампанию за такую штучку и союзники и немцы.

Оглядываю все приборы. Все работает, как часы. Ага. Вот только на крайнем левом моторе что-то не совсем ладно со смазкой.

— Краспинский. В чем дело со смазкой на первом номере?

— Может быть, просто масло подстыло. Сбавьте ему немного оборотов, господин полковник. Если не пройдет, придется перевести его на запасный маслопровод. Лучше бы так обойтись.

Я передвигаю немного сектор первого мотора и едва заметно карандаш навиграфа начинает снова сползать с курсовой черты. Исправляю аппарат.

С боязнью слежу за смазкой. Как будто не улучшается. А впрочем нет, вот кажется все пошло нормально. Даю опять те же обороты — все хорошо.

— Все хорошо, господин полковник, — раздается в наушниках голос Краспинского.

Время идет. Я чувствую это по рукам, не глядя на часы.

Вот далеко вправо светится довольно заметное пятнышко, точно рассыпчатое гнездышко светляков.

— Лемонье, что справа?

— Лепель.

Ага, Лепель. Теперь уже недалеко до Полоцка. Обойти его и тогда за дело, Лещинский. Только засну ли я? Нервы так напряжены.

Что делают мои спутники? Лещинский спит. Лемонье тоже, кажется, клюет носом над своими, приборами.

Стараюсь рассмотреть, что делается у механика. Толком ничего не разберешь, но как будто он пишет, по крайней мере, ясно белеет листок бумаги под его очками.

— Краспинский. Вы что? Никак писанием занялись?

— Да, пишу на всякий случай завещание.

Вот слева блеснули вдаль огни Десны, а прямо вперед — и Полоцк... Полоцк... Полоцк... В чем дело? Почему с этим словом всплывает в голове представление о третьем классе кадетского корпуса, длиннополом сюртуке учителя истории...

— Эй, Бронислав, проснись. Бронислав...

Нет, заснул так, что телефоном его не разбудишь. Протягиваю руку и толкаю мягкой рукавицей податливую сонную голову.

— Проснись, тетеря, Полоцк. Сейчас я обойду его, а там ты веди до Ржева. Не забудь, что от Ржева надо набрать высоты.

Наконец, огни Полоцка остаются далеко позади. Я чувствую, что рукояткой и педалями уже управляет другой. У Бронислава твердая рука, сразу дает себя знать.

Сначала я еще машинально слежу за аппаратом, а потом вспоминаю, что мне надо отдохнуть, и я устраиваюсь поуютнее.

Сквозь сон я слышу, как Лещинский переговаривается с Лемонье и Краспинским.

Бронислав оказался неисполнительным помощником, хотя и хорошим другом: вместо Ржева, он довел машину до самого Волоколамска. Когда он разбудил меня, огни этой колокольной колыбели уже исчезали сзади. Пока я огляделся, просмотрел приборы и взял в руки управление, вдаль стало видно светлое зарево Красной столицы, этого неутомимого гнезда мировой крамолы. Вспомнил, как восемь лет тому назад я быстро утекал из первопрестольной. Зато теперь я в десять раз скорее приближался к ней.

Как часто видел я сверху добрую старую Москву еще учеником московской школы. Вот только ни разу не приш-

лось летать ночью, тогда у нас об этом не думали. Узнаю ли я ночную Москву? Сумею ли разобраться?

Глаза сами невольно скользят по приборам и пробегают по всему аппарату. Матка Боска, до чего ясно виден весь самолет — крылья, стойки, моторы — все это совершенно отчетливо выделяется на посветлевшем ночном небе. Или нет, не посветлело небо, а посинело. Облако стало реже и в окна лукаво подмигивают мне предательницы звезды.

— Поручик Лещинский, полное внимание! На плане Москвы вы видите в самом центре темный обвод — это Кремль. Внутри обвода крестом отмечено здание — цель нашего полета. Я буду работать своим прицелом — вы проверяйте установку по своему.

— Есть.

— Господин полковник, подход с северо-запада. Ориентир аэро-маяк около самой Ходынки, — раздается голос Лемонье.

— Вы разве бывали в Москве, Лемонье?

— Да, и не так давно...

Но что это, где же Москва? Вместо густого скопления огней только светлое зарево, просвечивающее сквозь густую серую дымку.

Резко сбавляю газ, иду на снижение. Ага, теперь понимаю, в чем дело: — мой козырек весь облеплен мокрым снегом. Сбоку надувает мне мокрый белый порошок на щеку. Через минуту:

— Бронислав, сними очки и возьми на минуту управление, дай мне снять мои.

— Есть.

Ага, вот так-то лучше. Глаза невольно суживаются от холодного задувания, но зато перед ними нет матовой поверхности стекол, облепленных снегом. А проказница-зима все сыпет на нас свою холодную, мокрую пудру.

Слежу за карандашом Лемонье. С поразительной точностью он выводит меня на светящуюся сквозь хлопья снега линейку Петербургского шоссе. Прямо передо мною впереди и немного влево красно-желтым бликом посылает нам свое «М» — глаз аэро-маяка. В такой мгле он кажется каким-то

слепым. Да и впрямь он слепой: ведь мы его видим, он нас нет.

Вот вправо от меня яркая кучка светлых фонарей с высоко висящими в воздухе красными точками — то станция радио с предупредительными красными лампами на мачтах.

Ага, нам везет. Вот сквозь неистово крутящийся вихрь снега блеснули два ярких перекрещивающихся бело-голубых меча — соображаю, что это прожектора на аэродроме Ходынки. По-видимому и красные сегодня летают. Вот от аэродрома нам совершенно ясно видно мигание перемежающегося венца зеленых и красных бусинок.

— Краспинский, последите за зелено-красными огнями — это Морзе. Постарайтесь разобрать, какой цвет тире, какой точка и, прочтя сигналы, скажите мне.

Чтобы дать Краспинскому время, делаю круг над аэродромом. Через две минуты его голос звенит в наушниках:

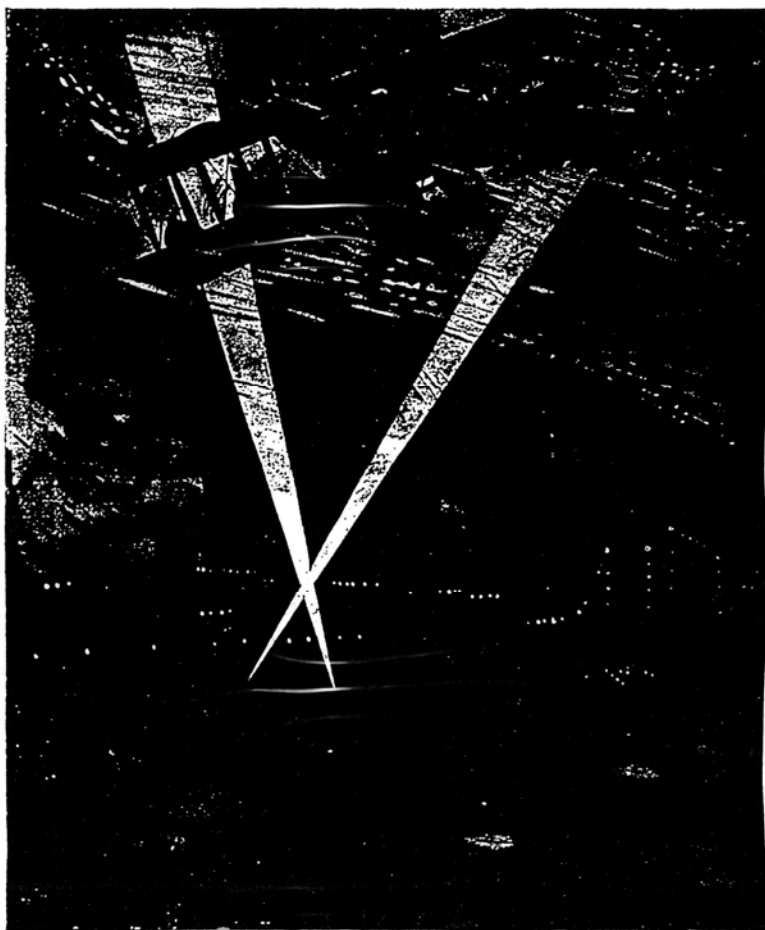
— По-моему, у кого-то из них потух хвостовой огонь. Осторожно. Снеговая туча скоро пройдет. Ветер тот же, — отвечает он мне, подозрительно минуя данное ему мною поручение.

Мой альтиметр показывает 2.500. Это удачно, что в воздухе есть еще и красные самолеты. Даже если наши глушители и не так хороши, при таких условиях это не опасно. Однако, надо внимательно следить за тем, что делается кругом. Ведь мы идем без всяких огней, и от меня одного зависит избежать столкновения с теми, кто кружится над Ходынкой.

Вот снова мигают зелено-красные глазки. На этот раз я читаю сам сигналы красных летчиков: «Ремизов, потушите бортовые огни, держитесь строго на 500 метров. Краузе, осторожно, тысячу метров».

Ага, спасибо, большевички, теперь я знаю, что моя высота может быть даже 1.500 без всякого риска.

Довольно над аэродромом. Идем к Москве. Нервы натягиваются, как струны. Снимаю правую рукавицу и осторожно ощупываю рычажки бомбодержателей.

Вот сквозь неистово крутящийся вихрь снега блеснули два ярких перекрещивающихся белолучных меча—соображаю, что это прожектора на аэродроме Ходынки.

Вот в моем визире проходит светлое пятно площади перед Александровским вокзалом с его маленькой дугой.

Вот четкой линейкой идет подо мной Тверская-Ямская. Эх, Матка Боска, сколько раз юнкером и молодым офицером я бывал в этих краях. На минуту отрываюсь от приборов и окидываю взглядом весь город. Резким, точно засы-

панном огнями, кольцом, видны Садовые. А вон, подальше, концентрически к ним, — кольцо бульваров, его свет еще резче.

Чем дальше к центру, тем гуще и ярче становятся огни. Снова к визиру. Вот в него попадает яркое пятно Театральной и сразу сменяется темным прорывом Красной площади... Вот и Кремль. Рука немного дрожит...

— Лемонье, я сделаю круг и пойду потом вдоль реки.

— Есть.

Подо мной плывет, залитый, огнями, Кремль. Резкой чертой выделяется обвод кремлевской стены. За ее пределами много темней.

Вот ко мне попадает и заметное здание Большого Кремлевского...

На альтиметре 1.500 метров.

— Лемонье, проверьте еще раз все данные. Бронислав, ты последи за прицелом.

— Есть.

— Есть.

Но вот сделан и полный круг. Всего три минуты, а как будто прошли часы. Вот хорошо видная ленточка Москва-реки, с перепоясавшими ее двойными линейками мостов.

Снова Кремль. На первом проходе сброшу три. Остальные — на втором. Так вернее.

Рука перестала дрожать. Глаза впились в трубку прицела.

Большой дворец... Нажим.. Второй. Третий.. В чем дело? Нет взрывов внизу.

Ужасная мысль: Краспинский...

— Краспинский, скорей, в чем дело?

— Не могу знать, господин полковник, все было в порядке.

— Краспинский, надо осмотреть бомбободержатели! Эй, слышите, вы там?

— Это невозможно, полковник. В люк я могу осмотреть только две средних бомбы.

— Хорошо, скорей.

Две бомбы. Две, а как же с остальными? Тысяча дзяблов. Это Краспинский. Этот проклятый Краспинский.

Вот Кремль снова ушел из-под меня. Время терять нельзя...

Последний круг..

Его ненавистный. голос:

— С бомбами все хорошо, полковник. Я не понимаю, в чем дело, полковник.

— Краспинский, вы врете! Вы понимаете, чем это для вас пахнет? Краспинский, я знаю все — исправляйте скорее свое дело, или... Слышите вы, дьявол? У вас есть жена, она поплатится за ваш поступок... Слышите, вы!..

— Господин полковник, две бомбы вполне исправны.

Две бомбы, да, только две. Ладно, хоть две. Но это очень трудно. Вместо шести, только две. Мало шансов. Проклятый большевик.

Последний раз иду на Кремль. В визире цель. Два быстрых нажима на бомбовый рычажок...

Снова ни одного взрыва... А, проклятый предатель... От бессильной злобы у меня дрожит все тело, круги в глазах.

— Бронислав, я не могу, возьми управление. Набирай на три тысячи.

— Лемонье, курс на обратный маршрут.

Но что же мне делать, что мне делать? Сейчас же пристрелить эту гадину. Нет, нельзя. Ведь еще надо довести самолет до дому. Проклятый, проклятый... Мысли заскакивают одна за другую.

Я не скоро пришел в себя. Мы оставили влево огни Можайска, когда я обратил внимание на карту. Бедняга Бронислав сумрачно следит за приборами...

Что-то Бронислав? Ведь он только теперь, по-видимому, понял, в чем дело. Впрочем, не в том дело. Как я мог не осмотреть бомбы сам перед вылетом? Тоже хорошо, нечего сказать. Мне нет оправдания. Проклятые большевики. Да, да, большевики, это они... Ведь здесь, у меня на борту, один из них... Краспинский. Что он делает? Я вглядываюсь в его силуэт, но по-прежнему ничего не могу разобрать.

Однако, надо взять себя в руки.

— Эй, Бронислав, друг, как дела?

— Ходь до дзябла. Ты сам во всем виноват. Не доверять своему лучшему другу, положиться на хама из этих же... Да, да, ты виноват.

Теперь я понимаю, что Бронислав прав. Я, пожалуй, виноват. Ведь этот Краспинский хам, наверное, из рабочих или что-нибудь в этом духе. Как можно было ему доверять? Нет, виноват не я, а Корф. Да, да, именно Корф.

В наушниках голос Лемонье:

— Господин полковник, скоро Смоленск.

Как, Смоленск! Значит, уже два часа, как мы ушли из Москвы? Да, Смоленск. Надо его обойти на всякий случай —ведь там стоянка красной эскадры.

Голос Лещинского:

— Зброжек, у меня, по-видимому, испортился обогреватель в рукавице. Рука очень замерзла! Возьми, пожалуйста, рукоятку.

Да, да, надо взять управление. Бедный Бронислав. Сейчас, сейчас...

Я машинально берусь за рукоятку. Глаза сами собой пробегают по приборам и снова застывают на доске мотора № 1. Опять он шалит.

— Бронислав, можешь бросить управление — я взял. Краспинский, что такое снова с первым номером?

— Опять со смазкой, полковник. Надо переключить маслопровод. Я сейчас пройду к мотору.

Я вижу в темноте, как неуклюжий силуэт Краспинского появляется над бортом его кабинки и от стойки к стойке пробирается к первому номеру. Стрелка показывает, что масло к первому номеру совсем перестало идти. Я глушу его совсем. Чего там возится этот мерзавец? Он давно уж должен бы кончить свое дело. Ага, вот масло снова пошло. Снова встало. В чем дело? Я вглядываюсь в темноту ночи, но только едва различаю на левом крыле около моторного тока темный силуэт.

Матка Боска, что это?

— Бронислав, что там с Краспинским? Может быть, ему надо помочь...

— Я не пон...

Лещинский не успел договорить. Оба мы застыли от оцепенения. Фигура Краспинского виднелась теперь, стоя на капоте мотора. Вот он, видимо, слезает. Проклятие... Краспинского нет. Он исчез, точно его смыло... Неужели сорвался?

— Броня, милый, в чем дело?

— Сейчас, Зброжек, я посмотрю, чего он там возится.

— Нет, нет, разве ты не видишь, что его нет. Он... сорвался.

— Черт с ним. Я сам пройду к мотору, посмотрю, в чем там дело.

— Не смей, Лещинский. Я запрещаю. Мы дойдем на пяти.

Да, да, на пяти мы дойдем. Но только ведь рассчитывали идти назад с облегченной машиной, а теперь у нас на борту лишних 3 тысячи кило. Надо как-нибудь от них избавиться. Ах да, Смоленский аэродром. Попробую сбросить бомбы на него.

— Бронислав, осмотри в люки хоть средние бомбы. В чем там дело?

— Есть.

Бронислав исчезает совершенно за бортом своей кабинки. Через пять минут его голова снова появляется и слышу в телефон:

— Я ничего не могу разобрать, Зброжек. Там совершенно невыносимо работать. По моему, разъединена была тяга к сбрасывателям. Я что-то соединил, но не ручаюсь, что верно.

Верно или неверно, но надо попробовать.

— Лемонье, мы не будем обходить Смоленск. Ведите прямо на город. В окрестностях найдем аэродром.

Ага, вот то, что нужно. Вот темные пятнышки ангаров. Вот он у меня в прицеле. Нажим. Другой. Снова ничего. Проклятый Краспинский.

Я не очень отчетливо помню обратный путь. Кажется, где-то между Смоленском и Ковно я снова передал управление Лещинскому. Я не спал. Нет, это я знаю хорошо, что я не спал. Но что было, я помню очень слабо.

Меня привело в себя резкое, необычайное подергивание всей правой коробки крыльев. Тахометр центрального мотора показывал бешеные обороты, стрелка неровно скакала между 2.000-2.500. Сектор закрыт, стрелка встала, но почему так дергается правая сторона? Аппарат валится на правое крыло.

— Лещинский, в чем дело?

— Я не знаю. Что-то с правой коробкой. Я боюсь, не пропеллер ли центрального мотора...

— Да, да, это самое вероятное. Надо посмотреть.

— Броня, веди самолет ровнее. Я посмотрю сейчас, что там такое.

Быстро отстегивая пояс, вылезая со своего места и вдоль корпуса пробираюсь к переднему мотору. Висящий за спиной ранец парашюта сильно стесняет движения. Пожалел, что не оставил его в кабине.

Вот и замерзшая в своем молчании масса мотора. Его не надо долго осматривать, чтобы понять, в чем дело. Вместо пропеллера торчит какой-то безобразный деревянный обломок. Все понятно. Теперь надо осмотреть крылья. По-видимому, осколки пропеллера что-то там натворили. Мне некогда раздумывать над причинами поломки пропеллера. На четвереньках, цепляясь за стойки и тросы, я пополз вдоль крыла.

Пока все благополучно. Ага, вот мои руки до самых плеч провалились в зияющую дыру. Матка Боска, целый колодец! Скелет крыла исковеркан большим куском пропеллера. Основной лонжерон перебит. Вся часть крыла за дырой беспомощно бьется, окончательно доламывая укрепления. Надо скорее к себе на место. Как можно меньше газ. Осторожно тянуть до первого поля, и там можно как-нибудь сесть. Ах да, я забыл, мы не должны садиться.

Аппарат сильнее дергается и все заметнее делает крен. Видно, Лещинскому трудно держать его ровно. Да, да, я иду на свое место. Вот оно. Я лезу в кабину. Одного взгляда на карту достаточно, чтобы понять, что мы уже почти над Ковно. Несчастье неизбежно. Что же делать? Что же

делать? А впрочем, выбора нет. Инструкция ясна: никаких свидетелей.

Прямо передо мной встает совершенно зеленое лицо Лемонье. Он почему-то без шлема. Он лихорадочно старается вылезти из своей кабинки, по-видимому, не расстегнул пояса. Ничего. Ты знал, на что идешь. А вот Броня, как же ты? Броня, прости. Бр...ня... про...сти... У меня стучат зубы. Дрожащей рукой я выключаю управление Лещинского... Теперь он не сядет.

Я быстро поднимаюсь на руках над бортом своей кабины. Расправляю ремни парашюта. Передо мною неожиданно встают расширенные глаза Бронислава. Его рука тянется ко мне. Сильный бросок всего самолета. Я получаю увесистый удар по лицу. Я знаю, что этот удар не случайность. Но в свисте ветра я не слышу слов, которые вырываются из искаженного рта Бронислава. Я их не слышал, но я и их знаю так же хорошо, как будто меня заставили их заучивать, как урок. Ужасные, кошмарные, позорные слова.

На минуту я потерял сознание. Но еще в воздухе, вися на парашютной сбруе, я пришел в себя от оглушительного взрыва, как будто расколовшего земную кору. Оттуда, из недр земли, вырвался резкий, слепящий блеск. И вслед за ним высокими языками запыхало внизу пламя пожара.

Я понял, что это такое... Свидетелей не будет, господин Корф. Можете доложить министру. Ветром меня относило далеко к югу от пылавшего внизу адского пожара. Уже теряя сознание от резкой боли в левой ноге, по-видимому, вследствие неудачного спуска, я сообразил, что больше я не подполковник Зброжек-Кржечжевский, а капитан Литовской службы Никодим Мацикас.

На этом кончается интересующая нас часть дневника подполковника Зброжек.

К вечеру того же 4-го марта, когда произошел взрыв в Ковно, крестьянами Смоленского уезда был найден в поле совершенно разможенный труп, представлявший собою

В воздухе, вися на парашютной сбруе, я пришел в себя от огушительного взрыва, как будто расколовшего земную кору.

мешок костей. При осмотре тела, в боковом кармане кожаной тужурки были обнаружены документы на имя сержанта литовских авиационных войск Антона Навкунского и обрывок начатого письма, писанного карандашом и, по-видимому, в очень неудобном положении, так как строчки его идут в совершенном беспорядке:

«Анка, передай товарищам, что это будет стоить мне жизни, но рабочий класс сделает свое дело. Ни одна из шес...»

Антон Горелов
ОГНЕННЫЕ ДНИ

Цена 15 копеек.

КНИГА ДЛЯ ВСЕХ

ОГНЕННЫЕ АЧЫ

АНТОН ГОРЕЛОВ.

ЛЕНИНГРАД

изд. „ДЕШЕВАЯ КНИГА“

МОСКВА

1. Скрюченный труп

Сеть проволочная — не прокусит пойманный зверь. Звонки.

У начальника Г. П. У. Титова навывк к коротким, как телеграфная депеша, словам.

— Политуправление. Слушаю. Вардин?!

Стиснул трубку. Сквозь зубы:

— Через десять минут буду у вас.

И на ходу:

— Они начинают коготки показывать!

Две минуты — передача неотложных дел помощнику. Восемь минут — бешеная езда в авто.

Больница Эртеля. Покойницкая.

Синий труп.

— Бедняга. Они тебя разделали чисто!

И отвертываясь, встряхнув головой:

— Рассказывайте.

Больничный сторож и шофер скорой помощи многословны.

— Покойник доставлен в больницу 27-го. Найден на Советской, недалеко от площади, со слабыми признаками жизни. Судорогой сведенным ртом он, кажется, произнес несколько раз какие-то цифры.

— Цифры?

Начальник Г. П. У. сверлит глазами. Шофер мнется.

— Боюсь напутать. Мне кажется, он сказал: 5,188.

— Подумайте хорошенько: не сказал ли он наоборот: 188,5.

— Пожалуй, товарищ Титов.

В это время вошел знаменитый химик, которому принадлежит изобретение знаменитого аппарата «Це», сыгравшего в войне 1931 года такую громадную роль. Каждый знает его увесистую фигуру по снимкам, фотографиям в журналах, газетах. О нем это шутовское стихотворение:

Дюжий Пеллеров Прокоп,
Что ему врага подкоп!
Аппаратом правя «Це»,
Мнет улыбку на лице.

Действительно, Пеллеров удивительно веселый человек. Вот и сейчас он вкатился в покойницкую — и сразу сломал тишину ее и мрачность.

— Здравствуйте, друзья. Пришел взглянуть на убитого. Говорят, вскрытие не могло определить причины смерти.

Взглянув на мертвеца, Пеллеров отшатнулся.

— Но ведь это... позвольте.. ведь это...

Титов сделал знак сторожу и шоферу. Они вышли.

— Позвольте, но ведь он отравлен тем веществом, к которому никто кроме меня не имеет доступа.

— Вы не хотите сказать, что отравлен Вардин вами?

— Я хочу сказать, что тут кроется тайна.

Пеллеров наклонился над трупом. Сведенное судорогой лицо Вардина синее, с каким-то отливом голубизны. Глазные яблоки и те пропитались синим веществом. Страшно было смотреть на вытаращенные мертвые глаза, переливавшие оттенками синей эмали.

Пеллеров ворчал, осматривая:

— Ясно. Никаких сомнений не может быть. Я вам мог бы показать трупы животных, над которыми я проделывал опыты. Яд этот — нечто вроде окиси. Он почти безвкусен. Секрет его ничего еще не дает врагам. Они были близко у цели, но промахнулись

— Вы говорите туманно.

— К сожалению, пока не могу ясней. Могу сказать одно: что вещество, которым отравлен Вардин, составная часть «Синего камня». А о нем речь впереди. Пока я заканчиваю последние опыты. Применение его должно положить конец затянувшейся на три десятилетия борьбе!

— Точка. Больше мне от вас ничего не надо! — воскликнул Титов: — скажите еще: вернетесь ли вы немедленно домой или останетесь в городе?

— Сейчас же на завод. У нас заканчивается самая ответственная часть работы над аэротанком системы «Лью». Я должен присутствовать при отливке особых пластинок секретного состава и при сборке машин,

— В самом деле! — воскликнул как-то неожиданно радостно Титов: — я давно хотел посмотреть на ваши работы! Возьмите меня на завод!

2. Пинкертоновщина

Дорогой, в авто, Титов расспрашивал маститого химика о новых аэротанках, о том, какую роль должны они будут сыграть, по мнению ученого, в надвигающейся последней битве с Капиталом.

Авто мчался по крепко мощеной дороге. Последние колокольни скрылись за хвойным гребнем. Титов электрическим всасывателем изменял свои черты лица. Смеялся:

— Совсем буду американец!

Проехали первую заставу. В полосу владений завода можно было проникнуть только по пропуску. На завод Пеллерова смотрели, как на главную базу красной армии. Десятки шпионов сновали вокруг заводов. Особенно волновал капиталистические круги слух о каком-то новом составе, изобретенном Пеллеровым. Эти пластинки будто бы обладали способностью впитывать в себя распространеннейшие газы и тем самым должны были превратить химвойну в пустой звук.

— Однако, далековато вы живете, — усмехнулся Титов, когда через четверть часа они все еще мчались по ровному шоссе в зеленом коридоре леса.

И вдруг, круто повернувшись к собеседнику, спросил:

— Итак, вы полагаете, что Вардина отравил ваш помощник Курковский?

Пеллеров вздрогнул.

- Ничего подобного я не говорил!
- Но вы утверждаете, что состав, который был причиной смерти, имеется только у вас?
- Да. И ключи от шкафа всегда в моем кабинете...
- ...который в свою очередь заперт?
- Который заперт в мое отсутствие, причем ключ находится у моей дочери...
- Простите, я вас перебыю... Когда ожидают вашего приезда? Сегодня?
- Сегодня вечером я обещал непременно быть. С утра завтра начнется литье.
- Не согласитесь ли вы проехать сейчас прямо в мастерские, не заглядывая домой? Я хочу попасть туда раньше вас.
- Пожалуйста, — поморщился Пеллеров: — только не слишком ли все это... по-пинкертоновски? Seriously, вы нелепое предположение строите! Курковский — преданнейший делу человек. И все таки он не обижается и не протестует, что я его, ближайшего помощника, не посвящаю в детали моих открытий. Он — машина — и точная машина. Берегитесь, товарищ Титов, ошибки. Заподозрить человека легко, а найти хорошего работника трудно вдвойне. Помните, как мы чуть было не нарвались на антантовского шпиона, назначив его на ответственный пост? Курковский у меня на заводе с 1945 года, и все эти три года работает, не передохнув.
- Пеллеров, произнеся длинный монолог, вскочил и отдал распоряжение шоферу.
- Но имейте в виду мои слова, — крикнул он вдогонку Титову.
- Начальник Г. П. У. усмехнулся и сказал:
- Охотно верю в вашу искренность... Да. Еще секунда: итак — Титов подчеркнул свои слова — итак, Вардин, по-видимому, умер по своей вине, неосторожно обращаясь с исследуемыми им химическими продуктами?
- Да, да, хорошо, — пробормотал химик: — химическими продуктами, так химическими, не возражаю.

Автомобиль круто свернул вправо, на мастерские. Титов направился пешком к заводу. Это была громадная котловина, застроенная железобетонными громадами. Словно с окружающих гор обвалились груды камня.

Как обгорелые сосны, торчали в этом ворохе трубы.

Неповоротливый дым облизывал крутосклоны и медленно уползал в ущелье.

Титов повернул влево, к дому Пеллерова, в котором неоднократно бывал.

3. Титов знакомится

Двух дочерей Пеллерова никто бы не принял за сестер. Юлия — плавная, медленная, округлая. Варя — горячка, быстрогон, заостренная. Юлия знает, что она красива. Варя — задумывалась ли когда над этим? Юлия дома, ведает хозяйством отца. Варя почти не живет дома. Она — партийный работник, она берется за опаснейшие поручения, она не живет — сгорает радостным огнем. Вот и теперь ее уже больше месяца нет. Когда спрашивают о ней у Пеллерова, он коротко отвечает:

— В командировке.

Юлия не одобряет, видимо, поступков сестры.

— Не знаю, — говорит она: — мы не вмешиваемся в жизнь друг друга. Каждому свое.

Юлия больше всего дружит со своей старой нянькой, которая и теперь живет в доме Пеллерова. Часами просиживают старуха и девушка в зимние вечера, когда по горам ходит-гудет непогода. Юлия рассказывает Максимовне про свои сны. Во сне она часто видит какие-то старинные монеты, множество монет, будто она их собирает, как собирают ягоды. Иногда ей снятся совсем странные сны.

Качает головой Максимовна:

— Сиротки вы мои, сиротки, без матери какой дитяти рост?

И начнет, раскачиваясь медленно, рассказывать нянька о старине, о бывшем и небывалом. Много прожила старуха, много видела, ослепла даже — столько пересмотрела жизни.

Пеллеров корпит у себя в кабинете. Помощник его неизменный — Курковский, человек с металлическими глазами, возится в мастерской рядом.

А старуха и Юлия сидят в гостиной у печки. Так проходят длинные зимние вечера.

Земля вскипает новыми взрывами. Ломаются государства, как льдины, брошенные сердитой водой. Кипящая воронка рядом, бок о бок — Пеллеровский завод, сам Пеллеров, имя которого очень хорошо помнит любой банкир из Сити и каждый американский миллиардер.

Но в гостиной — чинные кресла, тихий уютный огонь, облизывающий губы. Старуха шепчет дремотно:

— И всегда это положено, чтобы не понимал старова, дряхлава молоденькой. Только ты, Юленька, слова мои понимаешь, речи мои слушаешь. Ох, не годишься ты для нонешней жизни. Не здешний ты житель, чужой...

Последнее время Пеллеров очень часто днями пропадает на заводе. Старуха прихварывает, днями лежит, совещается с богом своим:

— Устала я жить, господи. Прибрал бы ты меня, што ли?

В доме двое: Юля и Курковский. Их и увидел в окно Титов, подошедший к дому с большими предосторожностями.

Проникнуть в дом не представляло большой трудности. Курковский отчаянно чем-то скрипел. Титов проскользнул в дверь и прокрался мимо каморки охающей старухи. В кухне гудела печь. Из мастерской доносился визг напильника.

Титов прошел гостиную, темный коридор. Шаги его были уверенны. Видно, что он хорошо знаком с расположением квартиры.

В конце темного коридора дверь. Теперь явственно слышны голоса.

— Эге, — подумал Титов: — они очень дружески настроены.

Напильник то умолкал, то отчаянно верещал.

Титов уселся возможно удобнее в темном углу за дверью и приготовился слушать, бормоча:

— Познакомимся, товарищи!

— Это тоже подтверждает лишний раз, — продолжал, по-видимому, длинный разговор Курковский: — вы не годитесь для той жизни, в которую вы попали. Вы походите на заплутавшуюся в темном лесу принцессу.

— Какие он загибает штуки! — усмехнулся в своем углу Титов: — этот юноша кажется любитель принцесс.

— Разве для вас эта дыра, — окруженный заставами завод?! Медвежатник, глушь, леса на сотни верст, камень дикий, зима шестимесячная, пустой брошенный дом... Вы чахнете здесь, вы хуже пьяницы просаживаете жизнь...

— Как странно, — засмеялась Юлия: — вы говорите в точности, как Максимовна. Только она добавляет всегда, что мне нужны балы, дворцы и Иван-царевич...

— Ну, последнее необязательно, именно, чтобы царевич был Иваном...

Произнеся эти слова, Курковский заверещал сверлом.

— Черт возьми, — возился в пыли Титов: — я пришел сюда не выслушивать дискуссию об Иване-царевиче!

И словно в ответ Курковский бросил какой-то металлический предмет в сторону и сделал несколько крупных шагов в сторону двери.

Титов затих.

Курковский спросил:

— Старуха лежит?

И потом каким-то особенно взволнованным голосом, заставившим Титова насторожиться:

— Юлия Прокофьевна! Вам не приходила никогда мысль: вдруг ваш отец внезапно умирает... крушение автомобиля, несчастье на заводе, обвал...

— Вы меня пугаете?

— И тогда гениальное изобретение исчезнет навсегда? Вам не страшно?

Юлия, видимо, взволнована неожиданным разговором о смерти отца. Титов слышит, как она молчит несколько секунд, переводя дыхание.

— Отец говорил, — начала наконец она: — в случае какого-нибудь несчастья нужно достать бумаги из шкафа — у него несгораемый шкаф — и передать в Цека.

— И вас никогда не подстрекнуло женское любопытство пойти и повернуть ключ в тайнике Синеи Бороды? Вы, только вы, такая прекрасная, с таким властным лицом — должны бы владеть ключами от человеческих радостей. Вам не мешает спать отчаянная мысль — выкрасть из несгораемого шкафа чертежи и инструкции пользования этим чудовищным танком — и улететь?..

— Куда? — не сказала, а простонала Юлия.

— Туда, в тот стан. Вас там встретят с почестями, вас сделают королевой всей планеты, у вас будут пажи, тысячи розовых мальчиков, влюбленных в вас... У вас будут длинные шлейфы, которые нужно нести сотне слуг... У вас будут груды золота, горы вещей, дома, выезды...

— Оказывается, вы умеете рассказывать сказки не хуже Максимовны, — засмеялась Юлия: — Ну, так дальше?

— Чего же дальше? Дальше — счастье.

— Но ведь ваша королевна должна сделать кражу у отца?

— У отца? Ах! — Курковский досадливо повернулся на каблуках. Титов услышал снова визжание станка.

— Юлия Прокофьевна! — заговорил Курковский торжественным голосом, — я должен вам открыть тайну, если ее никто не открывает. Вы знали вашу мать? Нет? Знайте же, что вы — приемыш. Вы — дочь знатных родителей, эмигрантов, вернувшихся в двадцатых годах в Союз республик с родившейся за границей девочкой. Ваш отец вскоре был замешан в деле о шпионаже и расстрелян. Мать отравилась, прочитав приговор. Вас отдали в ясли, а после вы очутились у Пеллерова — бывшего рабочего, механика, прославившегося лишь в 1929 году и особенно с 31-го года. От вас это для чего то скрывают. Мне кажется, это подло — скрывать от дочери имена ее матери и отца.

Юлия слушала, затаив дыхание. Курковский делал паузы, вскрикивал, говорил шепотом. Юлия слушала, не шевельнувшись.

— Да, я что-то слышала, я что-то угадывала, — шептала она: — рассказывайте дальше...

— Вы аристократка. Пеллеров — рабочий. Вы — враги. И смотрите — разве удалось перевоспитать вас? Разве вы походите на эту стриженную Варю — вы, точеная из слоновой кости, с вашими властными глазами, с вашей походкой! Вы — прекрасная, утонченная душа, рожденная для поклонения, для славы... Вы!

Курковский остановился. Послышались рыдания. Юлия разволновалась, разнервничалась. Курковский молча наблюдал. Титов увидел, как плачущая девушка пробежала мимо, через коридор.

Оставшись один, Курковский расхохотался. Потом произвес, не разжимая рта:

— Ключуло!

И принялся за сверло.

4. Аэротанк

Титов выбрался из дома той же дорогой, какой пришел. Дождался в условленном месте автомобиля Пеллерова.

Когда они вошли, оживленно разговаривая, Курковский все еще сверлил сталь. Юлия не вышла из своей комнаты. Но Курковский выбежал навстречу и помог Пеллерову снять пальто.

Быстро и ловко перевел разговор на машину.

— Вам моя машина не дает спать.

— Еще бы! — вскинулся Курковский и, обращаясь к Титову, который назвал себя летчиком, интересующимся работами Пеллерова: — вы знаете, мы работаем впотьмах, сами не ведая, что к чему. Труд разбит на мельчайшие ча-

сти, механизирован до последней степени, многие составы наш маститый ученый плавил сам или приглашает на помощь совершенно несведущих людей, чернорабочих, своих прежних соработников...

— Он прав! — воскликнул Титов, — но вы-то, надеюсь, посвящены во все тайны? Я вам очень завидую!

— Не завидуйте вы, девки, моей кофте голубой — как говорится в народной песне: — я знаю столько же, сколько вы. Ну, почему бы, например, Прокопу Ивановичу не показать нам аэротанк № 07, который стоит готовенький здесь, наверху, на приспособленном плаце?

— Мне неприятно, Вячеслав, отказывать вам в просьбе, но я не могу изменять своим порядкам.

— Вы знаете, — начал опять жаловаться Титову Курковский: — у Прокопа Ивановича кабинет — место, где не бывает никто. Дочь его носит связку ключей и охраняет дом, как цербер. Это удивительно, что вас, постороннего человека, пропустили в мастерскую — мне кажется тут уже пересол...

— О, у меня целый пуд мандатов! — засмеялся Титов.

— Уговаривайте его показать нам аэротанк, — шепнул Курковский «летчику».

— Да, — подумал Титов, — мне не мешает знать ход на этот таинственный плац. И принялся упрашивать вместе с Курковским Пеллерова.

— Пожалуй, — согласился тот нехотя, — но вы ничего особенного не увидите. Механизм забронирован. Машина под чехлом. Идите за мной.

— Но ключи-то у Юлии Прокофьевны? — впился глазами в изобретателя Курковский.

Пеллеров внимательно посмотрел в его жадные глаза.

— Ннет, — сказал он веско: — ключи у меня.

Все трое двинулись по коридору и дальше по узкой витой лестнице вверх. Пеллеров шел впереди, за ним Курковский. Сзади всех Титов. Титов заметил, что Курковский внимательно изучает замки. Когда Курковский оглянулся, Титов сделал вид, что он тоже занят изучением замков.

У Титова, видимо, составился какой-то определенный план действий.

— Вот и плац. Чем не аэродром? — пробасил Пеллеров, и все трое наклонили головы, сопротивляясь ветру, гулявшему здесь.

— А вот и машина, — закричал Курковский и подбежал к огромному свертку брезентов: — не кажется ли она вам каким-то живым существом?

Он тыкнул в брезент рукой:

— Спишь, животное? Притворяешься кроткой, чистенькой, добренькой — в юбочку драпируешься, невинная девочка! А завтра, может быть, брызнешь кровью и захрустишь по человеческим черепам! Знаете, — обернулся он, и все увидели побледневшее, исступленное лицо: — я ее ненавижу и я в нее влюблен. Она мне, проклятая, снится, она преследует меня во сне!

Курковский остановился, засмеялся.

Когда Пеллеров отошел в сторону, Курковский попытался отломить краешек пластинки, торчавшей из-под брезента. Это ему не удалось.

Он стал осматривать плац и окрестности. Внизу громыхал завод. Вверху громоздились горы. Казалось, здесь в хаосе зачинается новая вселенная, походило, что здесь разразился длительный нескончаемый взрыв. Трубы ревели. Грохотали рельсы. Визжали лебедки. Сталь, недра уральских гор перерождались здесь в смирных чудовищ, которые выстраивались затем в длинные ряды греть стальные спины под солнцем.

Титов подошел к Курковскому и шепнул:

— Дружище, я не ошибусь, если скажу, что мы с вами здесь по одному делу. Помогите мне устроиться на службу и войти в доверие этого простака.

Курковский усмехнулся и ничего не ответил. Все трое направились вниз — обедать.

— А вы не боитесь, — бормотал Курковский: — что враги прилетят, сядут на ваш плац и заберут машину?

— Помилуйте! Мы находимся в недрах Урала. Кроме того, машина выключена и важнейшие части хранятся отдельно. Нет, будьте покойны!

— Но есть ли хоть охрана? — не унимался Курковский.

— Вы сегодня удивительно любознательны! — остановил его Пеллеров и переменял разговор.

5. Заговор

— Итак, вы зачислены вторым помощником и будете, главным образом, по испытаниям новых аппаратов, — сказал Пеллеров.

— Постараюсь оправдать ваше доверие, — сказал Титов, выразительно скосив глаза на Курковского.

Курковский спрятал улыбку в глазах. Целую неделю Курковский выщупывает Титова, проверяет, экзаменует.

Спят они через комнату. Курковский ночью недавно постучал к Титову и когда тот, сонный, отпирал дверь, Курковский спросил в упор:

— Где помещается Тайный Союз Золота?

Титов ответил без запинки. Недаром он изучал все сведения, имеющиеся в отделениях Г. П. У.

Курковский засмеялся:

— Вы не сердитесь, что я так недоверчив. Мы недавно чуть не наварались с ищейкой Вардиным. В настоящее время он снят.

— Простите, — пробурчал Титов, и в голосе его прозвучала горькая обида: — вы меня испытуете больше недели, а время уходит. Кажется, достаточно было моих документов?

— Теперь испытание кончено. Ваша ценность в том, что вы единственный среди нас пилот, знающий систему аппарата «Це». Между тем, аэротанки очень сходны по конструкции.

— Что вы знаете о пластинках-поглотителях? — спросил возбужденно Титов; — за границей все перепуганы. Возникшая план об убийстве Пеллерова или о похищении его.

— Ну, это в крайнем случае. У нас уже выработан план, который чуть не расстроил Вардин.

— Сколько имеется людей? — спросил непринужденно Титов.

— Гм, — сказал Курковский, — это пока неважно. Вы поймете меня, что новичков мы несколько выдерживаем. Сначала нужно испытание в деле.

— Так вот поручите мне убить эту девчонку, — страшно вращая глазами, прорычал Титов.

— Какую девчонку?

— Ту, которая стоит на дороге со связкой ключей, как я понял из разговора в первый день, помните?

Титов сидел в одном белье на постели. Курковский шаркал туфлями взад и вперед по комнате. Свет не зажигали, это могло бы вызвать подозрение, тем более что по всему заводскому городку, по словам Курковского, шныряли шпионы и охранники, а над котловиной постоянно летал дежурный авиоциклет.

Титов великолепно разыгрывал роль горячего новичка. Курковский засмеялся:

— Девчонок не убивают. Их... берут. Предоставьте мне раздобыть ключи, планы, нужные части машин. Заговор уже составлен, но осуществление его — не дело ближайших дней. Ваша роль — встать у механизма. Я думаю, вы получите хорошую долю при дележе.

— Входит ли в ваш план похитить одну авиотанку или всю эскадрилью? — спросил с горячностью Титов.

— Конечно, одну, — важно пояснил Курковский: — через год у нас их будет больше, чем в этой дикарской дыре. Самое важное, чего мы добиваемся — это украсть синий камень.

Титов насторожился.

— Нам удалось выкрасть вещество, с которым близко познакомился Вардин. Но это не то. Важное приобретение, но не то. 186-ая химбаза, 5-й отдел — подвел.

— Что это за синий камень?

— Это то, чем Пеллеров гарантирует себе бессмертие, хотя открытие принадлежит его ученикам-лаборантам, а не ему... Итак, дружище, я пришел к вам сегодня сообщить, что вы приняты в нашу организацию. Проверочное испытание вам тоже назначено: вы должны пробраться за границу, получить инструкции из «Союза Золота» и привезти их нам. Вы согласны?

— Да, это очень рискованное дело, — замылся Титов: — Но я, конечно, согласен. Смерти я не боюсь.

— Выехать нужно через месяц. Пеллерова я подготовил. Документы вручу вам своевременно. После вашего возвращения назначим окончательный срок.

6. Срок жизни СССР

Курковским получено шифрованное извещение. Прогулываясь, он шепнул Титову:

— Положение изменилось. Вы должны выехать не через месяц, а завтра же.

— Я готов, — произнес Титов. Поймав Пеллерова, он шепнул ему:

— Смените в мое отсутствие охрану 188 химбазы, 5-го отдела. Только не сразу после моего отъезда, недельку повремените. Я вернусь через месяц. С Курковским будьте настороже.

И вот Титов, при всяческом содействии агентуры Г. П. У. пробирается через границу. Он понимает весь риск поездки. Но рисковать — разве это не обычное состояние в его профессии?

Документы, полученные от Курковского, открыли двери в «Союз Золота», Титов беседовал с теми, чьи имена часто встречал уже в прессе. Встречали радостно. Засыпали деньгами. Устроили в честь Титова банкет. Из разговоров Ти-

тов уже понял, что там готовится что-то решительное и страшное. У всех на устах был некий Торн. Титову выдали одну всего бумажку, это было ничего не значащее удостоверение и подпись:

«7 ноября 1948 года.

Председатель «Союза Золота»

Стенлей Гвид».

— Почему же ноября? Сейчас только еще июль? — спросил Титов.

— Это описка. Неважно! — засмеялся лысый джентельмен, вручивший Титову удостоверение.

Другой, помоложе, остановил его:

— Зачем лгать, Том? Это наш человек и мы должны относиться к нему с некоторым доверием.

— Видите ли, — обратился он ласково к Титову: — вы еще новичок, можете влипнуть с бумагами. Между тем инструкции наши несложны и задания просты: сейчас первые числа июля, как вы верно изволили заметить. Следовательно, срок жизни СССР — четыре месяца...

Он сосчитал по пальцам:

— Август, сентябрь, октябрь, ноябрь... 7 ноября — дата, до которой вы должны или выполнить все задания, полученные раньше: похищение секретных бумаг, планов, а главное этого синего камня, о котором пишет Курковский. Если не успеете — вы должны просто взорвать весь завод, произвести панику, а мы будем действовать. Следовательно, использовать свой синий камень они не успеют... Хотя мы не особенно верим в этот синий камень... Этот ученый-выскачка Пеллеров очень раздут. Ну, вот и все инструкции. Правда, просто?

— Гениально просто! — пробормотал Титов: — срок жизни СССР — четыре месяца. Пустяки.

— Вас это не огорчает?

— Меня это приводит в бешеный восторг. Ведь вы представить себе не можете, сколько раз в день мы там рискуем своей головой, когда работаем по заданиям Союза Золота.

— Мы это оценим! — сказал лысый сэр.

Титов поклонился и вышел.

Однако, выехать ему в этот день не удалось.

Рабочие бастовали. Улицы замерли, затихли, погрузились в темноту.

Где-то прогремели выстрелы.

— Восстание на военных заводах! — пронеслось шепотом по городу.

Пролетели отряды полиции.

Титов узнал о новом способе, применяемом здесь к бунтовщикам: полиция с авиоциклетов сбрасывала особые колпаки на бунтовщиков. Колпаки выхватывали из толпы горсти людей, прикрывали их, разбивали толпу, остатки ее загонялись в особые изоляционные камеры.

Главным же средством были знаменитые прививки доктора Шторбе, которые убивали в человеке инициативу, приглушали его память. Эти прививки назывались «сывороткой кратости» и широко применялись при всех мятежах.

Несмотря на то, что на военных заводах громадный процент негров (это позволяет механизированный труд по системе проф. Гроггера, развившего положение старого практика 20-х годов — Генри Форда), несмотря на то, что были приняты крутые меры против бунтовщиков, восстание затянулось неделю.

Титов рвался обратно, ему нужно было тотчас известить о замыслах врагов Главный Штаб Революционных войск.

Но приходилось набраться терпения и ждать. Он бродил по бетонным коробкам улиц, вслушивался в дикую музыку разгульных кафе, щупал удостоверение и шептал:

— Четыре месяца! Четыре месяца — и снова польется кровь. Успею ли я проникнуть в недра организации и предупредить взрыв?

7. Связка ключей

Курковский не тратил понапрасну времени. За отсутствие Титова он выполнил задание на сто процентов.

В первые же дни своего приезда Титов понял, что между Юлей и Курковский установились ближайшие отношения. Наедине они даже говорили на ты.

Титов услышал обрывки разговора:

— Зачем старику машина! — говорил с жаром Курковский: старик обожрался славой, почестями, деньгами. Почему ты, я — оба молодые, — должны тлеть жалкими голловешками, когда нам только протянуть руку — и мы возьмем от жизни ворох радостей, бессмертие, славу, золото. Или ты хочешь ждать, пока одно из бесчисленных покушений на старика удастся и все рухнет в бездну, останется неоткрытым навсегда? Он нисколько не бережется. Письма с предупреждениями, угрозами, с предложениями продать секрет он сжигает, не читая или оставляет их валяться, где попало. Чем же это кончится?

Юлия похудела за это время. Она не сводила глаз с говоруна, шептала:

— Вы гипнотизер, вы гипнотизер!

Курковский продолжал:

— Ваша душа спала, как волшебная спящая красавица. Я пришел озарить вас, пришел звать вас к восстанию личности, к новой яркой яви!

— Удивительно, как она не замечает его театральности! — подумал Титов: — я гораздо лучше играю роль шпиона, чем он — роль соблазнителя.

Титов передал вести из «Союза Золота» Курковскому. Тот нахмурился:

— Они дураки. Думают, синий камень — шуточка. Дураки! Впрочем, мы обделаем дельце задолго до ноября. Девочка — видели — готова. Но ведь легко сказать — взорвать. Разве можно надеяться взорвать площадь в несколько квадратных верст? Наконец, авиотанки вывозятся в погранич-

ные области. Они там совсем потеряли головы! Слушайте, дружище (Курковский подхватил под руку Титова). Вы храбрый человек? Я предлагаю вам рискованнейшее дело. Ставка: смерть или бессмертие. Мы захватим машину и секрет синего камня. С ними мы победим мир. Ведь этот старик — он мог бы сейчас повелевать всей планетой, а он сидит и ест вареную картошку. Заметили вы его обеды? Любой рабочий ест лучше, я не говорю об инженерах. Не знаю, это рисовка, не знаю, просто скверный плебейский вкус. Словом, мы с вами можем сделать хорошее дельце, если только я уломаю Юлию и заставлю ее отдать мне связку ключей.

— Но для этого нужно, чтобы Пеллеров уехал.

— Это налажено. Я могу особым аппаратом из соседней комнаты подавать радиogramмы. Получив радиogramму-вызов, Пеллеров вытряхнется отсюда, мы все обделаем днем, пристукнув старуху...

— А стража?

— Стража! Ведь мы здесь живем. Никто ничего не заподозрит... Впрочем, мы еще одну попытку сделаем — выкрасть синий камень через подземный ход, через подкоп...

Тут Курковский споткнулся:

— Вы о подкопе не знали? Совсем забыл, что вы еще на испытании. Впрочем, вы сдали экзамен. Думаю, можно довериться вам?

— Мне было бы обидно, если бы вы и теперь боялись меня, — произнес Титов: — надеюсь, вы сделаете меня своим пайщиком, когда реализуете барыши от вашего замысла? Больше мне ничего не надо.

— Отлично. Вечером сегодня я вам покажу подкоп. Во всяком случае я никогда не соглашусь взорвать заводы, если бы даже это было возможно. Скорее, я соглашусь умереть.

— Я разделяю ваше мнение, — на этот раз совершенно искренне согласился Титов: — а как вы думаете, — согласится эта самая Юлия заключить с нами союз?

— Со мной она заключила уже некоторого рода союз, — засмеялся поганым смешком Курковский: — сознаюсь, де-

вица — огонь. Но теперь нужно убедить ее, что она создана для славы, что она рождена управлять. И тогда дело в шляпе.

— Действительно ли, как я слышал, она не родная дочь Пеллерова?

— Приеммыш. И от знатных родителей.

— Ну, так я думаю, вам удастся ее уломать. Закваска много значит.

— Я думаю, удастся. Она влюблена в меня, как кошка. А у женщины ведь это много значит...

— Я еще хотел бы спросить вас, что вы думаете о Торне? В него за границей веруют, Торн у всех на языке.

— Торн, говорят, изобрел новые истребители. Ему принадлежат самые жестокие изобретения нашего века. Но ведь они не учитывают пластинок Пеллерова. Пластинки обесмысливают всю химическую войну. Свойство их таково, что они поглощают все изобретенные удушливые газы, окисляясь ими. Работая одновременно с кислородными разрядителями, они превращают химвойну в детскую забаву.

— Но ведь есть еще воздушная война, есть еще сверхтанки и глушители, которые впервые применялись в войне 31 года?

— Есть еще много вещичек, о которых мы с вами не слышали. Теперь в Америке целые военные города. «Союз Золота», «Союз Голубой Крови» и «Общество миллиардеров» образовали трест. Наступают дни финала. Кто-то должен победить. Сейчас штатские люди и организации в Америке — придаточный орган при военной туше. Грядут огненные дни. Это будет времечко, когда нужно успевать захватывать положение в обществе. Капитализм победит — и тогда...

— Тогда?

— Тогда девяти десятым человечества будут делаться при рождении «прививки кротости». Создастся армия скотинки, послушной, старательной, здоровенной, как все идиоты. Остальные будут прекрасно жить! Это будет сплошная радость! Вы любите золото?

— Гм...

— Я очень люблю золото. И думаю, что у меня будет его достаточно... Однако, мы чересчур разболтались. Вы хотите сегодня осмотреть наш подкоп? Сегодня я возьму вас на заседание ордена «Твердый знак». До ночи!..

8. Подземелья

— Кто идет?

— Из дома Пеллерова.

Синяя уральская ночь. Осенняя прозрачность. Ветер в горах.

Курковский торопится. Титов еле за ним поспекает.

Вдруг он свернул куда-то вбок. Вот он отворачивает в сторону плитняк, открывается узкий колодец. Кнопка звонка.

— Эге, да у вас даже лифт устроен — смеется Титов, — усаживаясь рядом с Курковским в бадью.

Электрическая проводка. Сырые стены подземелья. Извилистые ходы.

Курковский опять торопится. Титов щупает на ходу электрический револьвер, обычный, каким вооружена вся красная армия.

— Наклонитесь! — кричит Курковский.

Вдруг ослепляет яркий свет. Они в громадной зале. Колонны. Скамьи. Оружейный склад. В дверях часовые. Десятки людей за столом.

Титов узнает двух инженеров. Других он, кажется, не видел. А это кто в углу? Титов кусает губы, чтобы не выдать себя: Вардин, которого Титов сам, своими глазами, видел в покойницкой, подал ему условный знак, знак агента Г. П. У.

— Объявляю заседание открытым! — говорит инженер Сургин: — в повестке дня суд над шпионом Титовым, начальником Г. П. У.

Титов вскочил. Но Вардин опять делает ему знак. Титов держит рукоять револьвера.

Курковский кривит губы в улыбку:

— Успокойтесь, товарищ Титов.

— Обвинение, — продолжает инженер Сургин, — в следующих поступках: первое, попытка запутать Курковского в убийстве Вардина. Между тем, Вардина убил орден «Твердого знака». Второе — Титов проник в тайны заговора, втерся в доверие Курковского и даже добился командировки в «Союз Золота». Третье — по-видимому, он предполагал расстроить заговор, предупредив Пеллерова и власти о замышляемом. Признаете себя виновным, подсудимый?

Титов во время медленных слов инженера успел разглядеть подземелье. В углу был склад бомб.

— Что если пустить их и самому с ними взлететь в воздух? Дня этого достаточно выстрелить в ворох бомб.

— Вы должны были, друзья, прежде всего разоружить меня, а после уже разговаривать. Разве можно судить в помещении, где лежат бомбы? Вы наивны, друзья! Достаточно мне выстрелить в провода — чтобы мы все оказались в темноте. К чему так глупо рисковать жизнью, как вы рискуете?

Кое-кто беспокойно оглянулся на бомбы. Курковский сказал:

— Вам тоже, милейший, не захочется умирать. Мы вас привели сюда не убивать. Мы вас привели сюда объяснить, что вы имеете дело с хорошо налаженным аппаратом. Вы понимаете, как мы узнали о вас? Вы дали расписку в получении документов и бумаг для «Союза Золота». Вы забыли, что почерк — это ваш паспорт! Теперь, чего мы от вас хотим? Хотим предложить вам миллион долларов за инструктирование в управлении аппаратом «Це».

— Почему миллион, а не два?

— Потому что второй миллион вы получите, если согласитесь поступить механиком на аэротанк.

— Так. Но где гарантия, что я, выйдя на свет, не заявлю тотчас о вашей организации? — спросил Титов.

— Гарантия? Мы вам ее покажем, для этого вас и привели сюда.

— Мигрин! — крикнул Курковский.

Подошел тот, кого принял Титов за умершего Вардина.

— Проводите арестованного под землей под дом Пеллера. Покажите заряженные, готовые ко взрыву щели. Он поймет, что завод в наших руках и что взорвать его мы можем в любую минуту. Нам нужно не это. Если милейший начальник Г. П. У. захочет, он спасет от гибели изобретения Пеллера: он будет молчать.

— Идемте.

Титова повели. Он шел впереди. Его страж — сзади. Вдруг Титов услышал шепот.

— Товарищ Титов, это я — Вардин.

— Черт возьми, но ты убит.

— Убит Мигрин. Я его выделал электрическим всасывателем под Вардина, а себя под него. Понятно?

— Но даже я ошибся. Кто его отравил?

— Я.

— Что со мной сделают?

— С вами? Ничего. Выпустят. Только вы не бойтесь. Все их батареи будут разряжены. Кучка сумасшедших. Я думаю, мы их обезвредим в скором времени. Главное тешить их мыслью о синем камне, тогда они будут беречь лучше нас товарища Пеллера...

Когда Титов приведен был снова в зал, судьи спросили:

— Согласны ли вы на сделанные предложения?

— На второе — да. Быть механиком я согласен. А если я обучу вас — вы меня отравите, как поступили с Вардиным.

В подземельи поднялся хохот.

— У вас железная логика! — закричал Курковский: — Ну-с, — добавил он, теперь идемте мирно спать, зная, что под нами на сажень глубины стоят подземные мины, готовые превратить завод в пепелище.

9. Выстрел

Утром Курковский и Титов встали как ни в чем не бывало на работу.

Пеллеров был весел. Шутил. Пришли тревожные вести из штаба.

Курковский проворчал:

— Пронюхали.

Пеллеров сказал:

— Скорее бы хоть война.

— Вы милитарист, оказывается!

— Еще какой! — засмеялся Пеллеров.

Титов подумывал, как бы известить Пеллерова, чтобы он забрал у дочери своей приемной связку ключей и не оставлял ей в свое отсутствие.

Вдруг вошла Юлия. Она старалась не смотреть на Курковского.

— Папа, — сказала она тихо, — я думаю проехаться, так куда-нибудь. Возьми ключи и дай мне денег на дорогу.

Курковский позеленел.

Но Юлия на него и не взглянула.

Вечером она уехала.

Курковский был взбешен.

Ночью опять разбудил Титова.

— Как вам нравится? Уехала ведь! Вы знаете, она оставила мне письмо: говорит, хочу тебя проверить, любишь ты меня или любишь славу, которую можешь украсть при моем участии. Только для этого и уезжаю. Черт знает, что такое!

Титов теперь играл роль купленного за деньги изменника.

Он в ответ на бурную речь Курковского потребовал у него задаток.

— Дайте хоть тысяч пятьдесят. Вы думаете, легко мне продаться?

— Помилуйте, но вы войдете в историю, если согласитесь с нами лететь на аэротанке. Это будет ловкая штука — выкрасть первейшее в мире изобретение!

— Да, — вздохнул Титов, — мы будем знаменитые воры.

— Победителей не судят. Мы будем победителями, — воскликнул Курковский.

Титов слушал его нескончаемые планы будущей богатой жизни и думал:

— Какой-то золотопсихоз. Они так верят в силу золота, что поверили начальнику Г. П. У. в измене за миллион!

Утром получил Титов деньги. Изобразил жадность. Считал, пересчитывал, купил себе новый костюм, заодно извещал в городе, кого следует, об усилении охраны на заводе.

В городе носились упорные слухи о предстоящей войне. Газеты полны были описаниями издевательств, какие позволяют себе усмирители рабочих в капиталистических странах.

К Пеллерову направлена была из центра военная комиссия.

Пеллеров беседовал с ней у себя в кабинете. Курковский из себя выходил:

— Юлька должна была подслушать и нам сообщить! Какая она после этого любовница! Ведь пора уже действовать. Ноябрь на носу.

Юлия приехала. Измученная, похудевшая, она не могла скрывать своего отношения к Курковскому и чуть не бросилась к нему.

Неизвестно почему — по рассеянности ли или по каким-нибудь соображениям, Пеллеров не передал связку ключей Юлии.

Курковский рвал на себе волосы:

— Упущен момент! Упущен!

Титов должен был пойти в мастерские. Это было четвертого ноября.

Ему показалось подозрительным лицо Курковского. Он был возбужден, глаза его блестели, губы подергивались судорожно.

Титов поэтому хлопнул дверью, но не ушел. Вернулся в темный угол коридора, где он сживал уже несколько раз.

Курковский и Пеллеров работали в мастерской молча. Пеллеров заканчивал приготовление каких-то масок. Опять никто не знал ни назначения этих масок, ни состава прозрачных кружков — не то стеклянных, не то слюдяных.

Юлия сидела в соседней комнате и играла на рояли.

Пеллеров заговорил первый.

— Вячеслав! — сказал он: — ты любишь Юлию?

Курковский, видимо, растерялся:

— Учитель! — пробормотал он, — ваш вопрос так неожиданно поставлен... Да, учитель... Я боялся вам об этом сказать.

— Почему ты так вздрогнул? На твоём лице печать преступления. Разве любовь преступна?

В голосе Курковского была растерянность. Но вот он оправился, вот он окреп и голос его — грозит.

— На моем лице, — говорит он, — написано другое: оскорбление ученика и помощника, которого используют как машину, как сверлильный станок, а потом, по миновании надобности, вышвырнут. Ваша машина...

— Моя машина? — перебил Пеллеров.

— Ваша машина — тихо, но угрожающе говорил Курковский: — она будет пущена скоро в ход. Это говорила мне Юлия.

— Юлия? Вы так близки?

Курковский продолжал, не замечая вопроса Пеллерова:

— Между тем вы ни разу не захотели посвятить меня в тайны ее устройства. А ведь не один же вы думаете на ней лететь? Вам понадобится механик.

Пеллеров тоже начинал повышать голос:

— Я еду один. Или со мной будет моя дочь — Варвара.

— Икар женского пола?.. Наконец, разве не обязаны вы иметь преемника на случай несчастья? Вас могут убить... И тогда ваше изобретение исчезнет! Ведь синий камень...

— Синий камень?

Курковский прикусил язык.

— Ты слишком много знаешь, Вячеслав, — проворчал старик Пеллеров.

— А хочу, — перебил Курковский, — хочу знать все. Я не ручаюсь, что вы не будете убиты в любой момент. Вы неосторожны, вы доверчивы. И поэтому вы должны сказать мне состав «Синего камня».

— Я дал клятву не говорить никому до конца...

— До конца? — многозначительно подхватил слово Курковский.

— Ты запугиваешь меня? Ничего не выйдет.

— Выйдет, проклятый старик! Предупреждаю тебя, что весь завод будет взорван. Нужно спасти машину. Нужно спасти и синий камень. Вокруг тебя измена. Титов подкуплен. Твоя дочь — моя любовница. Сдайся, старик. Ты сыт жизнью. Отдай мне счастье, дай мне кусок славы. Я хочу золота, почестей, ты не умеешь ими пользоваться, ты — холуй до конца, несмотря на гениальные мозги и гениальные удачи!

— Сумасшедший! — крикнул Пеллеров, — тебя расстреляют.

— Ни с места! — крикнул Курковский.

Титов выскочил из угла. В этот миг прозвучал выстрел.

Титов увидел на полу Юлию. Она успела вбежать и заклонить отца.

Курковский дрожал в иступлении. Титов выстрелил в него, почти не целясь.

Две кровавых лужи растекались по полу. Пеллеров осматривал рану Юлии. Титов выстрелил еще раз в бившегося на полу Курковского. В то же время под руководством Вардина хватали других участников нелепого ордена «Твердый знак».

10. Эскадрилья «Союза Золота»

Седьмого ноября в тридцатую годовщину Октябрьской революции снялась с места эскадрилья «Союза Золота». В то же время двинуты были через границу С. С. С. Р. дивизионы сверхтанков, истребителей и негритянских бойцов. В армию Капитала записывалась добровольцами вся знать, много дам высшего света сменили прозрачные декольтированные платья на военные френчи. Река золота хлынула, чтобы затопить голоса протеста. Миллионы и миллионы пудов чугуна, стали, меди — катились на колесах, летели на крыльях, плыли по воде, чтобы задуть Союз Советских Республик.

— Ни одного пленного!

— Перепахать заново Восток!

— Сравнять с землей Кремль!

— Каждый гуманный поступок по отношению к коммунисту — измена!

Вот лозунги, выброшенные черными полчищами в этот день.

Предполагалось пустить автоматы-истребители, которые движутся и истребляют, пущенные в ход, в течение суток.

Кто-то писал статьи о необходимости заразить всю Азию чумой. Советовали выжигать города, бросая горючие вещества из аэротанков. Аристократки растлевали войска, устраивая вакханалии, крича:

— Мы отдаемся каждому, кто идет драться с ненавистными советами.

Гнилая волна изжившей себя культуры катилась на крепкие форты С. С. С. Р. И поэтому общее смятение охватило жителей Союза Республик, когда пронесся слух, что красную армию разоружают, что войска пойдут на фронт без оружия, с обозами и вереницей поездных платформ.

Старик Пеллеров в черной кожаной куртке, в шлеме и маске, болтавшейся на груди, походил на какого-то выходца с другой планеты. Около него ни на шаг не отстают

телохранители Титов, Варя и несколько рабочих-дружинников.

Заводы прекратили свой грохот. Словно затихли, чтобы слушать слово своего вдохновителя — Пеллерова. Не верещат лебедки, не дымят сердитые трубы. Смолкло пение стали и ход затих станков. Толпы рабочих провожают летчиков. Маленький отряд аэротанков должен встретить буйный поток врагов.

Все настроены торжественно, празднично. Только Юлия лежит в постели, в жару. Около нее сидит старая Максимовна, бормочет старые слова. Юлия не знает, ни какое число сегодня, ни какой день. Юлии доктора запретили волноваться, думать. Юлия не знает, что сегодня — ребро, перелом, что с сегодняшнего дня начинается новое, чего вовсе не понять старой Максимовне. Юлия шепчет:

— Максимовна! Скажи — жив он, Курковский? Скажи только слово: жив? Нет? Впрочем, все равно, мое дело конченное, противно жить. Могла я увидеть другую, яркую явь — но не хватило храбрости перешагнуть через труп отца — приемного отца. А теперь мое дело конченное. Правда, Максимовна?

Плачет старуха, заливаясь. Двери притворяет плотно, чтобы не услышала Юлия шуму и говору.

Пеллеров говорит речь. Какой он оратор? Говорить он не мастер. Слова у него не ложатся рядом, громоздятся одно на другое. Но это только вначале. Только дайте ему раскататься, дайте ему разгорячиться, старик еще покажет себя.

Ну и толпа собралась на плаце!

Вардин у радиотелефона — принимает сообщения о движении вражеских войск.

Как только прибудут эскадрильи черных пилотов к линии границ — Пеллеров должен сняться с места.

— Товарищи! — говорит седоволосый изобретатель. — Рабочий выдумал эту штучку, рабочий сделал ее, отлил, рабочий же добыл из земли нужные материалы. Штучка эта — аэротанка системы «Це», но не в ней дело. До вчерашнего дня мои дочери даже не знали ничего ровнехонь-

ко, чего дочери — мало знал об этом реввоенсовет. Знано во всем Союзе об этом шесть-семь человек. Это — синий камень. Сегодня я о нем могу говорить, как будто это полено. Теперь не страшно. Теперь враг ничего изменить не может. Наша Армия разоружается, переформируется в рабочие дружины. Потому что, товарищи, работы предстоит много.

Пятьдесят лет, а то и сто, пожалуй, человечество портит сталь, уголь, силы, деньги на устройство машин истребления. Эпоха капитализма — это эпоха пушкарей и отравителей. Все подлости, какие могла придумать человеческая фантазия, пущены капитализмом в ход. Теперь мы по-решили: конец. И я вам расскажу простую систему моей выдумки. Синий камень, это состав, случайно полученный при взрыве. Враги хотели уничтожить одно отделение завода. И они принесли себе смерть. В пожарище я и мои ученики искали остатки ценных веществ, хранившихся в погибшем здании. Нашли сплав. Исследовали. И вот случилась эта история: исследователи — мои ученики — погрузились в сон, в летаргический сон. Оказалось, при особой реакции сплав этот излучает синий свет, усыпляющий в короткое время все живое, попавшее под его лучи. Правда, несложно? Так вот и весь секрет, Я сейчас полечу, надену маску, чтобы не попали лучи ко мне. Ну, и тово...

Пеллеров сделал широкий жест.

— И тово!

Гремят оркестры, двигаясь к фронту впереди рабочих дружин. Седьмое ноября 1948 года — памятный день — великий субботник, великая уборка земли! Тысячи и сотни тысяч и миллионы людей ворошили по всей земле. Радио расшвыривало по земле путаницу вестей, приказов, обличений. Плакаты и воззвания к населению, пахнувшие типографской краской, разъясняли причину разоружения красной армии. Местами пытались создать панику. Но те же плакаты и воззвания, пахнувшие свежей типографской краской, сообщили, что части, охраняющие города, милиция и территориальные войска разоружены не будут. Население призывалось к спокойствию. В каждом городе, по-

селке, селе говорилось о синем камне, когда воздушный отряд снялся с плаца и со скоростью 500 верст в час полетел на запад.

Перед отлетом Пеллеров зашел к Юлии. Поцеловал ее, тихо сказал:

— Спасибо, брат. Ты поступила так, как должно было. Я сегодня должен быть на работе. Скоро вернусь. Прощай.

Недолго летел отряд Прокопа Пеллерова над землями СССР. Но много дум передумал за это время Пеллеров, левтевший во главе отряда.

— Ровно тридцать лет. И как изменилось лицо этих равнин, пригорков, этих городов, речушек, пустырей. Пеллеров видел все от начала до конца. Мальчишкой двадцатидвухлетним он вступил в ряды красной армии. Голыми руками дрались с наемным врагом. И победили. Помнит Пеллеров новые фронты: борьбу за промышленность, за урожаи, борьбу с неграмотностью, борьбу с тьмой, борьбу с природой суровой, завоевание чернозема, руды железной, возвращение машин, раскрепощение мужицких рук, осуществление электрофикации. Помнит Пеллеров, как проводилась первая воздушная дорога, первый радиотелефон, как был выпущен первый номер радиогазеты, имевшей десятиmillionный тираж.

Шаг за шагом догоняла в культурных достижениях Запад раскрепощенная толпа республик. Рос на глазах у испуганно ерзавшего Запада мужик, обгонял революционный город западные разлагавшиеся города. Ширились библиотеки, росли заводы, степь и тайга крепились бетонными стенами, трактор полосовал суглинистую рощицу, электроплуг взрывал чернобурую новь. Трудная, бесконечно-трудная работа: вспахать человеческий нетронутый мозг, пройти глубокими бороздами, взволновать, разбудить, взрастить.

Но сделано, сделано, а Запад гнилозубый икает, не переваривая катаральным желудком жизнь.

Пеллеров думал о том, что это не он, Пеллеров, а жизнь дала этот синий камень, чтобы одним ударом этого камня добить рахитичного гнилокостного живого мертвеца.

Летел отряд с быстротой 500 верст в час. Мелькали внизу ситцевые пятна пашен. Пеллеров дышал глубоко и радостно, глотал вольного ветра и прибавлял ход.

Пятьсот пятьдесят верст — предельная скорость. Свистит воздух. Вытянулся в линию отряд. Команда по боевой линии — по радиотелефону:

— Приготовить прожекторы.

Вдали показалась черная стая — как галочий лет — эскадрилья неприятеля, сынков банкиров и лордов, не доверивших руля никому.

Внизу муравьиная стройность: дивизионы танков. Лавина. Вал. Пеллеров подумал:

— Сколько костей истлело там, внизу, — участников боен и битв! Знали бы они, как просто, словно слепых котят, переловят революционные отряды стаю ползающих танков!

Аэродредноуты противника бросили первые баллоны вниз. Увы — некого истреблять жадным истребителем. Красные войска отошли в тыл. Торжествуют отряды армии Желтого Золота:

— Струсили! Попрятались!

И радио хлещется, щекочет тыл первыми вестями с фронта:

— Струсили! Попрятались! Наступаем!

Близко эскадрилья противника. Искрой пролетела команда Пеллерова и заострили копы голубые лучи прожекторов. Синий камень разбросал синий сон. Щупают голубые лучи каждый аэродредноут, каждого летчика и убийцу. Цепляются голубые лучи за каждое крыло и играют на каждом пропеллере. Страшная минута: мимо пеллеровского отряда промчались безмолвные, безглазые крылатые чудовища, словно ослепленная саранча. Усыпили голубые лучи летчиков, пилотов, — сынков банкиров и королей. Спящие пилоты мчатся на неуправляемых аэродредноутах. Куда-то умчит их ослепленный яростный зверь?

Отряд Пеллерова снизился. Снова заострились голубые копы. Воткнулись в передовые отряды истребителей. Кольнули черные колонны негров. Прорезали путь во чрево тан-

ков, заглянули в тыл, в штабы, пронизали голубым острием мозг армии — главштаб.

Жирный тыл ждет вестей, но молчит радио. Миллионная армия спит. Отряд Пеллерова — маленький отрядик в пятьсот аэротанков рассыпался и разит голубыми копиями врага.

Радио шлет рабочим дружинам извещение, радиогазета рассказывает об уснувших полках.

Снизился отряд Пеллерова на сухие равнины. Обиженно сжала сухие губы земля: разве не будет пролито сегодня теплого вина? Разве сегодня не ляжет удобрением человечесь мяско?

Рабочие дружины в поездах, в автомобилях, в дирижаблях прибывают на фронт. С песнями выстраиваются в колонны, идут среди спящих войск, собирают миллионы пудов железа, стали, меди. Нагруженные возвращаются в тыл поезда, автомобили, дирижабли. Будет работы заводам, плавильням, мастерским. Пятьдесят, а не то и все сто лет человечество портило металл на ненужные вещи. Сколько дул и клинков, сколько жерл рухнет в горло доменной печи.

Работают дружины красной армии долго, сосредоточенно, до поту. И страшно им бродить среди заснувших солдат. Кто заснул на коне, и конь спит, замахнув ногу. Кто крепко спит в танке, а танка все еще ползет, расходуя последние силы. Пехота легла ворохом серого тряпья. Штыки так и не пригодились воякам. Киносъемщики носят на бешеных автомобилях. Пленок не хватает. Художники зарисовывают группы спящих вояк, ползающие без дороги танки. Санитарные отряды прибыли во вторую очередь. Только им побольше работы, чем бывало с мертвецами. Рассортировывать сонных людей, заправилам, начальникам, штабным верховодам сделать прививки кротости по системе доктора Шторбе, чтобы раз навсегда излечить от золотой болезни.

В одном из штабов натолкнулся Титов на спящего лысого секретаря «Союза Золота». Собственными руками впрыснул ему двойную дозу «сыворотки кротости».

В это время прозвучала команда, умноженная усилителями: Пеллеровский отряд двинулся на вторую линию фронта довести свое дело до конца.

Странная это была ночь — ночь с 7-го на 8-е ноября 1948 года. Горели костры. Шарили в тучах сторожевые прожекторы: опасенья были, что ошалевшие банкиры еще создадут какой-нибудь отряд.

Где-то играл оркестр. Где-то пели. Наступавшие солдаты все еще спали: действие голубых лучей не менее суток. Другим-победителям не спалось. Это не помешало утром с новой силой приняться за работу.

Просыпавшихся от голубого сна встречали дружными приветствиями, поздравлениями, рассказами о «голубом камне». Один негр бросился было тузить налево и направо черными крутыми кулаками.

Кое-как втолковвали ему, что он свободен и может вернуться в свои солнечные края.

Немного омрачено было общее ликование налетом сумасшедших купцов. Впрочем, их заметили еще издали, аэротанк Пеллерова их живо угомонил. Работы было много. Всю эту громаду чугуна и стали нужно было собрать, погрузить и перевести. Работники требовали много пищи. Ну и аппетит развился у грузчиков чугуна!

Пеллеров получил радиотелеграмму: Юлия умерла в бреду.

Пеллеров нахмурился, прошептал:

— Девчонке не подходила эта жизнь. Гнилое сердце дали ей родители, бедняжке!

Варя Пеллерова взяла под команду женский отряд: они перевозили на тачках, в вагонетках, на особых грузовичках винтовки, пулеметные ленты.

На третий день стали приезжать делегации от рабочих капиталистических стран.

Радио сообщило о самоубийстве двухсот шестидесяти банкиров и богачей.

Сергей Григорьев

ГИБЕЛЬ БРИТАНИИ

Научно-фантастический рассказ

Рисунки С. Лодыгина

В рассказе «Московские Факиры», напечатанном в № 1 «Всемирного следопыта», изложено начало приключений Бэрда Ли в Новой Стране. Американский репортер, увлеченный приятелем в Москву, видит там на выставке биотехники и нового сельского хозяйства чудеса. В павильоне «Чинграу» Бэрда Ли поражает необыкновенно быстрый рост растений, напоминающий известные фокусы индийских факиров. Чтобы убедиться в действительности того, что он видит, Бэрд Ли срывает с глаз предохранительные очки и, ослепленный биосветом, мгновенно теряет зрение. Женщина-агроном из Новой Страны, по имени Янти Мар, спасает Бэрда Ли, закрыв его глаза своими руками. Она везет его в клинику Новой Страны на берегу Гиркана (Каспийского моря). Здесь врач клиники профессор Гафтер, заключив Бэрда Ли в камеру абсолютного мрака, возвращает ему зрение. Американский репортер знакомится с чудесами Новой Страны под руководством Янти. В это время Британская Гильдия Ткачей поднимает в Манчестере красный флаг, сигнал социальной революции. Торговые корпорации, чтобы сломить революционную решимость ткачей, останавливают подвоз хлопка в Ливерпуль. Новая Страна становится на сторону Британской Гильдии Ткачей, посылая хлопок в Англию. Завязывается решительная борьба между рабочими Великобритании и земледельцами колоний, с одной стороны, и лордами крупной промышленности и торговыми корпорациями — с другой. Во «Дворце Земли» Новой Страны депутат британского парламента, вождь бенгальских земледельцев, Никиль Сагор, слышимый и видимый по стерео-

радио во всем свете, возвещает труженикам земли освобождение от каинова труда.

Рассказ «Новая Страна», напечатанный в № 2 «Всемирного Следопыта», является продолжением рассказа «Московские факиры». Американский репортер Бэрд Ли продолжает свое знакомство с чудесами Новой Страны. В сопровождении вождя бенгальских земледельцев Никиля Сагора он изучает устройство подземного лабиринта «Дворца Земли». В Новой Стране объявляется война с тенью гор, и Бэрд Ли вступает в ряды биотехнической армии. Он посещает промышленную область вместе с Янти, которая выбирает там электро-пауков и посылает их на место военных действий. Армия Новой Страны идет в атаку на пик Мус-Даг-Ата, и во время работ по спуску вод обвала прорвавшийся поток подхватывает Янти и Бэрда Ли, который пытается спасти ее.

I. Смелая операция

Когда к Бэрд Ли вернулось сознание, он увидел, что над ним склонилось чье-то незнакомое лицо.

— Прекрасно, — сказал незнакомец, — вот и он открыл глаза. Я был уверен, что мы вернем его к жизни...

— Где Янти? — спросил Бэрд Ли, пытаясь подняться.

— Не беспокойтесь о ней. Хотя она пострадала не менее вас, но и ее жизнь сейчас в безопасности. Ее уже умчали на санитарном аэроплане в центральную клинику Чинграу и, вероятно, сейчас наложили повязку на голову. Она вам обязана жизнью, но вы ее едва не погубили вторично. Вы так крепко держали ее в своих объятиях, что нам стоило больших усилий освободить ее из ваших окоченевших рук... Мы боялись, что жизнь ее угаснет. Сейчас мы поднимем и вас.

— Что Мус-Даг-Ата?

— Горы более не существует...

— А прорыв плотины?

— Сейчас с высоты вы увидите все своими глазами.

— Кто вы? Врач?

— Да, я сейчас врач. Мое имя Никон Стар. Я солдат, как и вы. Моя профессия биотехника.

Никон Стар отошел распорядиться, и от шагов его то, на чем лежал Бэрд Ли, заколыхалось, как пружинный диван, когда по нему переступают ногами.

Когда Бэрда Ли уложили в койку на аэроплане и самолет взлетел, Бэрд Ли увидел внизу совершенно измененную картину. Дороги самокатов, разделявшие страну на шестиугольные полигоны, исчезли. Под самолетом расстилалась, от предгорий и насколько хватал взор, коричневая с золотым оттенком равнина. На ней там и тут виднелись люди и летательные снаряды. На невысоких мачтах развевались кое-где большие сигнальные флаги. Бэрд Ли взглянул в сторону снежных гор и увидел, что в их хребте, там, где была самая высокая и грозная вершина, зияет провал.

Репортер испытал мимолетное чувство грусти. Было похоже на то, будто ему улыбнулась привычною улыбкою привета красавица, и в ряду ее жемчужных зубов он увидел щербину: выпал или сломался передний зуб, — это знак дряхлости. И пленительная, грозная вчера, улыбка гор вышла сегодня жалкой: в хищной пасти гор не хватало главного клыка — Мус-Даг-Ата...

Бэрд Ли спросил Никона Стар:

— Чем покрыта земля и сколько времени я был без чувств?

— Вас подняли на ковер ксантофлора восемь часов назад... Как раз вовремя, потому что вы и Янги лежали на стенке наклонной плоскости, а ксантофлор уж оплетал ее с боков, еще несколько минут, — и мы бы не могли вас спасти...

— Ксантофлор!.. Что это такое?..

— Это одна из наших культурных водорослей. Мы сегодня ее впервые применили для удержания воды из-за прорванной плотины... Только это и спасло страну от наводнения.

— Понимаю. Я видел, что пылесей выбрасывают тучи зеленой пыли над самым потоком, хлынувшим из-под плотины... Это были семена ксантофлора?..

— Не семена, а споры. Ксантофлор — бесцветковое растение, и только потому оно так быстро размножается и растет, впитывая воду, подобно губке. Теперь вся степь предгорий покрыта его слоем толщиной в несколько метров, — почти три четверти воды из горного провала задержано ксантофлором...

— Что же вы сделаете с этой губкой, вы ее будете выжимать?

— О, нет. Уподобление не совсем точно. Ксантофлор поглощает воду для постройки своих ветвей. Когда он начнет высыхать (в нем более 90% воды), его ветви и нити обратятся в пыль, и она покроет землю слоем едва в десять сантиметров толщиной...

— Значит, я лежал на ковре из ксантофлора?

— Не правда ли, он очень пушист и упруг?

— Да. Какие новости из Европы и Америки?

— Не могу вас порадовать. К сожалению...

— Англия объявила вам войну?.. Наконец...

— Пока нет. Но произошли события более важные. Произведенный нами обвал на Памирах — крыше мира — потряс самые отдаленные столпы вселенной.

— Надеюсь, это только фигуральное выражение: вы, сударь, говорите, я полагаю, что казавшееся невероятным исполнение вашего проекта потрясло весь мир...

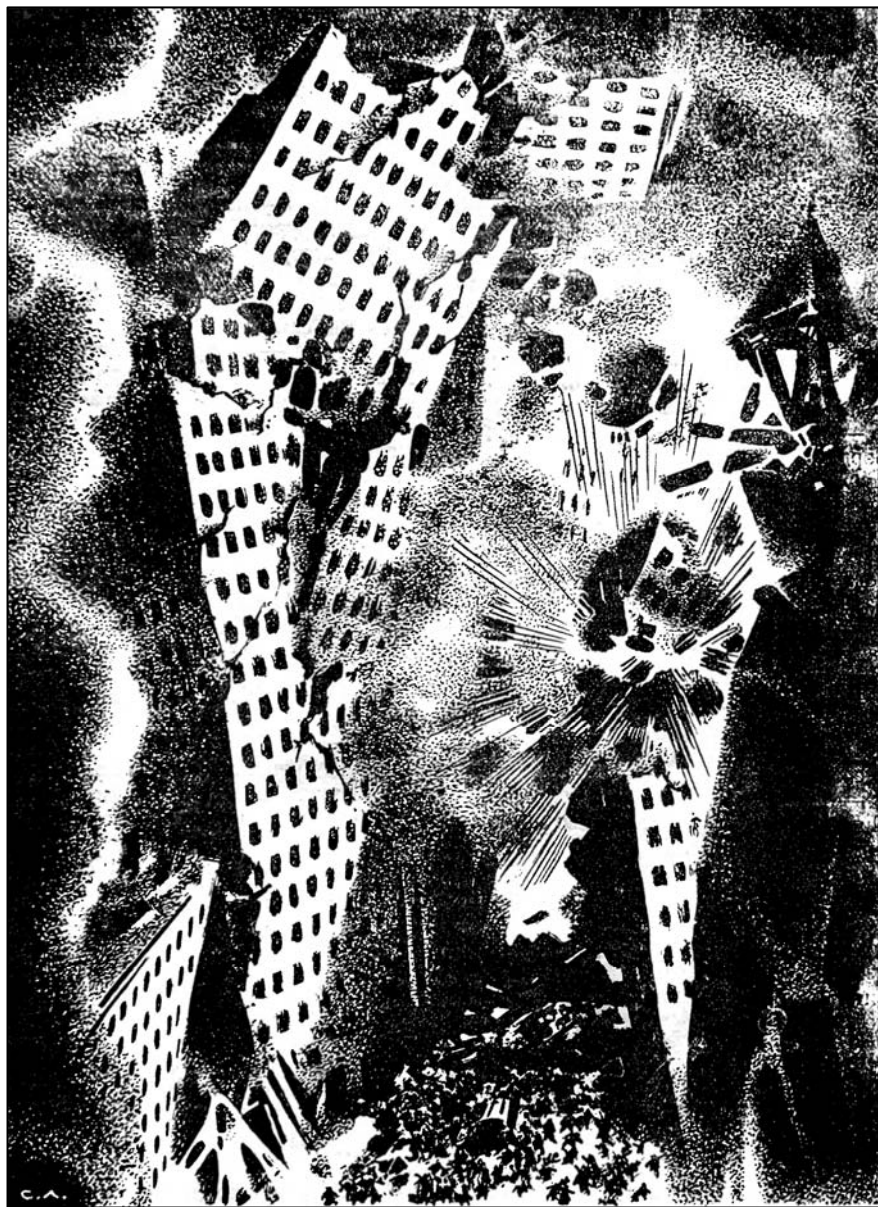
— О, нет, я, как и все мы, строгий реалист и материалист и говорю не о моральном, даже не о социально-политическом, а о чисто физическом сотрясении, какое испытал от обвала одной из величайших горных вершин Старый Мир.

— Произошло землетрясение?..

— Да.

— В Европе?

— И в Америке и в Японии. Обрушился купол святого Петра в Риме. Разрушено Вестминстерское аббатство. Нотр-Дам в Париже — груда кирпича. Небоскребы Нью-Йорка — горы мусора в дыму и пламени...

Бэрд Ли вскрикнул и хотел подняться с койки. Никон Стар удержал его, положив руку ему на грудь.

— Не забывайте, что мы летим на санитарном аэроплане, а он не очень устойчив в полете, — сказал биотехник.

— Да, сто миллиардов вам в рот чертей и пять ведьм на закуску. И небоскреб «Юнайтед Пресс», он погиб тоже?..

— Вероятно.

Бэрд Ли застонал:

— О-о! Восемь долларов за слово! Двадцать долларов за слово!..

— Да, — ответил Никон Стар, — гонорар ваш пропал. Телеграммы говорят, что в доме газетного треста в Нью-Йорке погибло около трех тысяч журналистов. Простите меня, я жалею, что погибли люди, но я не очень опечален гибелью ваших братьев по перу...

— Вы варвары! — воскликнул горячо Бэрд Ли, хватаясь за свою разбитую голову, — цивилизация гибнет! Нотр-Дам. Вестминстер. Создание Микель Анджело — купол святого Петра...

Никон Стар поправил на носилках голову обессилевшего от волнения американца и ответил спокойно:

— Да. Гибнет. Рушится все, что бросает тень, что заслоняет от человечества солнечный свет.

Несколько успокоясь, Бэрд Ли спросил с притворным сочувствием:

— Вероятно, от землетрясения есть несчастья и здесь...

— Да, кое-какие, — небрежно ответил Никон Стар, — они исправляются и завтра будут готовы. Ведь мы не строили горделивых башен и рекордных перекрытий, рассчитанных на предельные нагрузки. Мы зальем трещины цементом или утрамбуем их глиной, — вот и все. Людей погибло немного, — вода успела залить лишь несколько луговых полигонов.

Он обратился к летчику и приказал ему спуститься.

— Вы встретите в клинике вашего старого знакомого, доктора Гафтера. Он вас быстро поставит на ноги.

Санитарный аэроплан мягко присел на лужайке в парке клинического городка. Никон Стар сдал американца на попечение профессора Гафтера.

— Ага, мой молодой друг! Вам везет в нашей стране, — весело приветствовал Бэрда Ли профессор клиники Чинграу, — вам везет, я говорю. Не прошло и месяца, а вам представляется второй случай, — и во второй раз, я надеюсь, вы столь же блистательно убедитесь... Спокойствие, спокойствие... Это экран, — я хочу просветить вашу голову... Ха-ха, — просветить, то есть я ее просвечиваю, а не просвещаю. Вы понимаете. Ого. Перелом основания черепа. Гм. Надеюсь, что вы убедитесь в успехах нашей медицины. Нашей хирургии, я хотел сказать...

Профессор не столько говорил, сколько делал, осматривая Бэрда Ли, просвечивая его голову.

— Вы сами можете видеть на экране свой череп, — говорил он американцу. — У вас крепкий череп... Впрочем, у всех американцев, насколько я знаю, крепкие и толстые черепа. К счастью или к сожалению, не знаю. От такого удара любая голова разлетелась бы вдребезги, — у вас же не помято даже темечко, и только вот эта трещина в основании черепа... Гм. Я не теряю надежды, что вы еще раз убедитесь в величии нашей хирургии... Он теряет сознание. Прекрасно. Положите его на операционный стол. Вспрысните в шею анестезирующий препарат. Нет, не то, вспысните раствор «либерана № 707». Так. Теперь мы снимаем черепную крышку.... О, какой мозг!

Вот так... Теперь закройте крышкой голову. Прекрасно. Все швы сошлись. Перевязку. Воды. Воды, говорю вам. Дайте ему вздохнуть кислородом... Что? Пульс? Прекрасно. Он приходит в сознание. Перенесите его на постель. Пульс. Так. Он открыл глаза... Друг мой, вам придется до вечера сохранить полный покой... А вечером...

— Можно мне видеть Янти?..

— О, да. Вечером. Вечером вы ее увидите в Дворце Земли. Там сегодня будут показывать на трехмерном фотофоно-экране прелюбопытные вещицы. В вашей Америке все вверх дном.

— В моей Америке. Почему же она моя? — Бэрд Ли, лежа на койке, пожал плечами.

— О, разумеется, — воскликнул профессор Гафтер, — она столько же моя теперь, как и ваша. То есть — ничья.

Мир, сударь, потрясен нами в самых основаниях своих... До приятного свидания. Развлекайтесь. Если угодно, включите радио: весь мир сейчас кричит о том, что рушатся, так сказать, основы мировой, ха-ха, культуры.

— Ну, — сердито проворчал Бэрд Ли, — мы эти штучки знаем, кричат о мировой культуре, а разумеют собственные несгораемые шкафы...

— Именно так. До приятного свидания.

Профессор Гафтер оставил Бэрда Ли на койке в саду. Над Бэрдом Ли шелестели шелковистые листья клена; сквозь них порой пробрызгивало золотом солнце. По веткам клена прыгал черный дрозд и задорно насвистывал веселую песню. Бэрду Ли стоило протянуть руку и дернуть за шнурок, чтобы тотчас разверзлась черная пасть подвешенного к стволу клена громкоговорителя. Но Бэрд Ли медлил. От пережитых потрясений он смертельно устал.

Бэрд Ли не знал, что сделал хирург клиники Чинграу с его головой, ибо это врачебная тайна, а поданное ему профессором Гафтером перед уходом питье наполняло все существо бывшего американца приятной истомой сладостного покоя. И черная пасть с затейливой маркой радиографического агентства — «Всему свету», готовая изринуть поток новостей, застыла, раскрыв рот, в изумлении от необъяснимого равнодушия: Бэрд Ли от нее отвернулся.

Бывший американец, лежа на койке, подставлял свое лицо поцелуям то прохладным — ласкового ветерка, то горячим — солнца. Черный дрозд скакал по веткам и свистал неумоимо.

II. За черною чертою

Самонадеянное и самодовольное мнение профессора Гафтера о могуществе хирургии и о крепости черепа Ли оправдалось, но не так скоро. К вечеру Бэрд Ли еще был очень слаб и не мог самостоятельно двигаться. О том, чтобы ему пойти вечером в Дворец Земли, нечего было думать. Дежурный врач утешил бывшего американца, если только это было утешением, что и Янти еще не оправилась от ушибов, полученных ею при разрушении плотины горного завала. Только на следующий вечер Янти явилась в отделение клиники, где лежал Бэрд Ли. Она пришла с Никоном Стар, и Бэрд Ли поймал себя на неприязненном к нему чувстве.

Голова Янти была в повязке, но девушке не изменило ее обычное веселье. Она со смехом вспомнила, что Ли ни за что не хотел расставаться с ней, даже умирая: на эту тему в XIX веке был бы написан чувствительный роман. Бэрду Ли оставалось принять эту насмешку за оригинальное выражение благодарности Янти за то, что он спас ей жизнь, на что она и не намекнула, — очевидно, здесь считается самым обыкновенным делом, если человек с риском погнубить спасает другого. Или, быть может, она думает, что обязана жизнью этому верзиле. Никон Стар тоже улыбался, вспоминая свой вчерашний разговор с Бэрдом Ли.

— Вы все еще исполнены скорби по поводу европейских и американских крушений... Могу вас порадовать: нью-йоркская биржа оправилась от потрясения, и акции вновь основанной сегодня утром компании «Эксплуатация Центральной и Северной Америки» в полдень котировались аль-пари, а к обеду — с премией в два доллара. Новое предприятие объявило, что оно будет работать вот именно теми методами, какими здесь работаем мы, то есть теми, что вызвали вчерашнее землетрясение. Это имеет успех: никто не сомневается, что землетрясение вызвано именно нами, а груды камня, дым и огонь с чисто американской

силой рекламируют силу наших методов. А между тем рабочие фабрик, разрушенных землетрясением, вышли на улицы с плакатами, требуя национализации всей промышленности и торговли. Образованы Советы Рабочих Депутатов, а в Вашингтоне даже Реввоенсовет... Словом, все идет, как по писаному...

Бэрд Ли слушал почти безучастно, решая совершенно неожиданно для него возникшую проблему, какие отношения существуют между Янти и Никоном Стар.

«Неужели я влюблен», с ознобом подумал Бэрд Ли, испытывая примерно такой же испуг, как если бы он почувствовал ясные симптомы тифа или чумы.

Когда они втроем спустились в прохладный вестибюль Дворца Земли, бывший американец улучил минутку и спросил Янти:

— Неужели вам нравится этот верзила?

— О ком вы говорите?

— О нем, — Бэрд Ли указал глазами на Никона Стар.

Янти взглянула вслед Никону и сказала:

— В самом деле, у него стройная фигура...

— И, кроме того, гм, он вырвал вас, так сказать, из объятий смерти...

— Да, ваши руки были похожи на руки мертвого. Однако, он отказался лететь на аэроплане, сопровождая в клинику меня, а остался с вами.

— Почему же?

— Потому что ему было интереснее призвать к жизни вас. А что выживу я, это он видел...

Бэрд Ли почувствовал, что ревность его напрасна: эти люди были очень мало заняты собой, всецело поглощенные борьбой за других... Бывший американец задумался и умолк. Он молча следовал за Янти и Никоном Стар и сел на ступень в стандартном зале рядом с ним, а не с Янти, предоставив сидеть им рядом...

Никон Стар повернулся к Бэрду Ли; на его лице была все та же добродушная усмешка. Он сказал:

— Я надеюсь, что ваш темперамент человека Далекого Заката вам сегодня не изменит и вы попросите слова...

— Кому и что я мог бы здесь сказать?

— Здесь! — воскликнул Никон Стар, — я забыл вам сообщить, что наша страна сегодня вызвана для объяснений гильдиями Великобритании, — пожалуй, даже не для объяснений, — они нас хотят судить. Стандартные залы Австралии, Канады, Англии, Капленда, Египта, Индии — полны сейчас рабочими разрушенных землетрясениями гильдейских фабрик.

Никон Стар усмехнулся и прибавил:

— Гордое здание Лондонского Гильд-Голла тоже разрушено землетрясением, и совету британских гильдий пришлось в первый раз собраться в стандарт-голле Лондона...

— Вы приняли вызов?

— Да. Почему бы нет.

— Но, если это суд, он может вынести решение, которому вы откажетесь подчиниться...

— Всего вероятнее.

— Они захотят принудить вас выполнить их решение.

— И что же?

— Армия и воздушно-морской флот Великобритании поставлены уже в боевую готовность. И тогда — суд пустая формальность, ибо война уже началась...

Бэрд Ли сам удивился спокойствию, с каким сам произнес эти слова.

Никон Стар вернулся к тому, с чего начал:

— Вы могли бы выступить свидетелем в этом суде. Наша армия тоже мобилизована, как вы знаете, потому что я вижу значок и на вашем плече. Никто еще из европейцев не видал нашей армии в работе, кроме вас. Вы можете явиться свидетелем того, что вы видели, если уже обрушенные колокольни их храмов недостаточно красноречивы...

— О, я уверен, что они хотят нас стереть с лица земли...

— Нас. Вы сказали «нас»?

— Да.

Никон Стар протянул Бэрду Ли руку, чтобы «обменяться с ним рукопожатием», — обычай, который долее всего хранился в Америке. Бэрду Ли этот знак приязни теперь по-

казался забавным, но он, однако, взял протянутую ему руку и потискал ее своею правою рукой.

Между тем, сигнал известил, что собрание начинается, За черною чертою, разделявшей стандартный зал Дворца Земли пополам, молниеносно открылось делегатское собрание британских гильдий в Лондоне. На ступенях не было ни одного свободного места. Лица англичан были сумрачны. На трибуне за черною чертой появился Лонг Ро — директор гильдии манчестерских ткачей.

Бэрд Ли не мог удержать восклицания, увидев приятеля на лондонской трибуне. Лонг Ро тоже увидел его и слегка наклонил голову. Движение в зале улеглось, — англичане с угрюмым любопытством смотрели через черту зала на обитателей Новой Страны, бросившей, как думали теперь многие, вызов всему миру. Речь Лонга Ро была короткой:

— Товарищи. Всем вам известно, что на землю обрушилась катастрофа, возвращающая нас к древнейшим временам нашей старушки-земли. Она помолодела. В ней пробудился прежний пыл.

Катастрофу связывают с работами, произведенными в Новой Стране, и сами руководители последней склонны думать, что это так. Возможно, что это бред безумия, но в одном они правы, в том, что мир людей должен быть объединен, иначе затеи в какой-либо одной стране грозят непоправимыми бедами в другой. Мир, повторяю я, должен быть объединен в его технической культуре.

Уже было один раз, когда мы, почитая себя революционерами, сделали роковой шаг назад. Вы знаете, что это было в тот момент, когда мы овладели всем производством наших островов и нам оставалось совершить вслед за политической революцией и техническую... Что произошло?

Несколько миллионов людей должны были перейти к новым формам труда. Победив, рабочие нашей страны оказались перед дилеммой: или путем кратких, но чудовищных страданий перейти революционным порядком к новой организации труда и техники или вернуться к прежним своим станкам. Голод и усталость принудили нас ко второму решению. А это в области социально-политичес-

ких отношений повело нас к основанию столь уродливых образований, как наши гильдии.

Теперь катастрофа другого порядка снова ставит перед нами тот же самый вопрос. Техническая революция произошла, миновав нас, в Новой Стране, — и вот содрогнулся весь мир. Большинство наших фабрик лежит в развалинах. Гильдия ткачей, готовая еще вчера видеть в Новой Стране своего союзника, от которого она получила сырье, теперь колеблется, смущенная новыми предложениями не возобновлять производства, а перенести его в колонии. А разве в колониях не произошло землетрясение?

Если мы хотим настаивать на прежней технике, включая в это слово и «антропотехнику», то есть управление людьми и социально-политическим строем, то мы тем самым становимся во враждебное отношение к Новой Стране. Помните, что они не только потрясают мир, но они, владея революционными техническими способами, могут вступить с нами и в соревнование.

Наши ткацкие станки и в конце двадцатого века остаются в основе своей похожи на станок первобытного дикаря. В Новой Стране смеются над нами: там совершенно покинут наш дикарский нелепый ткацкий станок, и построены рациональные машины для производства тканей, подобных удивительно прочным покрывалам так называемых «низших животных», — назову хотя бы чешуйчатые ткани, прочность которых основана на геометрических свойствах их рисунка. А мы все еще гордимся Жакардовым станком.

Товарищи. Многие наши фабрики разрушены землетрясением. Восстанавливать их, значит — воевать с Новой Страной. Если нет, то это означает взять от нее ее революционную технику, в том числе и технику общества, и произвести таким образом социальный переворот в нашей стране. Для меня он является неизбежным, — разница в сроках и в напрасных страданиях, если мы захотим еще раз с упрямством муравьев восстановить свой муравейник...

Лонга Ро проводили с эстрады угрюмым молчанием. На смену ему вышел на трибуну гильдий Керим-Оглы, сторон-

ник нео-империалистов и переноса фабрик Англии в колонии. Его первое слово было:

— Война...

И оно было покрыто криками и воплями:

— Война Новой Стране!..

Слова сухого и горячего араба были похожи на выстрелы из малокалиберной винтовки. Он призывал к священной войне против варваров Востока... Хотя морские и воздушные базы Великобритании и других держав во многих местах и пострадали, но соединенные морские и воздушные силы великих держав еще достаточно велики, чтобы привести в повиновение бунтарей Турана.

Бэрд Ли вскочил со ступени и закричал в сторону второй половины зала:

— Безумные! Вы не понимаете...

Крик бывшего американца замер на полуслове: он вдруг увидел, что, словно сдунутая ветром дымная завеса, все, что было видно и слышно из-за черной черты зала, мгновенно пропало...

Бэрд Ли растерянно оглянулся и сел. Янти рассмеялась. Никон Стар с добро душевной усмешкой утешил Бэрда Ли:

— Ничего. Это просто нас «лишили слова». Вы забыли, что мы в собрании гильдий и на положении «публики». Вы должны были испросить сначала разрешение президиума гильдии и, конечно, вам разрешат. Не волнуйтесь, нас сейчас включат опять.

Несколько минут жители Новой Страны хранили важное безмолвие, а Бэрд Ли «собирал себя», подобно жокею, собирающему лошадь перед решительным гитом дэрби, потом опять включили фотофоно-экран, и перед Бэрдом Ли встало снова видение взволнованного моря человеческих лиц в собрании британских гильдий. На трибуне был снова Лонг Ро. Он сказал:

— Вы слышали крик из публики. Если вы еще не обезумели совсем, то послушайте этого человека. Это Бэрд Ли — американец. Он с истинно англо-саксонскою отвагою пустился, рискуя жизнью, в исследование Новой Страны, где ему все открыто. Выслушайте его. Правительство Новой Стра-

ны просит об этом, потому что оно считает войну с вашей стороны предприятием бессмысленным, ибо располагает подавляющим превосходством техники, — таково его заявление. Вы не склонны верить ему самому, так послушайте американца, успевшего кое-что узнать о Новой Стране.

Среди иронических возгласов и насмешливых аплодисментов с английской стороны и невозмутимого безмолвия со стороны Дворца Земли Бэрду Ли было предоставлено слово, и он поднялся по внутренней лестнице на столпообразную эстраду Дворца Земли.

— Только помните о черной черте и о моей туфле, — напомнила Янти о невидимой преграде, разделяющей половины зала, — черта эта разделяет и круглую площадку трибуны пополам.

Бэрд Ли встал в полукруге по сю сторону площадки и обратился лицом туда, где с жуткой явью представало живое изображение того, что просходило за тысячи километров отсюда. Не верилось, что обе половины зала разделены невидимой и глухой стеной. Но Бэрд Ли не забыл слушая, о котором напомнила Янти, когда она, возмущенная речью Софуса Лоджа в английской палате общин, швырнула в него своей туфлей, — и туфля, ударясь о незримую преграду, упала у черной черты зала.

Бэрду Ли вспало в мысль воспользоваться этой стеной для ораторского эффекта. Он, внезапно для обеих половин зала, бросился вперед по площадке трибуны и сам был поражен, когда был отброшен назад невидимой преградой... Бэрд Ли упал. Обе половины зала были взволнованы его непонятным поступком.

С трудом поднявшись на ноги, бывший американец воскликнул:

— Вы хотите войны, так знайте, что все ваши вооружения ничто перед теми орудиями труда, какими располагает Новая Страна. Она отбросит вас назад с не менее неотразимой силой, чем разделяющая нас стена.

Я много здесь видел собственными глазами и ни за что не поверил бы, если б мне то, что я видел и знаю, кто-либо раньше рассказал. Я не знаю средств и способов защиты,

которые выдвинет против вас Новая Страна. Знаю одно, что слепая стихия, — а вы в своей животной ненависти являетесь именно слепой стихией, — бессильна против нашей техники. Лонг Ро прав, вы неудержимо стремитесь к гибели. Война вас погубит скорее, — так начинайте же войну...

Рядом с Бэрдом Ли внезапно на трибуне появился Никон Стар.

— Она уже началась, — прервал он речь Бэрда Ли: над Эмбенской сверхобластной централью кружат ваши аэропланы и разливают потоки ядовитых газов. Мы будем защищаться. Война!

Фотофоно-экран померк, и за черною чертой зала оказалась немая пустота.

III. Страничка из учебника истории

— Что же будет теперь? — воскликнул Бэрд Ли.

— Будет нечто такое, что, выражаясь языком ваших собратий по перу, «не поддается описанию».

В самом деле, события, которые последовали после начала Великобританией военных действий против Новой Страны, были грандиозны и имели неисчислимые последствия. Лучше всего мы сделаем, если возьмем ту страничку из учебника истории для школ второй ступени, где описываются эти события. Учебники имеют то преимущество перед многотомными историями и велеречивыми эпопеями, что говорят кратко, сильно и выразительно.

«Гибель Британии произошла оттого, что англо-саксы и в последней войне с Новой Страной оставались до конца верны своим историческим принципам, среди которых на первое место следует выдвинуть начало соревнования. Британцы не ожидали, что им придется сражаться с врагом,

вооруженным не оружием, а орудиями труда. Стратегия англичан, выработанная на основании опыта войн первой половины века, была рассчитана на внезапное и молниеносное поражение жизненных центров противника, — это называлось «стратегией узлов». Однако, оказалось, что для такого удара Новая Страна неуязвима.

Первое столкновение произошло на полигоне Эмбенской центральной станции. Эскадра Британии пролила над полигоном сернистый этил, газ, который получил тогда гордое название «царь ядов», и думали, что от него нет спасения, — этот газ при опытах на годы убивал всякую жизнь в почве.

Но над Эмбенской централью, — она подземная, как и все сооружения в Новой Стране, — земля оказалась залитой водой и засеянной ксантофлором, а в воде были примешаны большие количества глубинных морских водорослей, именно тех, которые живут и питаются водою, насыщенной сероводородом. Для этих водорослей всемертвящий «царь ядов» оказался самой приятной и питательной пищей. Они пышно разрослись, усваивая его нацело, ибо это был сернистый этил; ксантофлор погиб, но газы были обезврежены в несколько часов.

Когда же ядовозы вернулись на свою базу для того, чтобы запастись новым грузом яда, то оказалось, что аэродромы и склады заросли высокими и густыми рощами невиданной и гигантской травы, похожей на бамбук, посеянной аэропланами противника.

Босфор, Гибралтар, Суэзский канал, а равно и новый морской канал, соединяющий Черное море с Каспием (Гирканом), были противником также засеяны с аэропланов, которые именовались пылесеями, какой-то чрезвычайно быстро растущей водорослью, в которой путались и застревали винты дредноутов и крейсеров. Таким образом, был парализован и весь флот Великобритании.

Вообще, противник неотступно и планомерно держался одного тактического приема, — парализовать все силы противника, ничего не уничтожая и никого не убивая. В первый раз за всю историю человечества война, которую

вела величайшая мировая держава, превратилась в веселый фарс. Тогда правительство Великобритании решило нанести Новой Стране последний удар.

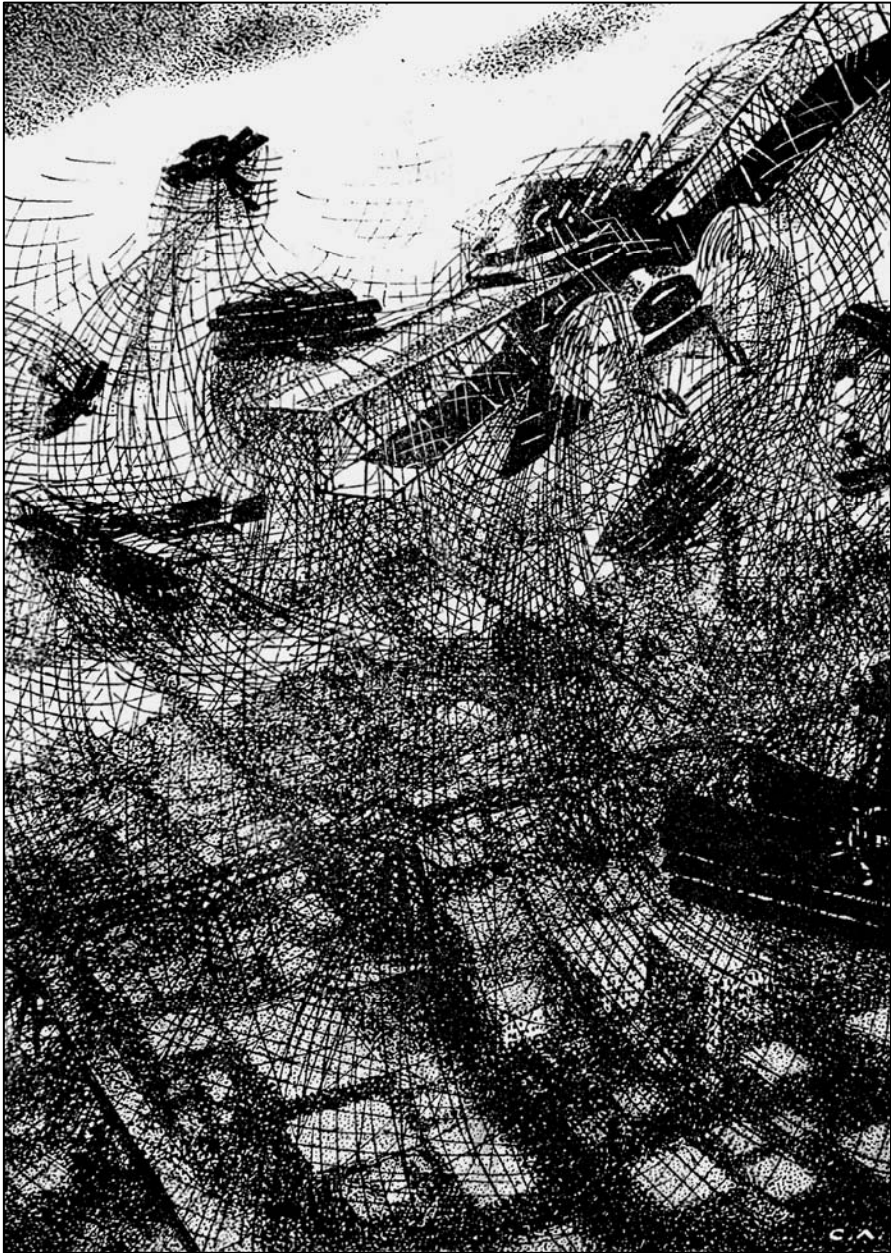
Предполагалось, что весь воздушный флот островов поднимется сразу с максимальным грузом взрывчатых веществ и в один час засыплет всю Новую Страну на протяжении от Эмбы до Памира бомбами колоссальной разрушительной силы. План этого «посева» не мог быть скрыт и был предотвращен армией Новой Страны совершенно неожиданным способом, изобретение которого в Америке связано с именем одного бывшего американца Бэрда Ли, который британской гильдией ткачей был командирован в Новую Страну военным шпионом*, но тоже перешел на враждебную сторону.

Бэрд Ли, как и следовало ожидать от манчестерского ренегата, изобрел «аэроткань». В то время, как британские самолеты снаряжались для дальнего полета, над островами Англии внезапно появились целой тучей в несколько десятков тысяч аппаратов аэропланы типа пылесеев. Они разделились на две группы: первая понеслась стройным рядом с юга на север и с севера на юг, выпуская после себя тонкую и легкую нить, — это была основа аэроткани; между тем, другая группа самолетов начала, подобно челнокам в ткацком станке, переплетать основу нитями утока...

Истребители, поднявшись для погони за врагом, наткнулись на падающую сверху сеть и запутались в ней. Сеть медленно опускалась и накрыла своими редкими петлями всю Великобританию от Оркнея до Фальмута и от Корка до Ярмута...

Вся страна и Ирландское море оказались под тонкой, но очень прочной паутиной из неведомого материала, напоминающего вискозу (искусственный шелк). Воздушно-морские эскадрильи Англии не могли выпутаться из паутины, остановившей и все автомобильное и железнодорожное движение... Лондон был беззащитным, и если бы

* Ошибка, которая не чужда учебникам, — мы же знаем, что Бэрд Ли никогда не был шпионом (*Здесь и далее прим. автора*).

военные вожди Новой Страны захотели применить к противнику те способы войны, какие практиковал он сам, то это было бы очень легко сделать.

Вместо этого пылесей носились вдоль английских берегов, в Ламанше и в Немецком море, разливая какую-то белую жидкость, похожую на известковое молоко. Через несколько дней было замечено, что воды морей, окружающих Англию, приобрели заметный молочный оттенок. Анализ, сделанный во многих лабораториях, показал одно и то же, что морская вода кишит какими-то корненожками, весьма похожими на тех, из скорлупок которых в меловую эпоху слагались земные пласты в десятки километров мощностью.

Море вокруг Великобритании быстро мутнело, окрасив морские течения далеко вокруг молочной рекой. Через десять дней, которые понадобились на то, чтобы распутать и разорвать над страной накинутаю на нее сеть, вода в прибрежных водах стала похожа на жидкую кашу, в которой с трудом пробивались моторные суда. А еще через десять дней воды Ламанша застыли, подобно гипсовой отливке, и из Шербурга в Портленд и из Дувра в Кале посуху на лыжах перебрались первые смельчаки. Англия превратилась в полуостров, а ее великолепные гавани и бухты продолжали обрастать мелями и рифами... из отложенных мельчайших раковин.

Продолжать борьбу при этих условиях было бессмысленно. Америка, которая созерцала в полной боевой готовности борьбу, предложила противникам свое посредничество. Англия согласилась первая вступить в переговоры о мире. Перемирие было заключено в Бендер Абассе, и в Дэли в стандартном зале открылись мирные переговоры, которые были, в сущности говоря, переговорами об унификации мирового хозяйства».

Так рассказывают учебники о величайшей победе, когда-либо одержанной в мире. Вместе с тем была одержана и другая победа, значение и смысл которой мы и не решаемся определять.

Бэрд Ли был на вершинах упоения. То, что он предложил применить к Великобритании, так сказать, смирительную рубашку для технического мира, было эпизодом мало значительным в общих очертаниях мировой борьбы, но Америка подняла вокруг этого события неслыханный и невиданный шум.

Еще не были разобраны развалины небоскребов, а уж подле них в сараях из волнистого железа выли ротационные машины, печатая портреты американца Бэрда Ли, величайшего изобретателя всех времен и народов, гениальнейшего из всех журналистов Нового Света (так еще продолжали именовать в патетические минуты американцы свою страну). Бэрду Ли платили за интервью по пятидесяти долларам за слово.

Образовался новый газетный трест, который предлагал Бэрду Ли десять миллионов долларов за его дневник во время пребывания в стране Чинграу...

У Бэрда Ли начались головокружения и странные боли в теменной части головы. Янти посоветовала Бэрду Ли обратиться снова в клинику Чинграу:

— Я боюсь, что это отголосок того дня, когда прорвалась плотина и вы не хотели меня освободить от своих объятий...

Она лукаво усмехнулась, у Бэрда Ли крепко застучало сердце.

Профессор Гафтер подверг череп Бэрда Ли подробному обследованию. Он просвечивал его, рассматривал с глубоким интересом посредством ультрамикроскопа*.

— Гм. Поразительно. Невероятно, — бормотал профессор, — мой друг, признаюсь, прошлый раз я воспользовался тем, что ваша черепная коробка раскрыта, и удалил, в виде опыта, одну из мозговых извилин. И, представьте себе, я сделал это недостаточно чисто, — мозг ваш регенерирует дефект. Осталось там всего несколько клеточек этой извилины, и, представьте себе, они разрослись... Нет, нет, это не

* Сверхмикроскоп, дающий очень большое увеличение, изобретен Павлом Флоренским в начале XX века.

соединительная ткань,— это именно то корковое вещество мозга, в котором заключено все... Мой друг, вы не чувствуете себя немножко, как бы это деликатнее выразиться... американцем, что ли?..

Бэрд Ли вспыхнул:

— Сударь! Что за странный вопрос, вы знаете, что я американец...

Профессор Гафтер грустно развел руками:

— Есть вещи, перед которыми бессильна и наша хирургия... Мне остается предложить вам полный покой. Располагайтесь в нашем саду, отдыхайте...

— Можно ли мне принимать гостей?

— С разбором, мой друг, с большим разбором. Принимайте гостей, но таких, к которым вы совершенно равнодушны. До свидания, сударь...

Бэрд Ли расположился на покойном кресле под развесистым кленом, по веткам которого прыгал и насвистывал веселую песню черный дрозд. К одной из веток дерева был прикреплен рупор громкоговорителя. Бэрд Ли закурил трубку, пыхнул дымом и включил антенну. Пасть громкоговорителя разверзлась потоком сообщения:

«Американец Бэрд Ли предложил известной компании “Сэнлайт”* вложить свои капиталы в организуемое им общество для торможения земного шара. Мысль Бэрда Ли гениальна по своей простоте: тормозя земной шар, мы превращаем его живую силу в тепло. Таким образом, повышается средняя годовая температура во всем мире; Гренландия и Сибирь превращаются в страны с субтропическим климатом. Тормозя землю, Бэрд Ли надеется, понизив скорость ее полета вокруг солнца, приблизить нашу планету к нему, увеличив тем самым количество получаемого тепла...»

Дрозд в ветках громко засвистал. Бэрд Ли нагнулся, поднял с дорожки камушек и швырнул в певца. Дрозд

* Фабрика мыла «Солнечный свет».

смолк, перепорхнул и улетел...

Бэрд Ли блаженно закрыл глаза, слушая хриплый крик из рупора... Он не услышал по дорожке легких шагов и очнулся только от прикосновения нежной руки к своей щеке: он раскрыл глаза, — перед ним стояла Янти.

— Вам разрешено принимать гостей?

— Да, да. Я очень рад. Разрешено тех, к кому я совершенно равнодушен... Янти, о, как я рад. Послушайте, что он поет... Как он поет...

— Не волнуйтесь так. И вспомни, что если называешь меня Янти, то говори мне «ты».

Бэрд Ли почувствовал, что настала решительная минута, и под рев громкоговорителя, который славил его имя по вселенной, сказал:

— Янти, будьте моей женой. Мы затормозим с вами земной шар.

Янти поморщилась и указала рукой на пасть радио:

— Прекратите, умоляю вас, этот рев...

Испуганный Бэрд Ли дернул за выключатель. Настала тишина, и в ней шелковый шелест листьев клена... А где-то вдали свистал дрозд...

— Вы это серьезно? — после тихого раздумья спросила Янти.

Бэрд Ли вскочил на ноги и стал уверять Янти в пламенности своих чувств. Он звал ее в Америку, ссылаясь на номер своего текущего счета в английском банке, показал ключ от своего сейфа, разрушенного землетрясением в Нью-Йорке, наконец воздел руки к громкоговорителю, как бы призывая и его в свидетели любви... Наконец, обессиленный и уверенный в ответе, Бэрд Ли театрально упал в покойное кресло и смолк.

Янти покачала головой и сказала:

— Я вижу, что серьезно.. Но ведь я одна из невест солнца...

Бэрд Ли взглянул на девушку изумленно и схватился за ту именно часть головы, над которой произвел операцию профессор Гафтер.

— Невеста солнца? Что это такое?

— Да, — спокойно объяснила Янти, — моим мужем будет тот, кто согласится со мной последовать туда...

Она указала рукой несомненно в небо.

Бэрд Ли потер темя ладонью и сказал:

— Но ведь я вам предлагаю ехать в Америку.

— А я вам предлагаю лететь туда...

— Но, позвольте, ваш жест очень неопределенный.

— О, нет. Я указываю рукой примерно то место, откуда нам, будь сейчас ночная тьма, светили бы плеяды. Вот в той именно части вселенной мы избрали планету для заселения... Она похожа на нашу землю по общим условиям, но, по-видимому, не населена людьми. Мы отправили уже туда в снарядах несколько пар. Я тоже избрана для такого замужества, если найдется человек, достойный невесты солнца...

У Бэрда Ли закружилась голова. Он быстро прикинул в уме два проекта: торможение земли на средства мыловаренной компании и путешествие на неведомую планету.

— Да, Янти. Если вы согласны считать, что это будет нашим свадебным путешествием, то я готов лететь с вами. Представьте, что вам там не понравится, ну, мы и прилетим обратно. Не так ли? И тогда в Нью-Йорк.

— Оттуда еще никто не возвращался, — покачала Янти своей упрямою головкой.

Бэрд Ли начал сумрачно: — Это, вероятно, потому... — но кончил весело, — что там очень хорошо. Я согласен, Янти!..

* * *

Свадьба Бэрда Ли и Янти была вскоре скромно отпразднована, и они в назначенный час мирно отлетели в иной мир, обозначенный в звездном каталоге под номером: 00345875-678097-A-75.

П. Н. Г.

СТАЛЬНОЙ ЗАМОК

Фантастический рассказ

Рисунки Н. Дормидонтова

Глава I

НАКАНУНЕ

Первое мая 19.. года...

Столица социалистической Европы, Кименополис, сегодня воплощает в себе знойное ликование всего мира. Разбиты последние цепи, навеки пали произвол и насилие. Минувшей ночью победила революция в последнем уголке земного шара, где еще властвовал Капитал... Это место много лет назад называлось восточную частью С.-А. С. Ш., современники же звали его «Страной Молчания».

Как корреспондент газеты «Европейская Правда» и очевидец главных моментов борьбы, я хочу рассказать все то, что я видел и слышал в калейдоскопе великих событий и фактов последних дней.

Это началось недавно — всего неделю назад, глубокой пасмурной ночью. Шестнадцать лет уже угрюмо и зловеще безмолвствовала «Страна Молчания», затаившись за страшной, непроницаемой стеной из воздушных вихрей, электромагнитных бурь и молний. Никто не мог попасть туда, никто не выходил оттуда. Глубоко под землей, как и над землей, всепроникающие волны каких-то лучей убивали всякого, кто пытался проникнуть в «Страну Молчания».

Никогда за эти шестнадцать лет ни один звук не долетал из-за запретной черты, никто не знал, что творится за ней. Радиостанции «Страны Молчания» утихли с самого начала этой чудовищной самоблокады. Шестнадцать лет назад от мира откололась частица и, спасаясь от мести, в ней укрывались все те, кто много лет кровью и ужасом правили миром. Грозной, смертоносной стеной отгородили они «свой» мир и лучшие умы свободного человечества были бессильны перед этой броней...

Так длилось шестнадцать лет, и вплоть до этой исторической ночи, когда брошенный в пространство мощной, пока еще неведомой радиостанцией из «Страны Молчания», долетел и с призывной силой откликнулся в миллионах сердец пламенный зов:

«Раскрепощенные пролетарии свободного мира, мы зовем вас! Знамя восстания взвилось над нашей страной. В последней мертвой схватке, в дикой борьбе с поработителями, мы зовем вас. Мы откроем вам дверь в нашу страну... Придите же, братья! Бьет последний час!»

В эту ночь известие о радиограмме из «Страны Молчания» облетело весь мир. Готовясь к грядущему последнему бою, свободный мир был всегда наготове принять и нанести удар, и теперь, во мраке и глубинах ночи, над уснувшей Землей неслись к «Стене Смерти» целые авио-эскадрильи вооруженных энтузиастов революции. Но ледяным, злоеющим молчанием, в котором затаились ужас и смерть, встретила их электромагнитная броня, и по-прежнему ничто живое не могло проникнуть за запретную черту. На головокружительной, в десятки километров, высоте, все та же завеса электромагнитных бурь и молний все так же с неослабевающей силой оберегала своих господ,..

Два дня прошли, трепетных два дня, которые не забудутся никогда. К этому времени вооруженные силы всего свободного человечества были наготове. Повсюду, на всем протяжении «Стены Смерти», авио-отряды готовы были вторгнуться в «Страну Молчания». Но по-прежнему «Стена Смерти» непоколебимой, хотя и невидимой твердыней, охраняла своих господ от мести белых рабов...

Командированный редакцией «Европейской Правды» в качестве корреспондента, я находился при одном из авиотрядов, неподалеку от «Стены Смерти», в городке Бернвилле. Нестерпимо тягучи и томительны были дни ожидания, дни напряженного бездействия в то время, когда рядом лилась кровь, а мы не могли быть даже свидетелями борьбы. Нервы не выдерживали... Хотелось чего-нибудь необычного, что разрядило бы напряженную атмосферу ожидания и нервного подъема. И этот разряд пришел...

Глава II

КАРСТОН

Я давно лично знал Карстона, величайшего инженера наших дней, строителя Гибралтарского туннеля и Берингова моста. Мы были дружны еще с университетской скамьи, одно время даже переписывались; потом переписка как-то сама собой прекратилась, но мы сохранили самые лучшие отношения, и наши редкие встречи носили самый теплый, сердечный характер. Более двух лет прошло со дня нашей последней встречи, и только что полученная от Карстона телеграмма заинтересовала меня: «Ждите меня сегодня, 29-го, по очень важному делу; буду после 18 часов. Карстон».

Часы показывали 14. В моем распоряжении было 4 часа, быстро промелькнувших в сутолоке корреспондентской работы. Ровно в 18 я был дома, в своей комнате в гостинице.

Карстон немного запоздал, и мне пришлось терпеливо ждать его, пока, наконец, к подъезду гостиницы мягко подкатил автомобиль и через минуту знакомая фигура инженера появилась на пороге моей комнаты.

Среднего роста, не полный и не худощавый, всегда элегантно одетый, спокойный, неизменно вежливый с оттен-

ком сердечности, он импонировал всем и каждому. Бледные щеки Карстона всегда разгорались, когда разговор касался его великих творений, современных и будущих завоеваний техники. Не умевший красиво без умолку болтать пустых, галантных фраз и сыпать любезностями, он был плохим собеседником.

Но эта необщительность разом исчезала, лишь только разговор касался техники. Тогда Карстон совершенно преобразался: наряду с общечеловеческими социальными проблемами, все лучшее, весь смысл жизни, для него воплощался в технике; он восторгался ею, с невыразимым увлечением говорил о новых проектах, о своих очередных работах, о величии задач, стоявших перед грядущей техникой...

Мы присидели, я думаю, около часу. Блестя глазами, он рассказывал о постройке Берингова моста, об уже законченном Гибралтарском туннеле, о разрабатываемом им проекте электростанции на Замбези, осуществление которого перевернет всю жизнь Южной Африки; быстро, без запинок, пересыпая речь бесконечными цифрами, говорил о выдвигаемом им проекте создания городов-санаторий на побережье Средиземного моря, которые оздоровят человечество, вольют в него новые силы...

Относительно цели своего сегодняшнего визита он говорил очень мало. Из его слов я узнал лишь, что мы и еще несколько человек сегодня ночью куда-то полетим. Куда?.. Зачем?.. Он лишь загадочно улыбался в ответ.

— Потом, потом, мой дорогой Ведрин! А сейчас могу вам обещать лишь одно: сегодняшней ночью вы опишете события, которые поразят мир; каждому слову вашей корреспонденции будет напряженно внимать все человечество. А пока не спрашивайте. Я хочу сделать вам сюрприз! — вот все, что отвечал Карстон на мои расспросы.

Солнце уже зашло и лишь прощальные его лучи оранжево-розоватой зарей отливались на снежно-белых облаках, когда мы сошли с подъезда и уселись в автомобиль. Шофер взялся за колесо, четко забился мотор и, как будто смеясь над надоевшей стоянкой, авто со всей мощностью своих

50-ти сил рванулся вперед и помчался, в каком-то упоении глотая километр за километром.

Кругом было тихо и пустынно. По моим расчетам мы проехали уже километров 15-20.

— Здесь! — вдруг произнес Карстон, нагнувшись к шоферу. Авто замедлил ход и остановился. Мы сошли на землю.

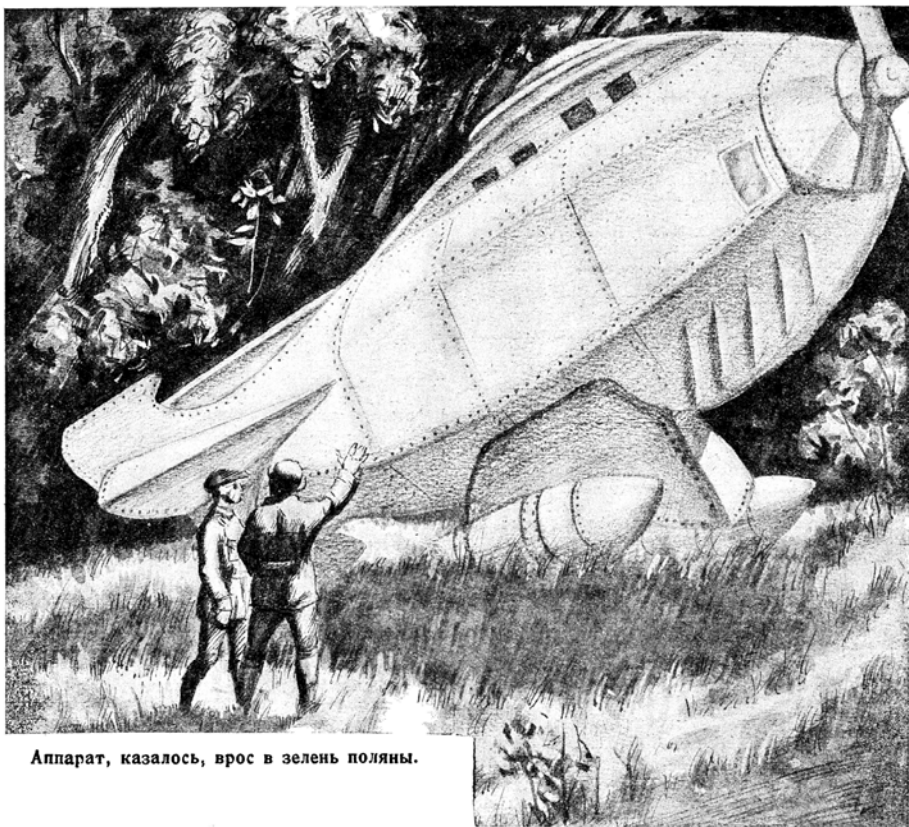
Прямо с шоссе мы свернули куда-то влево, направляясь к видневшейся впереди густо зеленеющей роще. Сдержанным ритмом позади нас билось сердце поворачивавшегося авто, потом вдруг заколотилось бешено-радостно, и со все замирающим гуденьем авто понесся назад, в город...

Минут 10 быстрой ходьбы и мы были у цели. На маленькой, зеленевшей полянке, в сумраке обступивших ее кругом деревьев, тяжелой неподвижной массой громоздился какой-то предмет. В нем смутно угадывался аэро, но какой-то новой, непривычной конструкции. На совершенно гладком, продолговатом теле аппарата не было и признаков окон, и лишь в передней части поблескивали широкие, застекленные прямоугольники. Небольшие плавники, сбоку и сзади, как у дирижабля, дополняли картину. Крыльев не было совсем. Грузной, серо-голубой массой аппарат, казалось, врос в зелень поляны.

По узкой, в несколько ступенек лесенке, мы поднялись в аэро. Бесшумно отворилась маленькая дверь, также бесшумно захлопнулась, и мы очутились в ярко освещенной поместительной каюте, без окон, с обитыми кожей стенами и мебелью. Прямо перед нами, за небольшим столом с газетами и книгами, сидело трое мужчин.

Карстон представил нас. Говоря откровенно, я был приятно удивлен — среди них не было ни одного корреспондента какой-либо газеты.

Одного звали Губером. Инженер-электрик по профессии, он был правой рукой Карстона во всех его работах. Высокий и стройный Губер выглядел много моложе своих 40 с лишним лет.

Аппарат, казалось, врос в зелень поляны.

Второй был сутуловатый, совершенно седой старик, с длинной, как у патриарха, серебряной бородой. Из-за стекол пенсне на меня ясно и приветливо глянули голубые, юношески-пытливые глаза. Это был Берницкий, знаменитый физик, одно из светил современной науки. Третий из находившихся в каюте был одним из двух механиков «Мстителя».

Глава III

НА БОРТУ «МСТИТЕЛЯ»

«Мститель» был последним звеном в длинной, блестящей цепи аэромашин, сконструированных гениальным Карстоном. В основу своих машин Карстон положил совершенно новый принцип, и последнее его творение — «Мститель» было поистине идеалом аэромашин, неизмеримо превосходившим все существовавшие аэро.

Едва захлопнулась за нами дверь, как тотчас же приглушенным ритмом забились могучие машины, без малейшего толчка мы отделились от земли, и в темнеющем сумраке надвигающейся ночи устремились вперед...

Внезапно лампы в нашей каюте закрылись какими-то едва проницаемыми колпаками, на задней стене каюты развернулся экран и в воцарившейся полутьме на нем потянулась бесконечная панорама. Это была земля, стлавшаяся под нами. Беззвучно, невидимые и таинственные, мы безумным вихрем неслись вперед над спавшей Землей. На экране быстро мелькали освещенные станции, городки и селения; промелькнул гигантский висячий мост над свинцовым блеском какой-то реки; на темной глади вод мигали огоньки пароходов, небольшой городок тесно прижался к берегу реки, а дальше, на запад, тянулись суровые, угрюмые леса.

И вдруг мы заметили (кажется, все разом), что какие-то странные, живые блики переливаются на стене справа. Да, стена жила!.. То темнея, то вновь вспыхивая, живыми светящимися буквами на ней вдруг вырисовалась надпись:

«Со скоростью 300 км в час мы летим вдоль «Стены Смерти». Недалеко отсюда должна быть единственная брешь в этой стене. Брешь эту укажет прибор, находящийся у нас на борту, и если эта «Ахиллесова пята» окажется уязвимой, то мы пролетим через нее. Остальное потом»...

С полминуты надпись стояла, а затем, непрерывно вспыхивая и искрясь зелено-желтыми языками, медленно исчезла... Несколько секунд еще на темно-коричневом фоне стены, загораясь и вновь темнея, угасали последние блики, а затем и их не стало...

— Новая шутка Карстона! — раздался голос Губера. — Но, кажется, мы уже близко от дьявольского прохода. «Мститель», по-видимому, скоро остановится!

Неожиданно движущаяся на экране панорама начала замедлять свой стремительный бег... «Мститель» летел все тише и тише. И вдруг новая надпись вспыхнула на стене:

«Стрелка прибора двигается... Мы в преддверии “Страны Молчания”. Ждите».

Легкое щелканье... Вновь лампочки озарили кабину, надпись исчезла в брызгах света и в распахнувшуюся дверь вошли Губер, Карстон и оба механика... «Мститель» неподвижно стоял в воздухе. Ослабевший ритм машин растворился во тьме безлунной ночи...

Смертельная бледность покрывала лицо Карстона. Даже он волновался в эту минуту. Лучше и ярче всех он сознавал, какой страшной опасности мы готовились подвергнуться, сознавал, что мы стоим на краю бездонной пропасти, собираясь перейти ее по хрупкому мостику.

— Товарищи! — начал Карстон. — Мы недалеко от единственной брешы в чудовищной стене, которой окружил себя издыхающий Капитал... Мы готовы ринуться в эту брешь... Но мой долг сказать вам, что, быть может, и она окажется непроходимой, несмотря на все чудеса науки, которыми вооружил я «Мстителя», и тогда попытка наша будет стоить жизни нам всем. Я не вправе один решить такой вопрос, а потому выбирайте: вперед или назад?

Карстон был не только великим инженером, но и хорошим психологом. В эту минуту, я думаю, мы не отступили бы даже тогда, если из 100 шансов у нас был бы лишь один за жизнь, а 99 за смерть.

Наше решение было единогласным, без всяких колебаний и сомнений. Лица моих спутников серьезны и взволнованы...

— Мы возьмем очень большую высоту, 10-12 километров. Изоляция «Мстителя» исключительна... Стрелка укажет нам наименее защищенные места в электромагнитной броне, — быстро говорил Карстон. — Ах, да! — добавил он. — Хотите, я покажу вам отравленную зону перед «Стеной Смерти»? Мы находимся сейчас над ней.

Легкое щелканье, свет исчез и на экране перед нами вырисовался угрюмый, однообразный простор. В окончательно сгустившемся мраке ничего нельзя было разобрать, но могильным холодом и жутким ужасом повеяло на нас от бесстрастного экрана. За 12-15 километров от «Стены Смерти» начинается эта отравленная зона, и вся она — сплошное царство смерти и разрушения. Ни одно дерево, ни одна травинка не растет здесь. Ни животных, ни птиц, ни букашек не найти здесь. Все мертво, грозная печать смерти запечатлелась на всем. Шестнадцать лег назад каким-то смертоносным газом была убита здесь вся жизнь, и с тех пор Капитал неустанно поддерживает царство смерти на омертвевших полях и нивах, на развалинах городов и селений.

Глава IV

АДСКИЕ ВОРОТА

В воцарившемся полумраке отчетливо прозвучали размеренные вздохи машин, гуденье, и я почувствовал, что становлюсь тяжелее. «Мститель» уже несясь вверх, наглухо закрыты были все отверстия и ничто уже не нарушало снежной белизны экрана. Подъем длился очень долго, а быть может это лишь показалось мне, потому что томительно трепетны были минуты ожидания...

Страшное нервное напряжение точно подсказало мне момент, когда аппарат перестал подниматься. В то же

мгновенье на стене зафосфорилась краткая надпись: «Высота 14.000 метров. Вперед!»

Да, мы двинулись вперед, я это сразу почувствовал. Прежний, размеренный такт машин сменился лихорадочной дрожью; тихое гуденье перешло в неистовый гул; гул этот рос и рос, обратившись в сплошное ликование победных машин, слышалось щелканье рычагов и в безудержном порыве «Мститель» ринулся вперед...

«Смелее, товарищи! Ближе гроза!» — молнией вспыхнули и сразу же погасли слова на стене... Секунда, другая и вдруг... страшной силы удар потряс стальное тело «Мстителя»; казалось, где-то в двух шагах грянул раскат грома; в ушах зазвенело, нестерпимым, искрящимся блеском сверкнула последняя нить сознания, и, оглушенный страшным толчком, я без чувств рухнул на пол...

Не знаю, сколько времени прошло, пока, наконец, сознание вернулось ко мне. Оглушенный и сбитый с толку, я, как пьяный, попробовал подняться на ноги. Электрические лампочки погасли... Кругом было тихо... Какое-то смутное беспокойство гнездилось и нарастало во мне. Что же случилось? Отчего темно? Где мои спутники? Живы ли они? Прорвали ли мы дьявольское кольцо? — эти вопросы целым вихрем завертелись в сознании и, ощущая тягучую слабость во всем теле, я поднялся на ноги. Нашупав рукой диван, я сел, и чья-то рука легла мне на плечо.

— Кто это? Вы, Ведрин? — раздался слабый, изменившийся голос Губера, и я понял, что он тоже перенес сильное потрясение.

— Да! — ответил я, и голос мой показался мне чужим и далеким.

— Скажите, что же случилось? Где мы? Что с нами? — засыпал я Губера вопросами.

— Я сам знаю не больше вашего! — отвечал инженер. — Ведь мы...

— Свет!.. Зажгите свет! — вдруг раздался голос Берницкого, и я скорее угадал, чем узнал его — ведь больше никого в каюте не было.

— Света нет! — ответил я. — Эти дьявольские ворота потушили наш свет... — и, вспомнив, что у меня есть спички, я трясущимися руками вынул коробку и чиркнул спичку.

Скудное, желто-оранжевое пламя озарило каюту, и в этом свете она показалась мне чуждой и незнакомой. Я приподнял горящую спичку, сделал шаг вперед... В это мгновение дверь широко распахнулась и в каюту с ослепительно лучившимся фонарем вошел, вернее, вбежал, Карстон, а за ним и оба механика...

— Мы победили, мы в «Стране Молчания»! — воскликнул капитан «Мстителя», увидя нас живыми и здоровыми. — Вперед, товарищи, и мы увидим и услышим то, чего шестнадцать лет не видели и не слышали наши братья по ту сторону этой дьявольской стены.

Глава V

ВПЕРЕД!

Торопливо и сбивчиво, прерывая самого себя, рассказывал Карстон, как он, тоже оглушенный, первый очнулся и встал, как, придя в сознание, остановил полет, как «Мститель», сбитый неведомыми силами, нырнул на несколько километров вниз; взволнованный и радостный, рассказывал он, что лишь чудом прорвались мы через «Стену Смерти», что самопишущие приборы отметили колоссальную силу электромагнитных вихрей...

Наши лампочки вспыхнули опять, повреждение оказалось пустяжным, легко исправимым, снова на экране забегали блики и тогда Губер выключил свет.

«Мститель» неподвижно стоял в воздухе. Глубоко под нами замерцали тысячи, быть может, десятки тысяч далеких огней. Будто рассыпанные чьей-то озорной рукой, они

в беспорядке разбросались повсюду. Там и сям десятки, сотни огней-светлячков сбирались в кучу, будто защищаясь от всюду обступившей их мглы. Впереди, далеко на востоке, виднелась, мерцающая и переливаясь, вереница переплетшихся огней. Позади нас угрюмая, всепожирающая тьма простиралась под пятой «Стены Смерти»...

Уходящий из-под ног пол каюты, неприятное ощущение падения и замирающее сердце показали мне, что мы стремительно опускаемся. Все резче и отчетливее рисовалась панорама огней; понемногу убегал за горизонт город на востоке, зато в надире огни неуклонно разгорались и приближались...

Высота три тысячи метров!.. «Мститель» вновь недвижно замер в воздухе. Необозримая холмистая равнина, вырванная из мрака ночи, глянула на нас с потемневшего экрана. Огромные, темные пятна лесов черными тенями залегли на светлом фоне равнин. Пять-шесть десятков каких-то построек в хаотическом беспорядке разбросались на середине экрана. Горизонт на востоке горел последними, прощальными огнями, манил и звал, как будто указывая нам путь в «Страну Молчания». А позади... глухой, беспроектной тьмой «Стена Смерти» преградила путь всякому малодушию. «Страна Молчания» звала нас... Вперед!

Глава VI

ПОД ПОКРОВОМ НОЧИ

Тесно прижавшись к необъятной шири двух слившихся рек, под нами развертывался, блестя огнями, какой-то город. Внезапно догадка осенила меня.

— Сан-Луи! — воскликнул я. — Да, конечно, ведь это же Миссисипи и Миссури! — и я указал на экран, на свинцо-

вую глубь огромных, разлившихся рек, усеянных искрами огней.

— Да, Сан-Луи! — произнес Карстон. — Мы пролетели над ним, но ночь коротка, а наша цель впереди. Нам надо торопиться...

— Но куда, куда? — разом забросали мы инженера нетерпеливыми вопросами.

На стене висела большая карта Северной Америки. Карстон обернулся и сделал шаг к ней...

— Вот сюда! К Стальному Замку! — коротко ответил он.

Палец Карстона указывал на обеденное синим кружком место, на юго-западе Аллеганских гор, при 84° зап. долготы и 36° северной широты. Нетерпеливыми взорами мы впились в отмеченное кружком место, ничего, в сущности, нам не говорившее...

— Стальной Замок?! Ведь это... Да, помню... Это лет 6 назад... Неужели это правда? Неужели это был не бред умиравшего? — взволнованно воскликнул Губер. — Ведь я раньше смеялся над этим...

— Нет, это не миф и не предсмертный бред сумасшедшего, хотя того человека признали сумасшедшим, — ответил Карстон, и, видя мой вопросительный взгляд, добавил:

— Помните, лет шесть назад неподалеку от отравленной зоны нашли человека, который... ага, вспомнили?!...

Да, я вспомнил, вспомнил, как у отравленной зоны подобрали какого-то человека. Человек этот был без сознания. Никаких бумаг, никаких документов, которые указали бы, кто он, при нем не нашли. Привезенный в больницу, он там скончался, не прожив и суток. В страшных мучительных конвульсиях, непрерывной агонии, сквозь скрежет зубов и предсмертные муки, он бредил о «Стране Молчания», в бессвязных, отрывочных фразах и восклицаниях он говорил о чудовищном гнете, царившем там, бредил-о каком-то фантастическом городе, Гениополе, и с жутким ужасом, сдавленным хрипом, весь трепеща, поведывал о «Стальном Замке». Насколько можно было его понять, «Стальной Замок» был местом, откуда на всю «Стра-

ну Молчания» лился безудержный гнет, откуда, недоступные никому и ничему, даже милосердию, правили страной последние былых владык мира — кучка людей, имя которых произносилось или раболепствующим шепотом или с жгучей ненавистью и проклятиями...

— Да, товарищи! — продолжал Карстон. — Мы летим к «Стальному Замку». Именно там, я уверен, идет борьба. Как я узнал, где он находится, рассказ очень долгий и сложный. Скажу лишь, что здесь главную помощь оказали мне мои наблюдения и работы по изучению аномалий «Стены Смерти». Конечно, мои вычисления не могут претендовать на абсолютную точность, но во всяком случае, если «Стальной Замок» и не в этом кружке, — он указал на карту, — то все же неподалеку от него. А теперь — вперед! Ведь уже половина двадцать второго! — и с этими словами Карстон повернулся и пошел в рулевую каюту. Наши взоры снова приковались к экрану.

— Однако! — проговорил Берницкий. — Я ожидал увидеть нечто более грандиозное, а между тем, не вижу даже того, что видел 19 лет назад. Я тогда был в Сан-Луи на всемирном минералогическом съезде, и так же, как сейчас, ночью летел над городом. В то время он показался мне несравненно величественнее и грандиознее, чем теперь — и он жестом указал вниз.

— Я тоже был там двумя годами позже, — отозвался Губер, — и могу сказать то же самое. Сан-Луи сейчас — совсем незavidный город, а ведь тогда в нем было больше миллиона жителей...

— Да, странно! Очень странно! Что же это?.. Упадок?.. Регресс? — задумчиво проговорил Берницкий.

Глава VII

СТРАНИЦА ПРОШЛОГО

В то время мы ничего еще не знали (хотя экономисты свободного мира и предполагали это) о великом перевороте в жизни страны, вызванном «Стеной Смерти». Созданная втайне от всего человечества, она в одну ночь расколола надвое мир. Равновесие было нарушено в один безумно-короткий миг... Создававшаяся веками сложная, многообразная экономическая система взлетела на воздух, как пороховой погреб. Острый нож разрухи перерезал питающий нерв промышленности и торговли, кредит, и это довершило картину всеобщего краха.

Чудовищной силы и размаха экономические и финансовые кризисы потрясли страну от края и до края. Целые отрасли некогда цветущей промышленности, работавшей на вывоз, были смяты и растоптаны в один миг, как хрупкие часы под ударами тяжелого лома. Опрокинутые и раздавленные жестоким вихрем кризисов, целые области, культурные, богатые и густонаселенные, разорялись и нищали, как жалкий лавочник под тяжелой рукой торговца-миллионера...

Города обезлюдели... В первую очередь — города-гиганты у границ... Еще вчера они владели бессчетными богатствами, стекавшимися со всего мира, еще вчера они находились в апогее своей славы и могущества. Отсюда, от группы всемогущих банков раскинулась по всему миру путаница невидимых, цепких нитей, опутывавшая и порабоощавшая весь мир, высасывавшая пот и кровь миллионов людей...

Расположенные на мировых путях, города-гиганты были теми воротами, через которые в мир и из мира широким потоком лились несметные богатства: товары, золото, деньги. У ворот этих кормились миллионы — и вдруг они захлопнулись. Жизнь замерла... Неустанно, долгие годы, день и

ночь, города вбирали в свою ненасытную пасть горы жизненных припасов со всей страны, со всего мира: хлеб, мясо, овощи. Все это широкой рекой лилось в города, дававшие взамен промышленные товары, сеявшие знание и культуру по всей стране, по всему миру. Долгие годы совершался этот великий переворот, и вдруг...

Беспощадный циклон кризисов смял и остановил экономическую жизнь страны, остановил транспорт. Стихла жизнь под титаническими сводами колоссальных, всегда бессонных вокзалов. Прежняя неумолкаемая симфония звуков, криков, свистков и гудков локомотивов сменилась гулкой тишиной. Лишь изредка, раз-два в день, прорезывалась она одиноким, отрывистым вскриком локомотива. Уходившие в бесконечность полосы рельс уже не оглашались больше лязгом колес и в ленивом отдыхе зарастали травой, потому что лишь на магистралях поддерживалось движение: один-два поезда в сутки...

По гладким полотнищам великолепных шоссе все реже и реже проносились автомашины. Движение сокращалось, как пульс умиравшего, даже гораздо быстрее, — вдвое, втрое, впятеро, вдесятеро, — и с каждым днем все меньше и меньше автомашин пробегало по дорогам... Колоссальные центры разобшились со страной, великий круговорот был резко нарушен, города очутились перед призраком голода. В паническом ужасе, спасаясь от голодной смерти, население, как гонимое бурей, бежало из городов-гигантов, где не было ни работы, ни хлеба...

По гениально задуманному и блестяще выполненному плану, финансовая олигархия, захватившая власть, стремительно вошла в соглашение с вождями самой сплоченной, но и самой консервативной рабочей организации, «Всеобщей Прогрессивной Федерации Труда», предоставив работу всем ее членам, полутора миллионам высококвалифицированной «рабочей аристократии», на продолжавших работать предприятиях. Массы же остались за бортом. Вожди еще раз изменили массам...

События разворачивались с потрясающей быстротой и силой. Обманутые и отчаявшиеся массы устремились на

борьбу... Волна восстаний покатила по стране... Но массы были разрознены, не было вождей, — и это была самая трагическая страница борьбы. Орлиные крылья и беспомощность паралитиков. Подготовленная к событиям олигархия с первых же шагов обезглавила пролетариат. Лучшие, преданнейшие вожди рабочего класса исчезли за решетками тюрем или в никому неведомых могилах. Легионы провокаторов, шпионов и предателей рыскали по стране, выдавая каждый шаг, направленный к объединению. Стальной, беспощадной рукой финансовая олигархия тушила пожары восстаний, со стихийной силой разгоравшиеся повсюду...

Борьба вспыхнула с дикой, стихийно-могучей силой. Под гул орудий, под взрывы бомб взметнулись высоко к небесам полотнища алых знамен. Заглушая стоны, хрип и предсмертные проклятия умирающих, среди ужаса и крови, могучим напевом полились мятежные песни ненависти и борьбы. Безумие и ужас окутали страну... От несмолкаемых раскатов взрывов и выстрелов стонала и содрогалась земля. Заливаемая кровью, страна захлебывалась и изнемогала. Люди стряхнули с себя маску цивилизации и обратились в зверей. Не щадились ничто и никто... Запылали города, деревни, фабрики к заводы, опустошались целые области. В кровавой борьбе за власть были обращены в груды развалин огромные города, гигантские фабрики и заводы, были уничтожены несчетные богатства, созданные многими поколениями. Целые миллионы людей погибли в этой борьбе, и лишь чудовищным террором удалось буржуазии удержать власть в своих окровавленных руках.

Стихла бойня и тогда, под железной пятой олигархии, жизнь понемногу начала вступать в свою колею. Но «Стена Смерти» произвела глубокий социально-экономический переворот в жизни страны. Население, промышленность, культурно-политическая жизнь, — все это устремилось с окраин вглубь страны. Окраины пришли в упадок и запустение, зато головокружительно быстро расцвел и возродился центр страны. Бывшие штаты Теннесси, Кентукки,

северная часть Алабамы и Георгии, — вот куда переместился центр.

Глава VIII

ПУТЕВОДНАЯ НИТЬ

Эту длинную и, быть может, сухую страницу из истории, уже давно перевернутую и отошедшую в вечность, мы вспомнили тогда, пролетая над некогда богатым и обширным С.-Луи.

«Мститель» летел над городом, описывая огромную дугу. Легкий, отрывистый треск прозвучал в каюте.

— Новый сюрприз Карстона! — произнес Берницкий. И я увидел, как во всю длину боковых стен каюты раздвинулась кожаная обивка, обнажив широкие, застекленные прямоугольники окон. Темный, влажный сумрак ночи дохнул на нас. Небосклон, усеянный звездами, кротко глядел в каюту. Несмотря на большую высоту, внизу отчетливо видны были улицы, увитые гирляндами фонарей, площади, группы зданий.

Внезапно какая-то огромная, сигарообразная тень разостлалась под нами, на миг закрыла город, и бесшумно пронеслась на северо-восток, поблескивая зелеными огнями сзади и по бокам. Это был, по-видимому, какой-то дирижабль...

— Ого! — произнес Карстон, засмеявшись, но в голосе его я уловил тревожную нотку. — Даже здесь, на этой высоте, мы не одни. Ну, что ж, поднимемся повыше!..

Безупречно-послушный корабль стрелой взвился вверх. Опять тяжелыми вздохами забилося могучее сердце аппарата и мы понеслись...

— Смотрите, Карстон, ведь это же дорога, воздушная дорога! — указывая на громадную светящуюся стрелу за городом, сказал Губер. — А это — вехи воздушной дороги! — указал он на ряд огромных, светящихся прямоугольников, цепью уходивших вдаль, на юго-восток с промежутками в 3-4 километра один от другого.

— Да, здесь буквы, на стреле и на прямоугольниках! — всматриваясь, проговорил Карстон.

Огромные черные буквы «G -- SL» довольно отчетливо рисовались на раскаленно-белом фоне прямоугольника под нами.

— Гениополь — С.-Луи! — сорвалась у меня с губ мелькнувшая догадка. — Это название конечных пунктов в этой воздушной линии.

— Да, несомненно, так оно и есть! — после секундного раздумья произнес Карстон. — Ну, что ж, тем лучше: в наших руках есть путеводная нить. Воспользуемся же ею! Через полтора часа мы должны быть в Гениополе. Как видно, он существует и существовал не только в больном мозгу умирающих.

Глава IX

К «СТАЛЬНОМУ ЗАМКУ»

Повинуясь воле своего капитана, «Мститель» летел, как гонимый бурей. Вперед, вперед, в «Страну Молчания», к самому сердцу ее! Внизу, глубоко под нами проносились бесконечные огни поселений, массивы лесов, извиваясь блестели реки, тысячами огней рвали мрак громадины фабрик, заводов и домен, бросавших ввысь безбрежные клубы пламени и дыма... Глухой отзвук рокотавших машин стальным, едва слышным лязгом врывается в кабину. Казалось, что там далеко, внизу, под покровом ночи свер-

шается какой-то таинственно-жуткий ритуал и приносятся пылающие жертвы неведомым богам...

Все это казалось нам, ворвавшимся в этот мир и загадочно носившимся над ним, полным острой, стерегущей вражды. Было что-то демонически хищное в дымившихся заводских огнях внизу; глядя на них, мне казалось, что это раскрылась сама земля и, выйдя из своих подземелий, миллионы гномов, таясь от всего мира, творят какое-то страшное, никому не ведомое дело, а в гуле и лязге машин мне чудилась невысказанная тайна, которую эти машины селятся передать людям...

Глава X

ГЕНИОПОЛЬ

Полтора часа пронеслись незаметно. Впереди быстро и неожиданно вспыхнула белая заря. Она разгоралась стремительно, как пожар в первобытном лесу, с каждой секундой, с каждым мгновением... Легкий крик восторга вырвался у меня...

Полнеба впереди объято было пожаром... Огни! Целый океан огней, блиставших и искрившихся, неся навстречу нам. Все ближе и ближе... Колоссальным ковром, затканым бесконечностью огней, под нами разворачивался волшебный, недоступный никакой фантазии город-гигант, созданный, казалось, из света и хрусталя. «Мститель» замедлил ход и, едва ощутимо толкнувшись, замер в воздухе. Мы были у цели...

То, что я увидел, я не забуду никогда, да и мои спутники, я думаю, тоже. Как зачарованные, застыли мы у окон «Мстителя» и в эти минуты я на миг позабыл все: нашу цель, наших друзей и врагов внизу, забыл, где я, и лишь в

каком-то экстазе созерцал царственный город под нами. В эти мгновенья я молился человеческому гению.

Глубоко под нами, в бездне двух тысяч метров, сплошной сверкающей равниной огней горел и переливался Гениополь. Необъятной шири и размаха, он раскинулся на сотни квадратных километров. Стройные, будто хрустальные башни титанических зданий уходили ввысь, бросая вызов небесам.. Нестерпимый блеск мириадов огней ослеплял и цепенил... Огни, всюду огни, и среди них, вправленный в эту сверкающую диадему, ровным, немигающим светом, под титаническими стеклянными сводами и перекрытиями пылал эллипс «Стального Замка»...

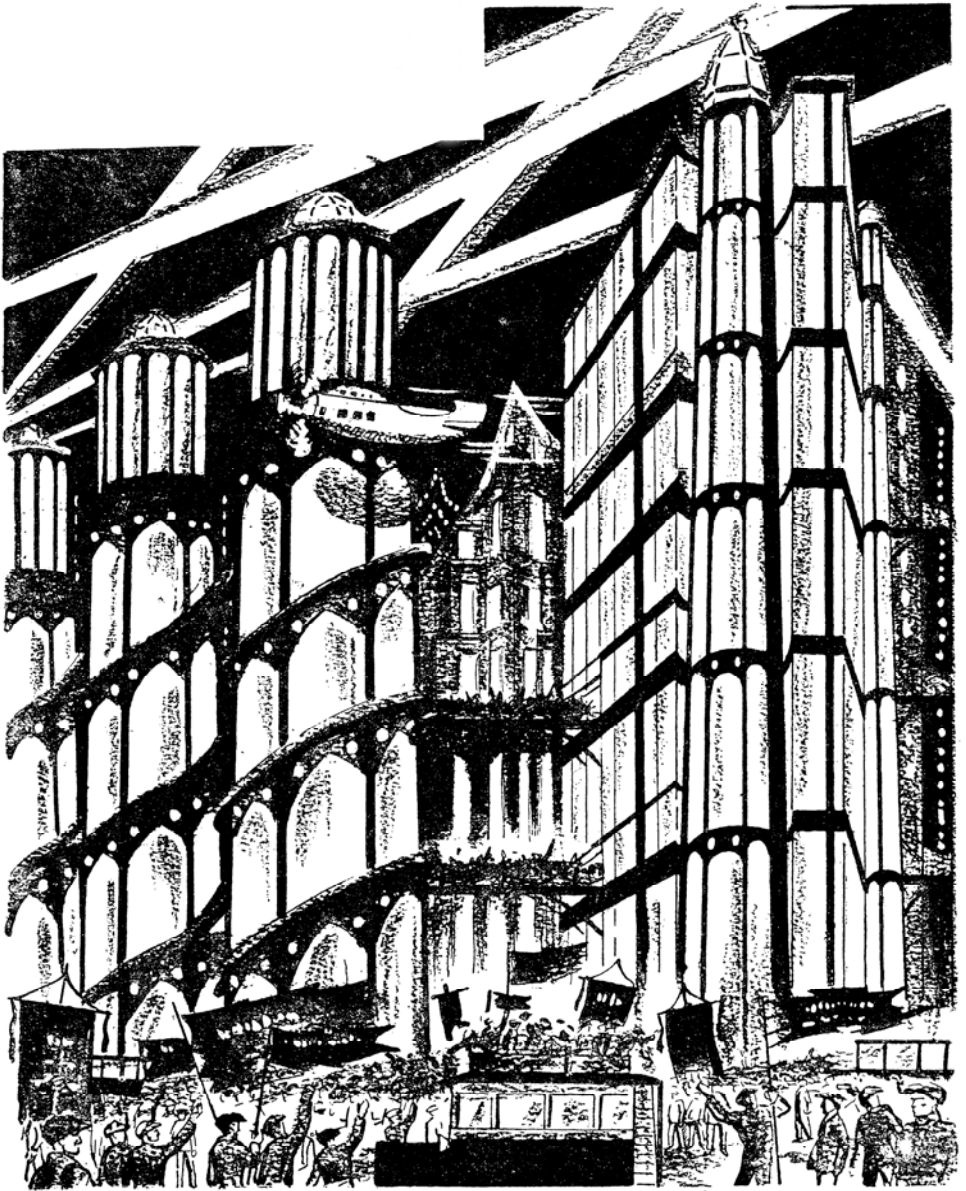
Этот город-гигант, эти равнявшиеся к небу башни циклопических зданий, это безбрежное море огней и эллипс «Стального Замка» среди них, — все это было для нас воплощением стихийно-свободной человеческой мысли, символом раскрепощенного, созидającego гения. Но мы забыли одно: этот город был столицей Капитала, его последней блистающей вспышкой. Сверхчеловечески мощную творческую идею человека он сочетал с самым безудержным гнетом. Символ и творение могучего, всепобеждающего труда, он был олицетворением рабства и дикого насилия.

Что-то щелкнуло над самым ухом у меня. Я обернулся. Держа в руках фото-камеру, Губер запечатлевал на пластинке величайший в мире клубок пороков...

— Будем не только зрителями, но и слушателями! — произнес Карстон и, обернувшись, повернул рукоятку в ящичке у стены. Тотчас же смутно-далеким, тысячеголосым гулом в каюту ворвался целый вихрь звуков — шум волновавшегося, бессонного города под нами... Чутким, напряженным слухом мы жадно ловили волнующие, живые струны среди клокочущего гула, похожего на рокот прибойных волн.

— Поют, слышите! — вдруг прошептал Берницкий, напряженно прислушиваясь.

Вырвавшись из хаоса тысячи переплетшихся звуков, снизу донесся стройный многотысячный напев. Устремляясь в простор, звенящим каскадом лились мятежные звуки «Ин-

тернационала». Слов нельзя было разобрать, но уверенной призывной вязью чуть слышно долетел знакомый мотив. Нахлынувший сонм звуков на миг захлестнул песню, тотчас схлынул, и она зазвучала вновь.

— Что это? Революция? — каким-то изменившимся голосом говорил Берницкий и, казалось, завеса упала с наших глаз. Уже не было ничего враждебного в мириадах огней внизу...

«Мститель» медленно опускался... Тихо-тихо мы скользили навстречу дворцам и башням Гениополя. Все ниже и ниже... Уже целым потоком врывались звуки, и среди них волнующей, многотысячной сталью звал на борьбу «Интернационал». Он все рос и рос, ширился и развертывался, воцарялся над всем...

Карстон вошел в кабину, держа в руках три продолговатых, черных ящичка, глядевших на нас круглыми отверстиями с винченными линзами.

— Мой «Унископ»! — сказал он, протягивая мне один из ящичков. — Он увеличивает колоссально. Вот это регулятор зрения... Сам не знаю, как я раньше не вспомнил о них. Лучше поздно, чем никогда, — добавил он, улыбаясь.

Да, «Унископ» был поистине идеальным оружием для глаза. В первую секунду мне показалось, что я гляжу вниз с одной из башен под нами... Огромная, заполненная людьми площадь, лучи улиц, тоже залитых человеческим морем, грандиозные здания, сгрудившиеся четырехугольники автобусных крыш, — все это ошеломяло и кружило голову. Как будто жил этот маленький кусочек, вырванный из города-гиганта!

Глава XI

БОЙ ВО ТЬМЕ

Стрелка альтиметра показывала 1.000 метров, когда, наконец, слегка заколебавшись, она остановилась. Смотревший в «Унископ» Берницкий вдруг порывисто повернулся к нам.

— Там революция, товарищи! — тихо проговорил он. — Там идет бой, борьба в самом разгаре. Всмотритесь, красные знамена реют на зданиях и на улицах!

Снова прильнул я к отверстиям «Унископа» и, всмотревшись, вдруг ясно увидел среди человеческого моря крохотные красные островки знамен... Я слегка повернул камеру, и справа в поле зрения вступило колоссальное здание, стоявшее вблизи от «Стального Замка». Здание это было увенчано звездным флагом. Бесчисленные фигурки людей лепились на балконах, террасах, стройными рядами стояли у подножия здания, окружая его. Вокруг не было видно ничего и никого. Улицы были пустынные, но зато там, дальше на других зданиях, людское море кипело и волновалось, непрерывно горя зелено-оранжевыми вспышками. По-видимому, это были выстрелы.

Я повернул камеру. В поле зрения были новые улицы, новые здания, новые люди. И здесь шла борьба...

Вдруг, точно по мановению чьей-то всемогущей руки, разом погасли огни многомиллионного города, и все погрузилось во тьму. На миг новой, резкой нотой зазвучал гул города и человеческого моря; оторвавшись от «Унископа», я глянул вниз и увидел феерическое зрелище...

Гениополь затаился во тьме и на ее бархатном фоне непрерывным, перегибающим блеском огней фосфорился огромный, неправильный эллипс, обвившийся вокруг «Стального Замка».

— Какой великий, исторический момент! — раздался возле меня голос Берницкого. — Ведь эти огни — железное кольцо революции, обвинившееся вокруг последних могикан Капитала. Ведь здесь, сейчас, мы видим последний аккорд мировой резолюции.

— Смотрите! — раздался возглас Губера. — Смотрите, там... кольцо суживается...

Медленно, как мука агонии, вгибалась внутрь линия огней на северо-западе эллипса. Шаг за шагом, в огне и крови, революция шла вперед. Трепеща и извиваясь, все стягивалось и стягивалось неумолимое кольцо. Грозный, клочущий рев еще резче доносился в наступившей темноте. И вдруг...

Призрачным, зелено-дымчатым светом внутри эллипса зажглось легкое пламя. Струя будто дымящегося света протянулась к линии огней... Секунда-другая, и мы увидели, как отхлынула вдруг живая волна атакующих, раздвинулась сталь кольца, смятый и разорванный стих «Интернационал», — и даже сюда, ввысь, долетел страшный крик, крик боли и бессилия тысяч людей, пораженных каким-то чудовищным, неведомым оружием...

Безмолвно, в каком-то оцепенении, мы стояли у окон. В воцарившейся в каюте тишине возле меня раздавалось прерывистое дыхание Губера. Так прошло минут пять — целая вечность. «Мститель» по-прежнему стоял в воздухе. Зияющая черная брешь разрывала эллипс, растягивавшийся в кольцо, потому что на западной стороне линия огней стремительно отступала. «Интернационал» смолк, город был погружен во тьму, лишь внутри «Стального Замка» слабым, колеблющимся светом догорало дымчатое пламя, да кой-где по городу разбросались боязливые искорки случайных огней.

Вдруг снова вспыхнул свет и Гениополь по-прежнему засветился миллионами огней. Мгновенно в потоках света утонуло кольцо осады, разом, казалось, прекратился бой. Прильнув к камере «Унископа», я теперь видел там и сям полуразрушенные громады зданий, облепленные людьми, и движущиеся человеческие потоки, в беспорядке устре-

млявшиеся куда-то. Внутри кольца немногочисленные, стройные группы людей суетливо, но в порядке двигались с места на место. На зданиях развевались звездные знамена... Это были защитники «Стального Замка»...

Глава XII

НАВСТРЕЧУ БРАТЬЯМ

— Спокойствие, товарищи! — прозвучал голос Карстона. — Нам нужно сейчас решить, как поступить дальше. Мы, конечно, не можем оставаться безучастными зрителями...

— Дадим им радиограмму! — волнуясь, прервал Губер. — А затем, затем сами спустимся туда... вниз...

— Я хотел предложить то же, — сказал Карстон, — хотя с моим «Мстителем», — в голосе его зазвучала гордость, — мы и отсюда, сверху, могли бы помочь нашим братьям. Все же я целиком присоединяюсь к вам, Губер! — закончил он, и в следующую минуту с антенны корабля сорвалась и полетела радиограмма:

.... «Аппарат свободного мира, прорвавшийся через электромагнитную броню, пламенно приветствует борющийся народ. В эти мгновенья мы реем в воздухе над городом, скоро будем с вами. Ждем ответа».

«Мститель» был поистине изумительной аэромашиной. Буквально с каждым часом я находил в нем все новые и новые качества, и когда первый луч прожектора упал на нас, увидел еще одно из них... В один безумно-короткий миг задвинулись окна, загудели машины, страшный толчок сбил с ног всех нас и как снаряд, выпущенный из жерла орудия, «Мститель» уже несся вверх...

— Что случилось? Куда мы? — воскликнул Берницкий, вставая и держась за ушибленный локоть.

— Точно не знаю, но, кажется, нас ищет враг. Наша радиодиаграмма, по-видимому, встревожила хозяев «Стального Замка», — ответил ему Карстон и неровной, тяжелой походкой направился в рулевую каюту.

Подъем длился недолго, не более 3- 4 минут, затем темп его стал ослабевать, раздвинулась обивка стен, ночь глянула в каюту, и «Мститель» вновь замер в воздухе.

— Восемь тысяч метров! — входя в каюту, проговорил Карстон. — Пусть-ка достанут! — и он засмеялся тихим, сдержанным смехом.

В этом момент радиоприемник «Корсара»* поймал ответ на нашу радиодиаграмму: «Восставшие пролетарии ждут братьев из свободного мира. Привет вам. Ждем», — коротко говорилось в ней.

Я подошел к окну. Щупальца бесчисленных прожекторов исполосовывали небо, пучками разбегаясь из «Стального Замка». Огненные очи обыскивали темную лазурь, но мы были уже невидимы для них, защищенные серо-голубой окраской «Мстителя». Но внизу нас ждали и аппарат двинулся вперед. Все быстрее и быстрее Гениополь уплывал мимо окна.

Пролетев несколько десятков километров за город, «Мститель» начал опускаться. Держась на высоте 300-400 метров, аппарат понесся назад, к Гениополю. Вверху над нами бесчисленные юркие полосы света ощупывали небо. Впереди полгоризонта застилала стена зданий-гигантов. Карстон сам управлял аппаратом.

В рулевой каюте, где на минуту собрались все, произошло нечто вроде маленького совещания.

— Я думаю, — говорил Берницкий, — нам нужно опуститься как можно скорее, едва лишь мы будем над городом. Иначе, как знать, нас могут принять за врагов, со всеми последствиями, разумеется.

— А сейчас — дать радиодиаграмму! — вставил механик Поуэлль.

* В двух местах в тексте автор называет летательный аппарат не «Мстителем», а «Корсаром» (*Прим. ред.*).

— И световые сигналы, — добавил я, — если они есть! — и в ответ на мой вопросительный взгляд, Карстон утвердительно кивнул головой.

Заработал радиопередатчик, одна за другой под дном аппарата замелькали разноцветные вспышки огней, ответная радиограмма коснулась нашего приемника и плавным ходом «Корсар» поплыл над улицами и площадями Гениополя. Темная, волнующаяся людская масса расступилась, и легкий приглушенный толчок поставил аппарат на огромной, полной народом площади...

Мы были в Гениополе...

Глава XIII

В ОЧАГЕ РЕВОЛЮЦИИ

Я последним вышел наружу через узкую, автоматически отворившуюся дверь. Неоглядная, многотысячная толпа сплошь заполнила площадь, вплотную подступив к аппарату. В нескольких шагах от него, стоя на какой-то импровизированной трибуне, Губер горячо и пылко уже что-то говорил, а переливчатый, гулкий шум сочувствия волнами перекатывался по молчаливой толпе...

В ту минуту, когда я с подножки ступил на землю, из толпы выделились двое и подошли к нашей группке, стеснившейся у дверей «Мстителя».

Один был плотный, среднего роста мужчина, с русой бородкой, плотно сжатыми губами и острым взглядом. Другой был высокий, худой брюнет, сутуловатый, с нервными нетерпеливыми движениями. Как бы угадав в Карстоне капитана «Мстителя», высокий брюнет сразу обратился к нему...

Каюсь, у меня ускользнуло из памяти, что именно он говорил. Помню лишь, что приветствовал нас от имени

«восставшего и побеждающего народа», говорил о близкой победе, о братстве народов, о нашем прилете. Прямо против нас тяжелой давящей массой вздымалась громада тысячеоконного здания. Там, по его словам, был мозг и нервы революции, там был штаб восстания, там кропотливо строилось новое, революционное правительство, и туда звал нас Редвуд, так звали брюнета.

Его речь длилась минут пять и по мере того, как он говорил, лицо Карстона хмурилось все больше и больше...

— Довольно, товарищ! — воспользовавшись паузой, прервал он Редвуда. — Мы прилетели сюда не для того, чтобы представлять или гостить. У нас есть, — он кивнул в сторону «Мстителя», — машина, граничащая с чудесной. Скажите, что нам делать, чтобы помочь восстанию?!... Ведь каждую минуту там, на постах у «Стального Замка», гибнут десятки, быть может сотни бойцов. Дорога каждая секунда, каждое мгновение. Укажите же, что нам делать?!

Лицо Редвуда просветлело. Быстро, с энтузиазмом, он заговорил вновь.

— Я счастлив, товарищи, слыша эти слова. Это слова истого революционера! Мое приглашение... это был наш... ну, долг вежливости, что ли! Ведь мы не знаем вашего мира, его жизни, его идеологии... Но все же я надеюсь, что вы, товарищи, делегируете одного из своих к нам. Поймите, как горячо, с каким жгучим нетерпением, ждем мы все увидеть и услышать вас, вестников далекого свободного мира...

Карстон обернулся ко мне.

— Я надеюсь, Ведрин, что вы не откажетесь взять на себя роль нашего дипломатического представителя. В конце концов, ведь это же наш долг перед хозяевами страны — сделать им визит...

Я не колебался ни секунды. Соблазнительная перспектива — первым окунуться в этот загадочный мир — улыбнулась мне во всю ширь, и я утвердительно кивнул головой.

— Значит, да! — проговорил Карстон и, склонившись ко мне на ухо, лукаво прошептал: — Какая сенсация для «Европейской Правды»... Не так ли?

— Ну, а что же делать нам? — продолжал он, обращаясь к Редвуду. — Наш посланник готов приступить к исполнению своих обязанностей.

— Я вкратце изложу вам суть дела! — быстро, по-деловому заговорил Редвуд, — «Стальной Замок» сейчас осажден. Его близкое падение неизбежно. У них есть несколько аэро самой совершенной конструкции, но аэро-пристань в «Стальном Замке» разрушена, и хозяева его хотят отбить у нас аэро-пристань Стенхилль, это возле «Стального Замка». Они, — в голосе его зазвучала ненависть, — хотят спастись бегством от мести народа. Так вот, если вы со своей машиной сумеете помешать их бегству... Хотя у нас тоже стоит в полной боевой готовности целая эскадрилья, но должен признаться, ваш аппарат много совершеннее наших... Вот это будет самое лучшее, чем вы можете помочь нам. Будьте готовы, а в момент атаки «Стального Замка»...

— Отлично! — с живостью прервал Карстон. — Мы готовы в любой момент. «Мститель» поднимется. Я думаю, вы не откажетесь сопутствовать нам? — он вопросительно взглянул на Редвуда.

— Да, конечно! — ответил тот и обратился к своему молчаливому спутнику. — Вы, Кемминс, отправитесь сейчас с этим товарищем в «Комитет Восстания», а мы, — он повернулся к Карстону, — поднимемся сейчас на крышу «Дворца Техники» и будем наготове. Оттуда восточная часть города видна как на ладони...

Неслышно затворилась дверца «Мстителя», заглушенный ритм машин прозвучал вновь и, плавно отделившись от земли, «Мститель» поплыл ввысь. Я остался один со своим спутником среди бурно плескавшегося человеческого моря.

Глава XIV

«СТАЛЬНОЙ ЗАМОК»

Я «представительствовал» в «Комитете Восстания» немногим более получаса. Неодолимая сила тянула меня на улицы, в огонь борьбы, к «Стальному Замку». По-видимому, в этом сказывалась моя профессия журналиста-корреспондента и природная авантюристическая жилка. Как бы там ни было, но через полчаса я с Кемминсом через дугу огромной арки вышли на подъезд «Комитета Восстания» и сели в авто, направляясь к «Стальному Замку».

Густая, бурлящая толпа принуждала нас ползти черепашьям шагом, поминутно останавливаясь. Лихорадочное нетерпение, чувство близкой борьбы толкало и гнало меня вперед. Я забрасывал Кемминса тысячами вопросов, прерывал его, не дослушав, не давая ответить на старые, задавал ему все новые и новые вопросы... А авто полз, становился и вновь полз, чтобы через несколько десятков метров стать вновь. Я не выдержал и, обрывая своего спутника, вскочил на ноги.

— Нет, это невыносимо... Так ехать... Это дико, нелепо! Сколько километров отсюда до «Стального Замка»?

— Не больше трех, трех с половиной, — ответил Кемминс и я увидел, что ему тоже надоела и рвала нервы эта черепашья езда.

— Так сойдемте с авто и отправимся пешком! — говорил я, и тотчас, будто только этого он и ждал, Кемминс поднялся с сиденья, распахнул дверцу и мы были на земле.

— Идите за мной, вон туда! Так мы скорее доберемся! — и Кемминс указал рукой на легкий мостик, переброшенный над нашими головами на уровне 35-40 этажей.

— Это верхние пути. Там людей меньше. Вот сюда! — и мы вошли в просторную кабину подъемной машины в фасаде серого, мрачного небоскреба. Мандат «Комитета Вос-

стания» давал нам возможность не терять ни секунды. Кабина взвилась вверх, отворилась дверца, и мы очутились на длинной террасе. Прямо перед нами был узкий и хрупкий мостик, уходящий в огромную, черную дыру в здании напротив. Мы сделали по мостику несколько шагов и я замер на месте.

Передо мной был «Стальной Замок» во всей своей красе. Построенный на холме с отвесными боками, он господствовал над городом. Стекло-железо-бетонные здания, башни и перекрытия горели, как сказочный хрустальный дворец, а посередине, вытянувшись к небу, стояла волшебная, вся облитая светом «Башня Железной Руки»...

— Идемте! Скорее! — раздался над моим ухом голос Кемминса и, оторвавшись от грандиозного зрелища, я устремился за ним.

Скорым шагом мы двинулись через мостик. На середине Кемминс вдруг резко остановился и перегнувшись через перила, глянул вниз, а вслед за ним и я.

Глубоко под нами копошился и суетился растревоженный людской муравейник. Но только этот муравейник не был безмолвен. Крики, лязг какой-то неопределенный гул, все это сливалось в какую-то невообразимую какофонию. Но из этого сонма звуков стихийно вырвалась вдруг одна нотка и, подхваченная десятками тысяч людей, полилась размеренная под ногу могучая песня. Раз-два- три... Раз-два-три... и ей вторил размеренный ритм шагов стройной, бесконечной колонны, направлявшейся в сторону «Стального Замка».

— Идемте! Довольно! — бросил Кемминс, и мы двинулись дальше. Мостик вонзался в арку огромного дома. Кемминс резко свернул влево. Похожая на какую-то широкую, залитую светом и людьми террасу, перед нами расстилалась дорога на высоте 35-40 этажа. С одной стороны, ее окаймляла отвесная стена здания, с другой — хрупкие перила, за которыми была бездна...

В сутолоке и лихорадочной спешке, забрасывая Кемминса вопросами, рассеянно вслушиваясь в ответы, я помню, как Кемминс остановился вдруг у перекрестка, покрытого огромной, перекинутой с краю на край, стеклянной крышей. Деревянный, оглушительный голос громкого громкоговорителя что-то резко выкрикивал...

— Стойте! Послушаем, что он говорит! — сказал мой спутник.

«Алло! Алло! Алло! В западном районе осады враг переходит в наступление... Алло! Алло!... Он хочет отбить Стенхилльскую аэро-пристань... Народ непобедим!.. Алло! Алло!... Все к «Стальному Замку!» К оружию, товарищи!...»

Голос смолк, захрипев, будто подавившись. Кемминс схватил меня за руку.

— Скорее туда! К «Стальному Замку!».. Ах, смотрите, что это? Наша эскадрилья!...

Глава XV

ОГНЕННЫЙ МЕЧ

Поднявшись откуда-то с северо-запада, к «Стальному Замку» неся рой аэро. Тесным, сомкнутым треугольником они вихрем мчались к холодно-бесстрастному эллипсу на скале. И тотчас же грозным ответом загорелся «Стальной Замок»: вспыхнули бесчисленные иглы прожекторов, впились в небо и облитая их лучами эскадрилья с минуту неслась навстречу башням фантастического замка. Только минуту, а в следующую из груди «Стального Замка» нестерпимым бело-зеленым зноем сверкнула дымчатая, конусообразная струя, вытянувшись навстречу треугольнику, и аэро, целая эскадрилья их, вспыхнули и легкой дымкой растаяли в воздухе в течение 2-3 секунд...

Какой-то не то крик, не то стон, будто вырвавшийся из груди побежденного зверя, раздался возле меня. Я обернулся. С искаженным лицом, вцепившись в железные перила мостика, как окаменелый стоял Кемминс. Лицо его выражало беспредельное горе и отчаяние. В следующее мгновение что-то тяжело ухнуло вокруг нас, под нами, — и дикий, звериный рев толпы потряс воздух.

— Кемминс! Кемминс! — вскричал я, стараясь пересилить бушующее море звуков. — Придите в себя, возьмите

себя в руки! Свершившегося факта ведь все равно не вернуть...

— Да, вы правы! Хорошо! — повернулся он ко мне, и я видел, как вздрагивали его плечи и тяжелое, прерывистое дыхание вздымало грудь. — Но поймите, — в голосе его звучало отчаяние, — ведь это была наша гордость, наше орудие мести, наша последняя надежда отомстить им, не допустить их бегства. А теперь они улетят и мы их не удержим. Бомбардируют нас и мы бессильны. Орлы с подрезанными крыльями!

Я нагнулся к уху Кемминса и, сквозь адский шум и крики вокруг, закричал во всю силу легких:

— Нет, крылья не подрезаны! Карстон говорит, что «Мститель» не боится этих лучей. Карстон не даст им бежать. Он самый гениальный инженер нашего мира. Спешим же к «Стальному Замку».

Продираясь сквозь густую толпу, мы перешли мостик. Вдоль зданий опять потянулась нескончаемая лента дороги...

— Стойте! Сюда! — и мы свернули вправо, через огромную, широкую дверь. — Сюда! Здесь, внизу под землей, станция метрополитена.... В Уэстпорт.... Оттуда в Гамменвилль, — отрывисто, сквозь нечеловеческий хаос звуков бросал мне Кемминс.

Мандат «Комитета Восстания» мгновенно опустил нас на 25 метров под землю, втиснул в вагон метрополитена, и мы двинулись.

Глава XVI

ПОД ЗЕМЛЕЙ

Зашипели тормоза и, мягко подкатив, поезд остановился. Огромная ярко освещенная подземная зала перрона, переполненная людьми и оглушительным шумом — вот что отчетливо и ясно запомнилось мне, когда я очутился на платформе. В следующую секунду хлынувший людской поток уже увлекал меня и Кемминса по мрачному туннелю. Длинный, освещенный коридор вырос перед нами; кто-то что-то крикнул, другие подхватили, и толпа устремилась вперед. Еще и сейчас дрожь пробегает у меня по телу, когда я вспоминаю этот путь. В хаосе криков нельзя было сказать ни слова, нельзя было сделать ни одного самостоятельного движения, не рискуя попасть под тысячи ног, что было равносильно смерти.

— Здание станции обрушилось! Бомбардировка с аэро! Здесь выйти нельзя... Это туннель на станцию Мервэн... Главное, спокойствие! Держитесь возле меня! — прокричал на ухо мне Кемминс.

В этот момент вдруг погасли электрические лампочки, освещавшие подземное русло. Бешеный, нечеловеческий не то крик, не то вой разъяренной толпы, глянувшей в очи смерти, прозвучал под сводами туннеля, эхом отдался куда-то вдаль, и все погрузилось в крошечную тьму...

Инстинктивно я нечеловеческим усилием вырвал прижатую к телу правую руку и протянул туда, где был Кемминс. Кажется, я дотронулся до его плеча, но уже в следующее мгновение кто-то, рванувшись вперед, ударил по локтю, сорвал мою руку, дикий топот прокатился по темному коридору и толпа бросилась бежать...

— Кемминс! Кемминс! — закричал я, но голос мой затерялся, как треск хлопушки в громе орудийного выстрела. Ответа не было...

Толпа увлекала меня, как водопад ничтожную щепку. Упасть — значило быть мгновенно раздавленным. Все усилия мои, вся воля, все желания — сосредоточились в одном: не попасть под ноги бегущей толпы. Изредка там и сям вспышками прорезали тьму огоньки карманных фонарей и мгновенно гасли, выбитые из рук. Спотыкаясь, крича, под аккомпанемент проклятий, в паническом ужасе неслась толпа, беспощадно топча тех, кто упал. Ноги мои не раз натывались на лежащие тела, не раз чьи-то руки хватили меня за ноги, и кровь леденящие крики резали темь, а я, задыхаясь, чувствуя, что сердце готово вырваться из груди, мчался все вперед и вперед, в мыслях же было лишь одно: не упасть...

И вдруг мне пришла в голову странная мысль: «Ведь я сегодня ночью прилетел в “Страну Молчания”, спустился в Гениополе, был в “Комитете Восстания”, отправился к “Стальному Замку” и все это для того, чтобы погибнуть в этой подземной мышеловке?!... Нет! Конечно же нет!» — и я внутренне засмеялся, а сознание нелепости такого конца удвоило мои силы, но на секунду закружило голову. Оно на миг опьянило меня, и тотчас же я споткнулся об чье-то тело, инстинктивно вытянул влево руку, толкнулся о кого-то, тот упал, а вслед за ним и я... Сверху упал еще кто-то, еще и еще...

«Конец!» — молнией прорезала голову страшная мысль. На мгновенье ярко-освещенные, предо мной мелькнули лица Карстона и всех моих спутников, кабинет редактора, озабоченное лицо Кемминса, а вслед за тем я нечеловеческим усилием рванулся, высвободился из-под груды упавших на меня тел — стал на ноги...

На миг в какой-то истоме закружилась голова, но страшным усилием воли я вернул себе сознание...

Вправо была холодная каменная стена. Людской поток был гораздо реже и прислонившись к сырому, влажному камню, я уже мог оставаться почти на месте. С минуту я стоял, силясь придти в себя.

— Это в Блэквест! Мервэн взорван! — раздался чей-то голос возле меня, и внезапная догадка прорезала мой мозг.

Так это был боковой туннель и меня толкнули сюда, вместе с другими, а большая часть побежала прямо. Вернется Кемминс? И где он? — загвоздила мысль в голове.

Да, толпа возвращалась. По отдаленным выкрикам, по нараставшему гулу, я понял это. Люди хлынули в Блэквестский коридор и обезумевшее человеческое стадо побежало с удвоенной быстротой. Человеческий поток вновь подхватил и повлек меня...

Я не помню, сколько времени длилась эта дикая гонка... Но вот совсем неожиданно стальные тиски ослабели, и, глянув вперед, я невольно зажмурился. Впереди, вверху, на площадке широкой лестницы, с ослепительно-ярким фонарем в руке стоял какой-то человек. На миг все стихло и человек поднял руку:

— Спокойствие, граждане! Успокойтесь! — прокричал он, и после секундной паузы продолжал: — Выход свободен, все пройдут. Эй, там, не напирайте! — он еще выше приподнял фонарь и глянул далеко через наши головы.

Люди успокоились. Бледная, дрожащая, взбиралась человеческая лента по лестнице, на поверхность земли, к свету, воздуху и простору....

Глава XVII

ПОД ГНЕТОМ «СТАЛЬНОГО ЗАМКА»

Когда, наконец, вырвавшись из страшного подземелья, я вошел в огромный, освещенный зал, моей первой мыслью было: где же Кемминс? Вернуться и обратиться к человеку с фонарем? Но никакая сила не протолкнула бы меня против течения человеческого потока. Искать кого-либо из представителей власти? Но где же их найдешь? — эти мысли с быстротой молнии мелькали у меня в мозгу, пока я

стоял, прижавшись к косяку огромной арки, огибавшей выход из подземной станции. Неожиданно над головой у меня что-то зашипело, забулькало и хриплый деревянный голос заорал:

«Алло! Алло! Враг атаковал Стенхилльскую аэро-пристань. Первая атака отбита... Алло! Алло! К оружию, товарищи!.. Они снова будут наступать... Они...»

— Вы здесь? Здесь? О, как я боялся! Как искал вас! — и чья-то рука легла мне на плечо. Я оглянулся. Взмолванный, бледный и радостный, передо мною стоял Кемминс. Горячо, с участием расспрашивал он о моих злоключениях, рассказал, как искал меня, как минуту назад дал знать обо мне везде и всюду, хотя в душе считал меня погибшим в этой «дьявольской крысоловке», — так назвал он подземелье.

— А теперь идемте! Идемте, время не ждет, — заключил он.

Людской поток уже обратился в слабый ручеек. Мы пересекли зал и вышли на улицу. Против ожидания, было совсем малоллюдно. Через громады высоких зданий, впереди, влево виднелись верхушки башен «Стального Замка».

— Вы слышали радиовестник?... Первую атаку отбили... Отобьют и вторую! — начал Кемминс. — Знаете, у нас есть сверлильные машины и вот уже двое суток в строгой тайне ведется подкоп под северо-западную часть «Стального Замка». Там база обороны и выключатели электромагнитной стены, окружающей нашу страну. Северо-западная часть, это — святая святых «Стального Замка». Кроме этой таинственной «Станции Выключателей», там же находится станция, с которой они могут рассылать электромагнитные бури по всей стране; там есть система, посредством которой они могут заставить бездействовать любые фабрики, заводы, выключив их из электроснабжения. Впрочем они их уже остановили. Вся энергия целой страны, — там, в бесконечных подземных галереях, в огромных аккумуляторах...

— Позвольте! Я не понимаю. Как это вся энергия? В каких аккумуляторах? — перебил я.

— О, так значит вы еще не знаете? — воскликнул Кемминс. — Эта скала, этот холм, на котором стоит «Стальной Замок», весь изрыт подземными залами и галереями, как жилище крота. Там, в самых глубоких подземельях, есть огромные аккумуляторы. Их изобрел инженер Суммерли, выходец из Италии. Гениальнейшего ума инженер и беспримерной жестокости человек.

Вся энергия со всей нашей страны, без всяких проводов, передается в «Стальной Замок», а отсюда уже ее направляют куда захотят. Говорят, что это тоже выдумка Суммерли, как и самый «Стальной Замок». О, это сам сатана в образе человека, но его ум, его талант! Это нечто сверхчеловеческое. Эта адская стена, отколовшая нас от мира, — ведь отсюда подается энергия для нее. Здесь, в «Стальном Замке», ключи от адского кольца.

— А скажите, — прервал я, — этот Суммерли... Где он сейчас? Умер?

Рука Кемминса протянулась к верхушкам башен «Стального Замка».

— Там! Там он! Он душа обороны «Стального Замка»... Тсс... Что это?! Смотрите!....

Глава XVIII

ПОРАЖЕНИЕ

Звучный, многоголосый гул, ежесекундно нарастая, ворвался нам в уши. Гул этот через минуту обратился в сплошной дикий рев и из боковой улицы, справа, навстречу нам ринулся человеческий поток. Стоя в нише подъезда, мы с минуту стояли как оглушенные. Толпа в паническом ужасе откуда-то куда-то бежала. В стихийном шуме, — шуме вод, бегущих через прорванную плотину, — до нас доносились отдельные возгласы. «Говорят “Десять тысяч!”», «Двад-

цать тысяч!» «Где они?» «Стенхилль занят» «Огненные лучи». «Все погибло!» — и выкрики эти сливались с топанием тысяч бегущих ног...

Кемминс сорвался с места... — Стойте! Остановитесь! Что случилось? — выкрикивал он, стараясь остановить бегущих, но ничто не могло хоть на миг сдержать их. Ужас витал над толпой, покори́л, смял и деморализовал ее.

— Вперед! Скорее! — вскричал Кемминс, обращаясь ко мне. — Мы там узнаем. Что-то случилось. По-видимому, что-то ужасное. Быстрее вперед, в штаб! — но сказать это было легче, чем сделать; толпа разливалась во всю ширину улицы.

— Сюда! Здесь должна быть подъемная машина! — и мы вбежали в вестибюль здания. Какой-то длинный коридор вырос перед нами и в два прыжка мы были уже на другом конце его.

Всеведение Кемминса поражало меня. Небольшая кабина подъемной машины, легкое щелканье и мы понеслись вверх. Снова знакомые проспекты над бездной и тотчас через сплетенный из стали мостик мы перекинулись на другую сторону улицы. Бегущая толпа ревела и неистовствовала под нами в судорожном страхе. Я едва поспевал за своим спутником, неустанно торопившим меня сквозь тысячеголосый ужас толпы. Двести-триста шагов и вдруг мы остановились. Как будто под ударом гигантского лома, обрушилась часть стены и впереди зияла огромная пропасть. Кемминс не смутился ни на мгновение.

— Назад! Каждая секунда дорога! Мы найдем другой, третий, десятый путь! — вскричал он и я увидел, сколько стальной энергии было у этого человека.

Мы повернули назад. Тридцать-сорок шагов, мелькнувших как вспышка молнии, и в кабинете подъемной машины мы неслись вниз. Мы пробежали, по-видимому, с десятков зданий, не выходя на воздух. Вереница громадных, сказочной архитектуры зал и переходов промелькнула передо мной, как желтизна увядших листьев, подхваченных смерчами и когда, наконец, распахнулась дверь на улицу, там не было никого. Все было спокойно и пустынно, вплоть

до первого поворота, а там... там новое зрелище выросло перед нами...

Глава XIX

ЗАЩИТНИКИ «СТАЛЬНОГО ЗАМКА»

Во всю ширину улицы затаясь, расположились стройные отряды вооруженных людей. Это были рабочие дружины. По правую и левую сторону улицы, стоя по два в ряд, неподвижно вытянулись вереницы автобусов. Несмотря на присутствие тысяч людей, все было тихо и напряженно спокойно.

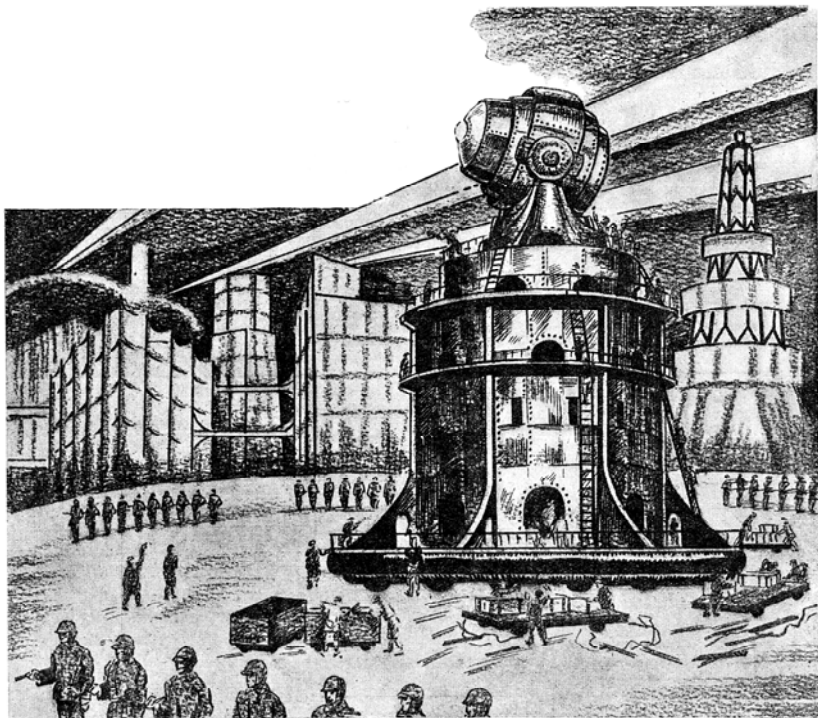
Несколько человек подбежало к нам. Это были, по-видимому, начальники отрядов. Минуты две Кемминс горячо спорил с ними. Как дождь, сыпались незнакомые имена и названия. Я понял, что говорили об отступлении и о взрыве «Стального Замка».

— Вперед! Идемте! — обернулся ко мне Кемминс. — Нам придется пройти к штабу. Подкоп уже закончили. Знаете, они заняли Стенхильскую платформу, огненным лучом сожгли несколько тысяч наших людей. Нам надо найти кого-либо... узнать. Ведь уже начали очищать весь этот район... готовятся взорвать «Стальной Замок». Сюда, сюда, здесь мы не пойдем, видите, стягиваются рабочие дружины, готовясь очищать район. Вы не боитесь головокружения? Ну, так смелее сюда, за мной. Не глядите вниз, — и он юркнул в узкую, колодцеобразную дыру в нише здания. — Это вентиляция наших подземных фабрик и метрополитена...

На миг жуткий ужас пахнул на меня из черного отверстия, но я пересилил себя и вслед за Кемминсом начал спускаться по ржавым железным скобам, вделанным в стену колодца...

Конец!... Я вслед за своим спутником стал на твердую почву. Перед нами уходил вдаль освещенный, влажный подземный туннель.

— Тут недалеко. Идемте! Скоро будет клетка подъемной машины. Мы поднимемся на один из верхних балконов Уольслей-Хауза. Оттуда прямой путь к штабу. Мы сейчас совсем близко от «Стального Замка». А вот мы и у цели!...

Взвилась вверх кабина подъемной машины, дверца распахнулась и вдруг я увидел защитников «Стального Замка».

Огромная, освещенная платформа метров в 400 от нас была с трех сторон обрамлена стройными рядами одетых в серо-зеленое людей. На север, ближе к центру, стояла какая-то огромная машина, какой-то шестиугольный ящик на колесах, заканчивавшийся сверху площадкой с установ-

ленным на ней чем-то наподобие прожектора. Кругом машины неустанно копошились люди. Это был генератор огненного луча...

По ту сторону платформы и справа от нее, здания, галереи, мостики, — все было усеяно людьми в сером. У каждого в руках было маленькое, черное ружье, издали похожее на игрушечное.

Ближе к нам, у подножия зданий и на верхних путях, рабочие дружины, отбиваясь от врага, быстро отступали. Вооружение их было таким же, как и у защитников «Стального Замка». Бой был в полном разгаре. Ружья с той и другой стороны непрерывно горели огоньками бесшумных выстрелов...

Все это я видел не более полуминуты. Люди, — четыре человека, которых я сразу не заметил, — подбежали к нам.

— Назад!.. Назад! — подбегая и махая рукой, закричал один из них. — А, это вы, Кемминс! Скоро будет взрыв. Назад, во имя всего святого! Вниз!

— А вы? Почему же вы остаетесь? — ответил вопросом Кемминс.

— Мы уже не нужны здесь и тоже уходим! — ответил незнакомец. — Сюда, товарищи! — обратился он ко всем нам, распахивая дверцу кабины. Мы вышли, дверь захлопнулась и через стеклянную дверь опускавшейся кабины я на миг вновь увидел платформу, генератор огненного луча, людей в сером и тотчас все скрылось....

Глава XX

КРОВЬ ЗА КРОВЬ

Я не буду рассказывать про наш обратный путь, скажу лишь, что нам удалось попасть в один из гигантских автобусов, на которых рабочие отряды покидали Стенхильский район. Не более как через полчаса мы остановились у подъезда «Комитета Восстания».

— Смотрите, что это? Не ваш ли? — начал Кемминс.

— «Мститель»! — вскричал я. — Да, это они, они! — и быстро, насколько позволяла густая толпа, я бросился к видневшейся над головами толпы черепахообразной спине «Мстителя».

Пройти через цепь охраны, вскочить через распахнутую дверь, — было делом минуты, а в следующую я уже сидел на диване, безжалостно засышаемый тысячами вопросов. Минуту-другую я отвечал, стараясь быть бодрым и веселым, но вдруг какая-то слабость, болезненная истома охватили меня. Хотелось плакать, смеяться, радоваться, а вслед за тем я впал в какую-то прострацию. После всего пережитого наступила реакция.

Помню, я что-то говорил Карстону об огненном луче, о гибели эскадры, и Карстон терпеливым, спокойным голосом повторял, что «Мститель» действительно изолирован от действия луча, что можно быть спокойным за его участь. Помню я, как держал в руках трубку радиотелефона, Берницкий что-то сказал и внезапно все заговорили, заволновались, захлопнулась наружная дверь, загудели машины и их ритм разбудил меня. Усилием воли я подхлестнул себя, встал и подошел к окну.

Корабль поднимался стремительно и уверенно. Знакомая, но, казалось, давным-давно виденная панорама растилалась под нами. Вот аппарат повернул к «Стальному Замку», двигаясь ленивым, неторопливым ходом, и когда

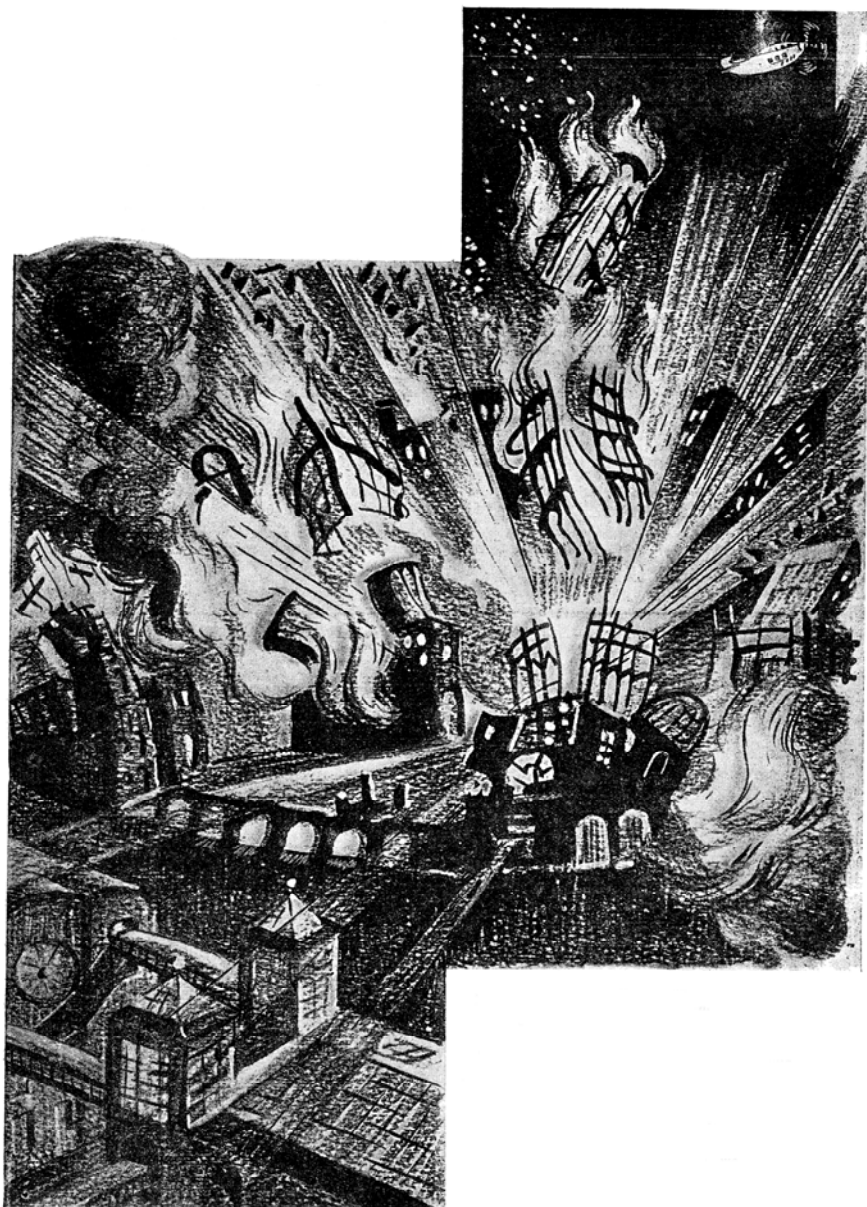
блистающий эллипс очутился под нами, «Мститель» остановился...

Снизу, из «Стального Замка», нас, по-видимому, не замечали: слишком заняты были борьбой. Медленно и осторожно мы начали опускаться. Карстон сам был у руля.

Моя камера «Унископа» лежала забытая тут же на диване. Я взял ее и поднес к глазам. Платформа Сенхилль жила лихорадочной, кипучей жизнью. На южном конце ее стояли две аэромашины и вокруг них суетились маленькие фигурки людей. Сверху их движения казались бесцельными и бестолковыми.

Повернув камеру немного вправо, я увидел здание «Уольслей-Хауза» и крошечный, прилепившийся на выступе балкончик, с которого я впервые увидел «стально-замковцев» меньше часу назад. «Мститель» все еще опускался. Люди на платформе по-прежнему неустанно копошились, что-то делая. Вдали видны были последние отряды революции, поспешно уходившие прочь от «Стального Замка». Люди на платформе вдруг по команде очистили широкую ленту посреди ее, и аэромашины, разбежавшись, начали подниматься. И тогда...

Вдруг всколыхнулась, будто приподнимаясь, северо-западная часть «Стального Замка». На миг зашатались дворцы и башни, затем дрогнули и рассыпались. Целое море огня вырвалось из недр фантастического замка. Багровый свет на миг облил все на десятки километров вокруг. Столб пламени взвился ввысь и, казалось мне, на миг лизнул стальное тело «Мстителя», а вслед затем грянул взрыв, от которого как будто раскололась надвое земля и от края до края сотрясся весь мир. Грозный раскат ворвался в каюту, оглушил и оцепенил нас. Отброшенный взрывом «Мститель», раскачиваясь и вертясь, летел как лепесток в бурю. Потрясенные до глубины души, мы в каком-то благоговении, благоговении ужаса, безмолвно застыли у окон. Внизу горел колоссальный пожар. В искупительном огне горел старый мир, мир насилий и гнета. Заканчивался последний акт исторической трагедии...

— Радиограмма! Победа, товарищи! — раздался тихий возглас Поуэлля. — «“Стена Смерти” пала. 250 аэро первого северного отряда летят на помощь братьям», — прочитал он, а радиоприемник продолжал работать, неся вести со всех концов «Страны Молчания». «Эскадрилья 120 самолетов летит из Монреаля», «Эскадрилья из 350 аэро Английской республики пересекла “Стену Смерти”», «Вторая авио-эскадрилья Китая в 300 аэро летит к борьбе и победе», «400 аэро Французской республики вылетели с западной границы», и — и дальше, дальше без конца. Россия, Индия, Англия, Австралия, Турция, сотни, тысячи аэро, к борьбе и победе, — вот что напереыв говорили бесчисленные радиограммы... Свободный мир шел добывать могикан Капитала, шел на борьбу за свободу, за Коммуну. Без счета, без числа, устремлялись в «Страну Молчания» эскадрильи мстителей-освободителей. Они довершали великое дело.

Случайно мой взгляд упал вдаль, на восток. Ночь уходила и на смену ей загоралась оранжево-красная заря... Это была заря новой жизни, заря свободы...

«Ex orient lux» («С востока свет») — припомнилось мне. С востока пришла Коммуна к нам, европейцам, из некогда чуждой, холодной России; восток же духовно вооружил и привел к победе революцию в «Стране Молчания». Заря понемногу разгоралась, светлела и ширилась, суля безоблачный, ясный день, суля безмятежное будущее миллионам людей.

Это была заря новой эпохи, эпохи грядущей Коммуны.

Комментарии

Произведения, включенные в книгу, публикуются по оригинальным изданиям с исправлением очевидных опечаток; за некоторыми исключениями, сохранены особенности орфографии и пунктуации 1920-х гг. Эти рассказы и повести, в большинстве своем затерянные в малодоступных изданиях, возвращаются к современному читателю благодаря известным и неизвестным энтузиастам, которые, не жалея времени и сил, разыскивали, собирали, ксерокопировали и сканировали пожелтевшие страницы редких книг и журналов. Их самоотверженному труду посвящается наше издание.

Е. Зозуля. Гибель Главного Города

Впервые: «Вечерняя звезда», 1918, 12 апреля (30 марта), 15 (2), 16 (3), 18 (5) апреля и в одноименном авторском сборнике (Пг., 1918).

Е. Д. Зозуля (1891-1941) – русский и советский прозаик. Литературную карьеру начал в 1911 г. в Одессе в качестве фельетониста и автора юморесок; с 1914 – в Петербурге, секретарь редакции «Нового Сатирикона». С началом Первой мировой войны был мобилизован. С 1919 г. в Москве, работал в Жургазобъединении, журнале «Прожектор». Совместно с М. Кольцовым в 1923 г. стал одним из инициаторов возрождения журнала «Огонек», создателем «Библиотеки» журнала. В 1928-1929 гг. было издано трехтомное собрание сочинений. В июле 1941 г. вступил рядовым в народное ополчение, участвовал в боях; позднее работал в газете 31-армии «На врага», прошел с армией боевой путь до Ржева. Умер в госпитале 3 ноября 1941 г. после тяжелой болезни.

«Гибель Главного Города» – одна из фантастическо-сатирических аллегорий, занимающих значительное место в творчестве Е. Зозули. Эта антиутопия отразила некоторую сухость и схематичность, присущие ряду произведений Зозули и отмечавшиеся современниками: «С 18 же года Зозуля переходит к темам явно социальным <...> к романам-фантазиям, романам-утопиям. <...> .

В этих рассказах нет ничего о революции, но все они подсказаны и вызваны ею. Грандиозные события гражданской войны, ожесточенность и длительность ее борьбы, ее разрушительная сила дали Зозуле повод написать целый ряд страниц, в которых фантазия повисшего в воздухе наблюдателя обливается кислотой интеллигентского скептицизма. Фантазии его сухи; более того, они расчетливы. И в них всего два-три элемента: жестокость победителей, покорность и безумие побежденных, жажда человека к свободе и неумение добиваться ее и удержать. Как скептик, Зозуля смеется над всем; но вместе с чем он и всего ужасается. Однако, и в этих утопиях симпатии Зозули на стороне угнетенных» (*Оленев Н. Мелочь // На посту. 1923. №2-3*). Е. Голубовский, составитель и автор предисловия к сборнику Зозули «Мастерская столетий и другие гротескные, фантастические и сатирические произведения» (Одесса, 2012) видит в «Гибели Главного Города» предвестие будущих антифашистских и антикоммунистических утопий: «Тут представлена война миров (почти по Г.Уэллсу), побеждают так называемые демократы. Как тут не вспомнить не только Замятина, но и Оруэлла и Хаксли».

С. Буданцев. Эскадрилья всемирной коммуны

Впервые в изд. «Библиотеки “Огонек”» (М., 1925).

С. Буданцев (1896-1940) – русский советский прозаик, поэт. Первый очерк опубликовал в 1912 г., будучи еще гимназистом в Рязани. В 1915-1916 гг. учился на историко-филологическом факультете Московского университета. В 1916-1918 гг. – в Персии в составе 25-го Восточно-Персидского отряда Всероссийского Земского союза, позднее работал журналистом на Кавказе и в Астрахани (редактор газеты «Красный воин»). В 1920 г. выпустил сборник стихов «Пароходы в Вечности», в 1922 г. экспериментальный роман «Мятеж» (позднее переименован в «Командарм»). Автор ряда изданных в 1929-1930-х гг. книг прозы. Был арестован в 1938 г., приговорен к 8 годам лагерей за «контрреволюционную пропаганду», умер в лагере на Колыме. Повесть Буданцева отразила как повсеместное увлечение «аэро-воздушной» тематикой, так и мотивы западной военной фантастики 1910-х гг.; в свою очередь, наряду с ранними рассказами Н.

Шпанова она стала предтечей советской милитаристской фантастики.

«Как многие вещи тех лет, повесть С. Буданцева написана в форме некоего сухого отчета, местами она настолько бесстрашна и лишена стилистических красот, что, кажется, автора вообще не интересовала литературная часть дела. Но это не так. Писать он умел» – констатирует Г. Прашкевич (*Прашкевич Г. Адское пламя*. Новосибирск, 2007). Попутно автор отмечает «поразительную деталь: <...> Буданцев пророчески предсказал кончину Бенито Муссолини. Этого Муссолини, главу кабинета последнего капиталистического государства в мире (понятно, имеются в виду события, разворачивающиеся в повести), вешают в 1944 году (!!!), правда, не итальянцы, а восставшие туземцы Мадагаскара».

Достойна упоминания еще одна деталь: подвергшийся неудачной операции омоложения в самом начале повести принц *Филипп* Румынский напоминает не только об известных экспериментах школы Р. Штейнаха-С. Воронова, но и об основанной на данном материале повести М. Булгакова «Собачье сердце» (1925) и одном из ее главных героев – профессоре *Филиппе Филипповиче* Преображенском.

С. 33. *Не шепот Циммервальда...* – Имеется в виду международная конференция левых социалистов, проходившая 5-8 сентября 1915 года в швейцарской деревне Циммервальд.

С. 36. *...Битерфорда* – Эта фамилия была явно подсказана автору знаменитым британским физиком Э. Резерфордом (1871-1937).

С. 40 *...Лоренцо Маркес* – Также Лоуренсу-Маркеш, бывшая столица Португальской Восточной Африки, ныне Мапуту – столица и крупнейший город Мозамбика.

С. 40. *...Порт-Наталь* – Также Порт-Натал, устаревшее название современного Дурбана в ЮАР.

С. 41. *...фабрика резиновых изделий “Новый Рамзес”* – Т.е. презервативов. «Рамзес» – знаменитая в свое время и просуществовавшая до середины 2000-х гг. марка презервативов.

С. 45. *... Капштадта* – Капштадт (Капстад) – устаревшее название Кейптауна.

Н. Шпанов. Таинственный взрыв

Впервые: Всемирный следопыт, 1925, № 8. В переработанном виде в журнале «Вокруг света», 1927, № 9, под названием «Записка Анке» и псевдонимом К. Краспинк.

Н. Шпанов (1896-1961) – русский советский прозаик. Выходец из Никольска-Уссурийска, выпускник Высшей офицерской воздухоплавательной школы, участник Первой Мировой войны. С 1918 в Красной Армии, до 1939 г. служил в среднем комсоставе советского Военно-воздушного флота. С середины 1920-х гг. активно пропагандировал авиацию, написал ряд учебников, методических пособий и популярных книг по авиации. Получил широкую известность благодаря фантастическо-милитаристской повести «Первый удар» (1939) о молниеносном разгроме фашистов. С тридцатых годов, помимо беллетризованных биографий, опубликовал множество агитационно-авантюрных произведений о происках коварных империалистов и засланных ими в СССР диверсантов и шпионов.

«Таинственный взрыв» – первый фантастический рассказ Шпанова и его первое художественное обращение к тематике, составившей позднее двусмысленную славу писателя. Собственно фантастического в рассказе мало, за вычетом «альтернативно-исторического» сюжета и технически совершенного на тот момент летательного аппарата; обращает на себя внимание, однако, лирическое и точное описание ночного полета, сделанное профессиональным авиатором.

С. 59. ... *товарища Чичерина* – Г. Чичерин (1872-1936) – с 1923 г. и в описываемое в рассказе время нарком иностранных дел СССР.

Антон Горелов. Огненные дни

Впервые в серии «Книга для всех» изд. «Дешевая книга» (М.-Л., 1925).

Биографических сведений об авторе не имеется, о чем приходится только сожалеть: повесть Горелова выполнена в традициях и стилистике дореволюционных копеечных детективных и приключенческих «выпусков», а по абсурдности и идиотичности происходяще-

го достойна звания шедевра советской бульварной авантюрно-приключенческой фантастики. Автор, между прочим, ошибся всего лишь на несколько лет, отнеся мировую войну к 1948 г.

С. Григорьев. Гибель Британии

Впервые: Всемирный следопыт, 1926, № 3. Упомянутые в редакционном предисловии рассказы вместе с «Гибелью Британии» были позднее объединены в одноименную повесть (М.-Л., 1926).

С. Григорьев (наст. фамилия Григорьев-Патрашкин, 1875-1953) – русский советский писатель, автор нескольких научно-фантастических произведений, многочисленных исторических романов, книг для детей и юношества. Уроженец Сызрани, учился в Санкт-Петербургском электротехническом институте. Был отчислен за участие в студенческой демонстрации и с 1901 г. вел жизнь провинциального журналиста; в 1922 г. поселился в Сергиевом Посаде. В 1927 и 1959-1961 гг. были выпущены собрания сочинений.

Повесть «Гибель Британии» высоко оценил М. Горький, писавший автору в июле 1926 г.: «“Гибель Британии” весьма понравилась и удивила густотою ее насыщенности, ее *русской* фантастикой, остроумием» (Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели: Неизданная переписка. М., 1963). Тем не менее, «Литературная энциклопедия» (1929-1939) критиковала писателя за сложную для детского восприятия «композиционную структуру и сжатость языка»; вердикт был краток: «Григорьев не справляется <...> с современными социальными заданиями». Р. Нудельман считает наиболее интересным у Григорьева «описание общественной структуры, быта, технических достижений Новой страны <...> Можно увидеть в повести Григорьева многое из того, что характерно для тогдашней фантастики: картины будущего, развернутые в авторских описаниях или лекциях (несомненная дань утопической схеме); гигантские стройки в Азии и Сибири <...> и упрощенно-коммунальный быт; множество интересных научно-технических предвидений (автоматизация, самокатные дороги, реорганизация речной системы страны и т. д.) наряду с наивными социальными схемами и надуманными общественными конструкциями (например, разделение Новой страны на шестиугольники; обязательное деление ее подземных

дворцов на шестиугольники и т. п.)» (*Нудельман Р.* Фантастика, рожденная революцией // Фантастика-1966. Вып. 3. М., 1966).

С. 125. ...*аль-пари* – Также альпари, от итал. al pari (вровень, наравне) – точное соответствие рыночной цены и номинальной стоимости акций и других ценных бумаг.

С. 129. ...*Жакардовым станком* – Речь идет о станке для выработки узорчатых материй, построенном в первом десятилетии XIX в. французским изобретателем Жозефом Мари Жаккардом (Жаккардом, 1752-1834); работа станка управлялась перфокартами.

С. 130. ...*гитом* – Гит – здесь: заезд на скачках.

П. Н. Г. Стальной замок

Впервые: Вокруг света, 1928, № 1-3.

Имя автора этой кровожадной утопии, в финале которой «эскадрильи мстителей-освободителей» мчатся «добывать могикан Капитала», осталось неизвестным, псевдоним его не расшифрован. В оригинальной публикации с главки III обозначение «глава» отсутствует и следуют лишь номера и заголовки; мы добавили это обозначение в целях единообразия.

С. 181. ...*инженер Суммерли* – Имя заимствовано у профессора Саммерли (Summerlee), одного из героев «Затерянного мира» и других произведений А. Конан Дойля.

С. 189. «*Ex orient lux*»... – Так в тексте. Правильно «*Ex oriente lux*» (лат.), «С Востока свет» – парафраз Мф. 2:1-2.

Оглавление

<i>От составителя</i>	7
<i>Е. Зозуля. Гибель Главного Города</i>	8
<i>С. Буданцев. Эскадрилья всемирной коммуны</i>	31
<i>Н. Шпанов. Таинственный взрыв</i>	53
<i>А. Горелов. Огненные дни</i>	81
<i>С. Григорьев. Гибель Британии</i>	116
<i>П. Н. Г. Стальной замок</i>	141
Комментарии	190

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.